

Как Хрущёв наградил египетского президента
Насера Звездой Героя Советского Союза

с. 31–33

ОСНОВАТЕЛИ ЮЛИАН СЕМЁНОВ И АРТЁМ БОРОВИК

ИЗДАЁТСЯ С 1989 ГОДА

www.sovsekretno.ru

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

#6 (383) ИЮНЬ 2016

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК РАССЛЕДОВАНИЙ

16+

Сердечные драмы кардиолога Чазова

Валентина Бунина: «Первый раз он сказал мне слово «дочка» четыре года назад. По документам я числюсь сестрой своего отца...»

с. 14–15

Тайна тётиных дневников

Актриса
Зинаида Кириенко:
«От обиды я как
заору на Герасимова:
«Ну и не нужен мне
ваш ВГИК и ваша
Москва! И вы, и ваш
Шолохов вместе
с «Тихим Доном!»»

с. 22–24

Мы с Ромой Абрамовичем из одного детдома

Андрей
Разин:
«Ласковый
май»
никогда
не бросает
своих

с. 20–21

Вы можете помочь
детям победить
болезнь, просто
отправив **СМС** на
короткий номер

6162

любая сумма
может спасти

ЖИЗНЬ

СМС пожертвования на лечение
детей с онкологическими и
гематологическими заболеваниями
(от 10 до 15000 рублей).

Услуга бесплатная
и доступна абонентам МТС,
Мегафон, Билайн и ТЕЛЕ2.

Подари Жизнь

Быстрый способ помочь!

Мобильное приложение благотворительного
фонда помощи хосписам «Вера»

Скачайте на
hospicefund.ru/mobile
и узнайте, как помочь неизлечимо
больным людям

Нельзя вылечить,
но можно помочь

фонд помощи
хосписам

Вера

ОБЩЕСТВО

Константин МИХАЙЛОВ

Безвозвратные потери Москвы

Что разрушили в столице за последние 5 лет.
Почему московское правительство игнорирует распоряжения Президента России?

4
стр.

КРИМИНАЛ

Артём СВЕТЛОВ

Охотники за собственностью из «Парнаса»

Нижегородский завод по производству гражданского оружия попал в жернова финансовых интересов бизнесменов от партии Михаила Касьянова.

7
стр.

ПОЛИТИКА

Артём БУЗИЛА

Будни одесской тюрьмы

Один год из жизни украинского политзаключённого – журналиста Артёма Бузилы.

8
стр.

ПОЛИТИКА

Софья БАРДИНА

Из жизни «политических динозавров»

Курск ожидает очередного пришествия Александра Руцкого.

10
стр.

ПОЛИТИКА

Алексей ЧЕЛНОКОВ

Как «Гамаюн» хотел «вздыбить Россию»

Свою политическую карьеру 21-летний Алексей Навальный начал в неформальном боевом крыле партии «Яблоко» – Союзе сил сопротивления «Гамаюн».

12
стр.

ОБЩЕСТВО

Юрий ПАНКОВ

Сердечные драмы кардиолога Чазова

Валентина Бунина: «Первый раз он сказал мне слово «дочка» четыре года назад. По документам я числюсь сестрой своего отца...»

14
стр.

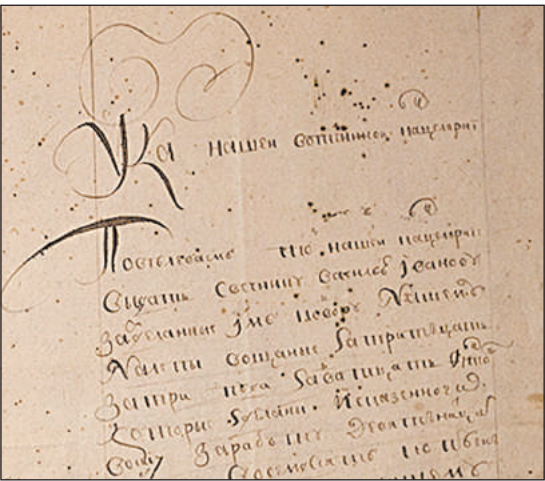
КРИМИНАЛ

Сергей ПЛУЖНИКОВ

Дело о краже императорских повелений

Израиль скрывает от российского правосудия самого ловкого и беспринципного архивного вора.

16
стр.

ОБЩЕСТВО

Сергей БАЛМАСОВ

Русский след на Таити

История жизни и смерти «сепаратиста» Бориса Леонтьева, ставшего патриотом Французской Полинезии.

18
стр.

ОБЩЕСТВО

Андрей НИКОЛАЕВ

Мы с Ромой Абрамовичем из одного детдома

Андрей Разин: «Ласковый май» никогда не бросает своих.

20
стр.

ОБЩЕСТВО/КУЛЬТУРА

Андрей КОЛОБАЕВ

Исконно русская Аида

Зинаида Кириенко: «От обиды я как заору на Герасимова: «Ну и не нужен мне ваш ВГИК и ваша Москва! И вы, и ваш Шолохов вместе с «Тихим Доном!»

22
стр.

ОБЩЕСТВО

Владимир ЛИСИЧКИН, Андрей КОЛОБАЕВ

Святой врач

Житие гениального хирурга, лауреата Сталинской премии, а также эзка-священнослужителя, преданного советской властью «анафеме» и ныне причисленного к лику святых.

25
стр.

ОБЩЕСТВО

Юрий АКУЛИЧ

«Святитель Лука» приходит на помощь

В отдалённых районах Сибири и Дальнего Востока, там, где нет нормальных больниц, людей по-прежнему в лучших традициях фронтовой медицины выручают санитарные поезда.

29
стр.

ИСТОРИЯ/XX ВЕК

Василий КОЛОТУША

«Отберите орден у Насера»

Как Хрущёв наградил египетского президента Насера Звездой Героя Советского Союза. Из воспоминаний Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в отставке.

31
стр.

ИСТОРИЯ/XX ВЕК

Алексей БОГОМОЛОВ

Не в деньгах счастье

На какие средства жили советские вожди.

34
стр.

ИСТОРИЯ/XX ВЕК

Роман НИКИТИН

Бегство из Бреста

Из неопубликованных мемуаров первого секретаря Брестского обкома КП(б) Белоруссии Михаила Тупицына о первом дне войны.

37
стр.

ОБЗОР КНИГ

Алексей МОКРОУСОВ

Трубадуры лысенковщины/ Разница в деталях/ Спорный реалист

40
стр.

ИСТОРИЯ ВЕЩЕЙ

Виктор МИЩЕЦКИЙ

Радиофон Куприяновича

В 1961 году советский инженер Леонид Куприянович продемонстрировал карманный мобильный телефон весом в 70 граммов.

42
стр.

КАЛЕНДАРЬ

Владимир ВОРОНОВ

Пиррова победа генерала Брусилова

Сто лет назад русская армия начала наступательную операцию, вошедшую в историю как Брусиловский прорыв.

44
стр.

Горький: смерть по расписанию

Последние два года своей жизни «буревестник революции» провёл фактически под домашним арестом.

45
стр.

КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО

Уильям ЛОГАН/Перевод Сергея МАНУКОВА

Убийца с сердцем

46
стр.

Президент группы компаний «Совершенно секретно»: Вероника БОРОВИК-ХИЛЬЧЕВСКАЯ

Главный редактор: Сергей СОКОЛОВ

РЕДАКЦИЯ:
Заместители гл. редактора:
Алексей БОГОМОЛОВ, Сергей ФРОЛОВ

Обозреватели: Кирилл БЕЛЯНИНОВ,
Владимир ВОРОНОВ, Артём ИУТЕНКОВ,
Юрий ПАНКОВ, Сергей ПЛУЖНИКОВ, Олег СОЛОВЬЁВ, Алексей ЧЕЛНОКОВ

Судебные репортёры: Александра ПАВЛОВА,
Валерий РОКОТОВ, Александр КРУГЛОВ

Дизайн-бюро: Инна АЗОРКИНА, Ольга АКСЁНОВА,
Александр КЛИЩЕНКО
Бильд-редактор: Галина НЕСТЕРОВА
Корректоры: Татьяна РЯШЕНЦЕВА,
Евгения МАРТЫНОВА
Проверка: Ирина ШМЕЛЁВА,
Марина АЛЕКСАНДРОВА
Web-инженер: Дмитрий ГОНЧАР

Технический директор: Алексей ПИРОЖКОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Александр БЕНЕНСОН, Михаил КАТЫШЕВ,
Василий ЛИВАНОВ, Михаил ЛЮБИМОВ, Лариса РЕШЕТНИКОВА, Леонид РОШАЛЬ, Александр СТРУЕВ

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС»
Генеральный директор: Сергей ПЛОТНИКОВ
Адрес редакции и учредителя:
121099, Москва, Композиторская ул., д. 17

E-mail: sovsek@sovsek.com
Тел/факс редакции: +7 (495) 648 66 05

ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ:
Директор Людмила БИРЮКОВА
+7 495 648 6096; e-mail: lba@topsecret.cnt.ru

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:
Директор: Ирина САВУШКИНА
+7 495 648 6096; e-mail: savushkina@sovsekret.ru
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ: +7 495 648 66 92

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-58625 от 11.08.2014 г. Подписные индексы: 32209, 99265

Номер подписан в печать 26.05.2016 г.
Время подписания в печать:
по графику – 14.00, фактически – 13.59

Общий тираж газеты: 654 080 экз.
Читательская аудитория: 2 млн 300 тыс.
Цена свободная.
Газета печатается в городах:
Алматы, Киев, Рига, Тарту, Тбилиси, Хабаровск

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать не заказанные ею рукописи и иллюстрации. Перепечатка материалов, их использование в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ, возможна только с разрешения редакции.
Ссылка на «Совершенно секретно» обязательна.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламы.
Точки зрения редакции и авторов не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС», 2016

ИМПОРТЕР В БЕЛАРУСЬ: ООО «Росчерк»
г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123;
тел: +375 17 331 94 27 (41)

ДИСТРИБЬЮТОРОМ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ ЯВЛЯЕТСЯ: ООО «Издательский дом «Гранд Экспресс»
Директор: Станислав ПЛУХОВ
680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 4212 309 980

ДИСТРИБЬЮТОРАМИ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ ЯВЛЯЮТСЯ: ООО «Совершенно секретно-Украина»
Директор: Алексей ВЛАДИМИРОВ
04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27
Адрес редакции:
04073, г. Киев, Куреневский пер., 17-г
тел: 8 10 380 44 207 97 11

ООО «Планета»
Грузия, Армения, Азербайджан
Ген. директор: Мераб ЧАНЧАЛАШВИЛИ
Адрес редакции: 0105, Грузия, Тбилиси, ул. Манджгаладзе, д.14
тел: 8 10 (9 9532) 293 3873, 8 10 (9 9532) 299 9545
Адрес для корреспонденции:
0105, Грузия, Тбилиси, ул. Пушкина, д. 6

ТОО «Мир пресс»
Казахстан, Узбекистан, Киргизия
Директор: Оксана САПРИНСКАЯ
050004, г. Алматы, Ауэзовский район, ул. Утеген Батыра, 76а, оф. 406;
тел: +7 (727) 276 0558, +7 (727) 277 0236

SIA «ZIME»
Член правления: Елена УСТИНОВА
Рига, Латвия, ул. Мартыня 9, LV 1048

БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ МОСКВЫ

Что разрушили в столице за последние 5 лет

**Константин
МИХАЙЛОВ**

Специально для
«Совершенно секретно»

У «новой градостроительной политики» Сергея Собянина – Марата Хуснуллина (а были ведь времена, когда её даже называли «градостроительной революцией») было, как водится, «прекрасное начало», когда волевым порядком мэр отменил строительство бизнес-центра на Хитровской площади. Был апогей, когда весной 2011-го, после очередного скандала со сносом старинного дома, мэрия заявила, что отменяет смертные приговоры 220 старинным зданиям в центре. Прогресс был закреплён, когда осенью мэр лично провёл первое заседание новой комиссии при правительстве Москвы по градостроительству в зонах охраны памятников архитектуры, куда вошёл и автор этих строк. Новой комиссии ставилась задача беречь исторический город, в отличие от прежней, лужковской, которой вменялось в вину вынесение тех самых отменённых новой мэрией 220 смертных приговоров.

С тех пор прошло 5 лет, много воды утекло, и о «новой градостроительной политике» уже почти никто не вспоминает. Да и странно вспоминать о том, чего нет. Безусловно, многое изменилось в Москве по сравнению с 2000-ми годами: реставрируют больше и дороже, сносят – количественно – всё же меньше. Уроки истории всё-таки даром не проходят, все же помнят, какую роль сыграл градостроительный фактор при отстранении прежнего мэра от должности. Однако количество архитектурных и градостроительных потерь по-прежнему велико, а качество утрат таково, что, как только начинаешь считать, понимаешь, то, что при Юрии Лужкове только замыслили и обсуждали – при Сергее Собянине решительно претворили в жизнь. А что касается институций, которые могли бы защитить исторический город в целом, – Москва оказалась отброшена даже не ко временам Лужкова, а лет этак на 40 назад.

Но обо всём по порядку, назову только самые крупные потери – «мелочи» в виде сносов десятков старинных домов оставим историкам столичного градостроительства.

«ЧЁРТОВА ДЮЖИНА» ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ И АРХИТЕКТУРНЫХ СНОСОВ 2011–2016

1. Гибель интерьеров «Детского мира»

Знаменитый универмаг, построенный в 1953–1957 годах по проекту архитектора Алексея Душкина, с 2008 года был закрыт на реконструкцию, которую проводит ОАО «Галс-Девелопмент» (основной акционер – банк ВТБ). Мосгорнаследие в конце 2011 года выдало разрешение на демонтаж внутренних конструкций и помещений «Детского мира». В канун Нового года в здании заработали экскаваторы. Эксперты настаивали на сохранении центрального торгового зала (атриума), входного вестибюля, мраморной лестницы, сводчатых галерей Лубянского пассажа XIX века, сохранённых при строительстве «Детского мира». Но новая городская администрация проигнорировала эти обращения. В течение нескольких месяцев с остатками интерьеров (значительная часть была демонтирована ранее, мраморные балясины просто разбивались) было покончено. Новые интерьеры здания не имеют ничего общего с подлинным «Детским миром».

2. Снос и новое строительство в усадьбе Шаховских-Глебовых-Стрешневых

Усадьба Шаховских-Глебовых-Стрешневых на Большой Никитской, 19/16 некогда числилась памятником федерального значения. Тем не менее для нужд строительства новой сцены театра «Геликон-опера» ещё в 2009 году были полностью снесены входившие в состав памятника и описанные в его паспорте полуциркульный флигель XVIII–XIX веков и флигель по Калашному переулку (кроме фасадной стены), уничтожены усадебные дворы. Осенью 2010 года строительство было приостановлено. Однако весной 2011-го новые городские власти приняли решение о продолжении строй-

ки. Летом 2011 года был снесён ещё один, так называемый керамический, флигель по Калашному переулку.

Главный дом усадьбы XVIII века надстроен со двора дополнительным этажом, но и на это нарушение закона городские власти старательно закрывают глаза, как и на представление Прокуратуры Москвы (февраль 2011 года) о противоречии всего проекта, предусматривающего новое строительство на территории охранной зоны, законодательству.

Мэр Сергей Собянин посещал стройплощадку «Геликона», заверяя, что стройка будет доведена до конца. И сдержал своё слово. Половина замечательной городской усадьбы уничтожена и застроена новым театральным зданием.

3. Снос Московской соборной мечети

Снос Московской соборной мечети в Выполозовом переулке 11 сентября 2011 года стал первым с 1978 года случаем уничтожения храмового здания в столице. При Юрии Лужкове такой сценарий обсуждали, но в жизнь воплотить не спешили, а вот при Сергее Собянине воплотили.

Стремление Духовного управления мусульман Европейской части России снести старинную мечеть ради строительства нового комплекса молитвенных зданий было поддержано столичными властями, несмотря на протесты экспертов, общественности и мусульманских организаций по всей России. Сейчас на месте Соборной мечети выстроено новое здание, в разы превосходящее прежнее по всем габаритам.

Соборная мечеть, построенная в 1904 году по проекту архитектора Николая Жукова, была одним из двух дошедших до наших дней исторических мусульманских молельных

зданий Москвы. Соборная мечеть – свидетель важнейших событий истории московских мусульман XX века, с 1904 до 2011 года службы в ней не прекращались.

4. Снос и новое строительство на стадионе «Динамо»

Стадион «Динамо», построенный в 1927–1936 годах по проекту архитекторов Леонида Черикова и Александра Лангмана, был значительным памятником архитектуры советского периода. Ещё в 1987 году он был поставлен городскими властями на охрану именно как памятник архитектуры. ЗАО «ВТБ Арена» (подразделение банка ВТБ) задумало реконструировать стадион, а параллельно построить элитное жильё на территории прилегающего парка.

10 февраля 2012 года стены стадиона стали крушить экскаватором. Снос стал возможен благодаря беспрецедентной манипуляции с охранным статусом: в 2011 году здание было объявлено городскими властями «достопримечательным местом», хотя постановление 1987 года о признании стадиона памятником архитектуры не отменено. Три четверти постройки были уничтожены. В 2014 году на «Динамо» началось новое строительство – единственная сохранившаяся трибуна будет встроена в абсолютно новое – и иное по облику – здание.

5. «Реконструкция» дома Волконских на Воздвиженке

Главный дом городской усадьбы XVIII–XIX веков, сохранявший следы первоначальной отделки фасадов, являлся мемориальным. Этот дом описан Львом Толстым, который и сам здесь бывал, в «Войне и мире» – как дом старого князя Болконского. Ещё в 2009 году по заявлению фонда «Центр развития русского языка» (ныне «Центр развития межличностных коммуникаций») дом лишился статуса выявленного памятника, который мешал реконструкции.

Против вандальной надстройки дома двумя этажами выступали депутаты Госдумы, представители Общественной палаты и Совета при Президенте РФ по культуре; подписи под обращением к мэру Собянину с просьбой остановить разрушение дома поставили более 200 деятелей отечественной культуры, науки, искусства. Аттестованные эксперты составили заключение, согласно которому утрата образа дома недопустима для Москвы и противоречит законодательству о градостроительстве в охранных зонах. Министерство культуры РФ не утвердило градостроительные регламенты территории, допускавшие надстройку.

Но городские власти выдали все необходимые разрешения и согласования на реконструкцию с надстройкой в охранной зоне. Она началась весной 2013 года и закончилась в 2014-м. По мнению многих, результатом стало грубое искажение исторического облика дома.

ПОЧЕМУ МОСКОВСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ ТОРОПИТСЯ ВЫПОЛНЯТЬ РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ?

6. Частичный снос Кругового депо Николаевской железной дороги

Первое паровозное депо Москвы и одно из первых железнодорожных зданий в столице. Построено в 1847–1849 годах по проекту архитектора Константина Тона, автора храма Христа Спасителя, Большого Кремлёвского дворца, Московского вокзала в Петербурге и Ленинградского вокзала в Москве.

В канун 2012 года Мосгорнаследие согласилось с результатами историко-культурной экспертизы, признав депо объектом культурного наследия регионального значения, однако соответствующий акт правительства Москвы так и не был издан. Предложенный экспертами «предмет охраны» подразумевал полное сохранение здания. Но ОАО «РЖД» настаивало хотя бы на частичном сносе – ради новых путей для пригородных поездов. В апреле 2013 года городские власти выдали разрешение на демонтаж 9 из 22 секций Кругового депо в рамках проекта «реставрации с приспособлением». Снос части «охраняемого» государством памятника состоялся в конце мая 2013 года с применением тяжёлой техники, Круговое депо перестало быть круговым.

7. Снос и новое строительство на территории Сретенского монастыря

К 2017 году в Сретенском монастыре должен подняться новый собор с весьма символическим посвящением – храм Новомучеников и Исповедников Российских на Крови, что на Лубянке. Так, по замыслу настоятеля Сретенского монастыря о. Тихона (Шевкунова), должен быть отмечен юбилей революции 1917 года, с которого церковь собственно и ведёт мариолог новомучеников.

Ради осуществления этого проекта, одобренного городскими властями, в декабре 2013 года были снесены пять монастырских построек XIX века. Затем была урезана, чтобы не мешать строительству, территория объекта культурного наследия. После этого произошла беспрецедентная манипуляция с охранными зонами – «поверх» действующей охранный зоны памятников регионального значения, запрещающей новое строительство, была, как козырная карта, наложена зона регулирования застройки памятника федерального значения, которая его разрешала. Вся эта градостроительная спецоперация опять-таки была одобрена городскими властями.

Согласно материалам проекта, площадь самого храма займёт чуть более 5% от площади проектируемого здания. Всё остальное – подземные паркинги, как в офисе, собственно офисы, складские и технические помещения. После завершения строительства исторический облик монастыря переменится до неузнаваемости: новое здание будет визуально подавлять древний собор и станет новым главным архитектурным акцентом комплекса.

В настоящее время обсуждается и новый снос – старинного дома по Рождественскому бульвару, чтобы он не загораживал вид на новый архитектурный шедевр.

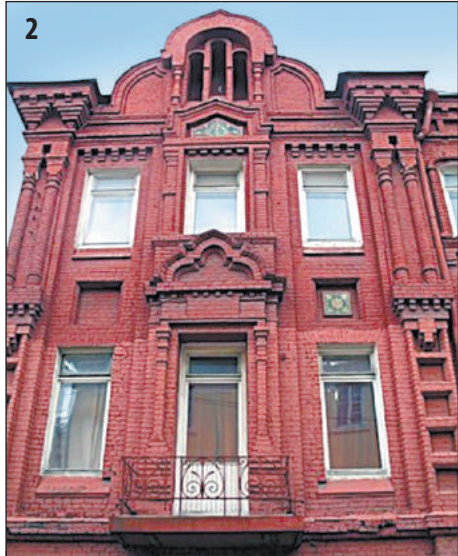
8. Снос исторических построек и строительство нового офисного комплекса на территории Ново-Екатерининской больницы на Страстном бульваре

Ранним утром 1 января 2013 года в Москве снесли два корпуса первой трети XIX века, входившие в состав комплекса Ново-Екатерининской больницы, а также флигель 1930-х годов. Решение о сносе трёх корпусов было принято, несмотря на протесты экспертов и общественников, 26 декабря 2012 года городской комиссией по градостроительной деятельности в зонах охраны объектов культурного наследия.

Решение это принималось, невзирая на действующие постановления столичного правительства, предписывавшие сохранение исторических построек и полный запрет нового строительства на этой территории.

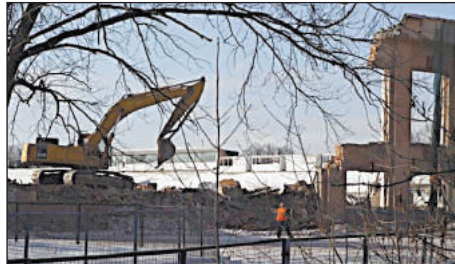
Легендарный «Детский мир»: до и после реконструкции

Памятник федерального значения «Усадьба Шаховских-Глебовых-Стрешневых»

Московская соборная мечеть, построенная в 1904 году по проекту архитектора Николая Жукова

Стадион «Динамо» был признан памятником архитектуры в 1987 году

Дом Волконских на Воздвиженке. Именно в этом доме Лев Толстой «поселил» в романе «Война и мир» старого князя Болконского

Круговое депо Николаевской железной дороги перестало быть круговым

Новое строительство на территории Сретенского монастыря

К началу 2015 года здесь с одобрения новых городских властей выстроен по проекту, подписанному в том числе главным архитектором Москвы Сергеем Кузнецовым, 6-этажный офисный комплекс. Его уже освоила Мосгордума.

9. Снос дома Прошиных на 1-й Тверской-Ямской улице

В 2012 году комиссия правительства Москвы по градостроительству разрешила «реконструкцию» дома Прошиных на 1-й Тверской-Ямской улице, 22, имевшего уникальный фасад эпохи модерна. Условием было обязательное сохранение этого фасада. Застройщики снесли сначала дом, а затем, в августе 2014-го, и уникальный фасад (заказчик работ ООО «Компания Миретта», подрядчик – ООО «ТСА»).

Дом Прошиных, перестроенный в 1905 году по проекту архитектора Павла Заруцкого из более раннего здания, по единодушному мнению специалистов, представлял собою особо ценный образец архитектуры московского модерна. Его главный фасад был украшен изящным полихромным фризом с изображением подснежников. Фриз, выполненный в технике сграффито, характерной для лучших построек европейского арнуво начала XX века, не имел аналогов в архитектуре Москвы.

Городские руководители грозили строителями карам, даже судом и обещали остановить реализацию строительного проекта. Но совершенно очевидно, что фасад сохранился бы, если бы городскими властями не была разрешена «реконструкция» дома со сносом всего остального, против которой возражали эксперты и градозащитники. Застройщики заплатили незначительный по меркам строительного бизнеса штраф, а разрешение на строительство им теперь возвращено.

10. Снос Литейного цеха ЗИЛа

Уникальный образец промышленной архитектуры начала XX века – 1930-х годов был снесён до фасадной стены в конце мая 2013 года. 10 января 2015 года был уничтожен и фасад. Литейный цех – первое здание завода Рябушинских, оно возникло ранее Конторы заводоуправления, которая сегодня является единственным официальным памятником на территории ЗИЛа. Цех возводился по проекту известного инженера-конструктора Александра Кузнецова в 1916 году. Намерение снести цех ранее высказывали представители корпорации ТЭН, которая на северо-восточной части территории завода построила ледовый дворец «Арена легенд».

Литейный цех был разрушен в мае 2013 года – по официальной версии, неизвестно кем. На заседаниях комиссии правительства Москвы по градостроительству в зонах охраны объектов культурного наследия её председатель вице-мэр Марат Хуснуллин отверг предложения провести расследование обстоятельств сноса.

В январе 2015 года неким ООО «Матико» была снесена и фасадная стена по Автозаводской улице. Городские власти обещали установить в наказание запрет на новое строительство на участке, но Литейного цеха ЗИЛа это не вернёт.

11. Снос комплекса домов купца Привалова на Садовнической улице

16–31 января 2015 года по разрешению, выданным городскими властями, были снесены строения 2 и 3 комплекса домов начала XX века на Садовнической улице, 9, связанных с именами знаменитых Николая Демидова, Сергея Есенина и других деятелей отечественной культуры. От строения 1, выходившего на Садовническую улицу, уцелела одна фасадная стена. Всё остальное съел очередной «многофункциональный комплекс».

30 декабря 2014 года заместитель мэра Москвы Марат Хуснуллин заявил, что решение сносить здания принято городскими властями. И это несмотря на то, что в Министерство культуры РФ был направлен акт государственной историко-культурной экспертизы о признании комплекса зданий на Садовнической, 9 ансамблем объектов культурного наследия федерального значения, выполненной аттестованным государственным экспертом.

12. Снос Таганской телефонной станции на Покровском бульваре

21 апреля 2016 года Москва забурилась на Покровском бульваре, где состоялся народный сход против сноса конструктивистской телефонной станции 1929 года и замены её откровенно «нуворишским» элитным жилым домом. Даже посреди рабочей недели на акцию пришли более 300 человек. Накануне несколько десятков видных представителей архитектурного и экспертного сообщества обратились к мэру Сергею Собянину с просьбой не допустить сноса и поставить станцию на госохрану как памятник архитектуры. А под публичной петицией на ту же тему подписались почти 30 тысяч человек!

К сожалению, всё это не произвело на мэрию ни малейшего впечатления, и работы по сносу идут полным ходом.

13. Проект 18-этажного дома близ храма Петра и Павла на Новой Басманной

«Эту церковь спроектировал Пётр I, а этот дом – Соалсо». Под таким лозунгом в апреле на Новой Басманной улице прошла акция градозащитного движения «Архнадзор». Она была посвящена одобренному городскими властями проекту 18-этажного жилого комплекса по заказу группы компаний Соалсо и MR Group в Рязанском переулке.

Стройка ведётся в 100 метрах от выдающегося памятника архитектуры федерального значения – храма Петра и Павла на Новой Басманной, построенного по рисунку императора Петра Великого. Последствия для силуэта и облика заповедной улицы, смоделированные дизайнерами «Архнадзора» на основе общедоступных материалов проекта, просто чудовищны. Над стильным барочным храмом вырастет 60-метровый «каменный гость». Не званый никем, кроме городских властей, санкционировавших это строительство. Строительство происходит, как отмечали в «Архнадзоре», в зоне охраны, где установлено высотное ограничение в 30 метров. Установлено теми же городскими властями, но сами себе они не указ.

Можно продолжать эту серию примеров, есть другие жертвы, есть другие проекты, но и без того, согласитесь: такую политику невозможно называть градостроительной.

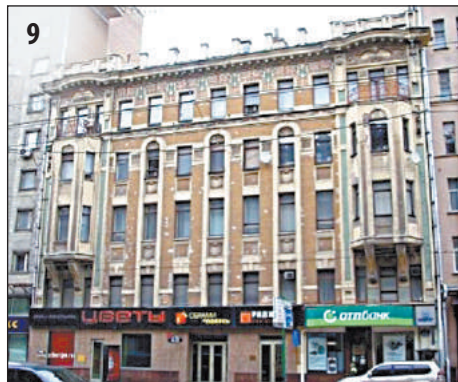
ТРИ ПОПЫТКИ СОХРАНИТЬ ОБЛИК МОСКВЫ

Возвращаясь к недавнему массовому протесту против сноса телефонной станции – трудно, конечно, предполагать, что в Москве обнаружилось вдруг такое количество активных ценителей конструктивизма. Но в том-то и дело, что городские власти явно недооценивают значение происходящего. Люди выражают протест тому, что практически любое место в родном городе в любой момент может стать жертвой беспардонного вмешательства девелоперов, благоустроителей или амбициозных администраторов. Что можно снести здание, стоящее здесь десятилетиями, и построить нечто невообразимое, будь то параллелепипед возле Новой Басманной или «венский пирог» на Покровском бульваре. Москвичи голосуют против такой градостроительной политики. И в этом нет никакой политики, только любовь к родному городу и стремление сохранить историческую и архитектурную атмосферу древней Москвы.

Первую попытку сделала депутат Мосгордумы Елена Шувалова, предложив

Новый офисный комплекс на месте двух исторических корпусов Ново-Екатерининской больницы

Дом Прошиных был украшен изящным полихромным фризом с изображением подснежников

Литейный цех завода Рябушинских. Уникальный образец промышленной архитектуры начала XX века

Дома купца Привалова уступили место «многофункциональному комплексу»

Таганская телефонная станция – образец архитектуры конструктивизма. Была построена в 1929 году

За храмом Петра и Павла на Новой Басманной вырастет 60-метровый жилой комплекс. (Строительство происходит в зоне охраны, где установлено высотное ограничение в 30 метров)

законопроект о запрете сноса на территории зон охраны объектов культурного наследия исторических зданий, построенных до 1917 года. Аналогичный закон, кстати, в целом успешно применяется в Санкт-Петербурге. В апреле 2016 года законопроект Шуваловой обсуждался в Мосгордуме – и был решительно отвергнут. Как же, ведь такой запрет ограничит священные права частных собственников распоряжаться своей собственностью! Посему законопроект был признан противоречащим федеральному законодательству. Я присутствовал на его обсуждении в комиссии Мосгордумы по градостроительству. Практически каждый выступавший против него подчёркивал, что он и вся комиссия в целом – искренние сторонники идеи сохранения исторической Москвы. А законопроект, который обеспечил бы в реальности её сохранение, они успешно завалили. Диалектика, что тут скажешь.

Вторую попытку, как мы уже упоминали, сделала сама мэрия в 2011 году, учредив комиссию по вопросам градостроительства в зонах охраны. Однако не прошло и 4 лет, как осенью 2015 года были обнародованы намерения столичных властей упразднить эту «обременительную» комиссию. А ведь это единственный публичный орган, с помощью которого удавалось предотвратить снос исторической застройки, не имеющей статуса памятников. Официального распоряжения о ликвидации этой «сносной» комиссии до сих пор не опубликовано, но она не собиралась с мая 2015 года. Решения о сохранении исторических домов, которые она принимала, то и дело перечёркиваются экскаваторами. В апреле 2016-го вице-мэр Марат Хуснуллин заявил, что комиссия, работавшая в нынешнем виде с октября 2011 года, полностью ликвидирована. «Комиссия была создана для сохранения исторического облика Москвы, однако после решения суда по требованию прокуратуры город был вынужден отказаться от её деятельности». Теперь в Москве считают, что деятельность комиссии опять-таки нарушала права собственников зданий. О федеральном законе, требующем сохранения памятников архитектуры в их исторической среде, никто не вспоминает. В результате историческая застройка Москвы осталась даже без того малонадёжного прикрытия, которое предоставляло ей существование комиссии, где городские чиновники занимали все командные посты и имели твёрдое большинство. Кстати, необходимость такой комиссии понимали даже в советской Москве 1970-х, когда создали предшественницу нынешней.

Третью попытку сделал президент Владимир Путин, который в самом начале апреля издал целую серию поручений по вопросам сохранения культурного наследия. Одно из них рекомендует всем регионам РФ создавать общественные советы по культурному наследию, чтобы эксперты и градозащитники могли бы за круглым столом с представителями власти решать проблемы градостроительства, сохранения памятников архитектуры и т.п. Прошло почти два месяца. Из регионов одно за другим приходят сообщения о создании таких советов – Курск, Киров, Ярославль... И только Москва никак не откликнулась на президентский призыв. Ни делом, ни даже словом – не удосужилась даже изречь: да, Владимир Владимирович, спасибо за идею, думаем, создаём.

А зря. Всегда хочется верить в лучшее.

Об авторе:

Михайлов Константин – журналист, краевед, член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству, главный редактор сайта «Хранители наследия» (www.hraniteli-nasledia.com).

Фото: МуАр, «Хранители Наследия», «Архнадзор»

ОХОТНИКИ ЗА СОБСТВЕННОСТЬЮ ИЗ «ПАРНАСА»

Нижегородский завод по производству гражданского оружия попал в жернова финансовых интересов бизнесменов от партии Михаила Касьянова

Артём СВЕТЛОВ

Специально для «Совершенно секретно»

В апрельском номере нашей газеты («Когда выстрелят ружья Парнаса», «Совершенно секретно № 4/381, 2016 г.) мы рассказывали о коммерческой деятельности одного из учредителей партии «Парнас» Олега Гладких и его дочери – Аи Гладких.

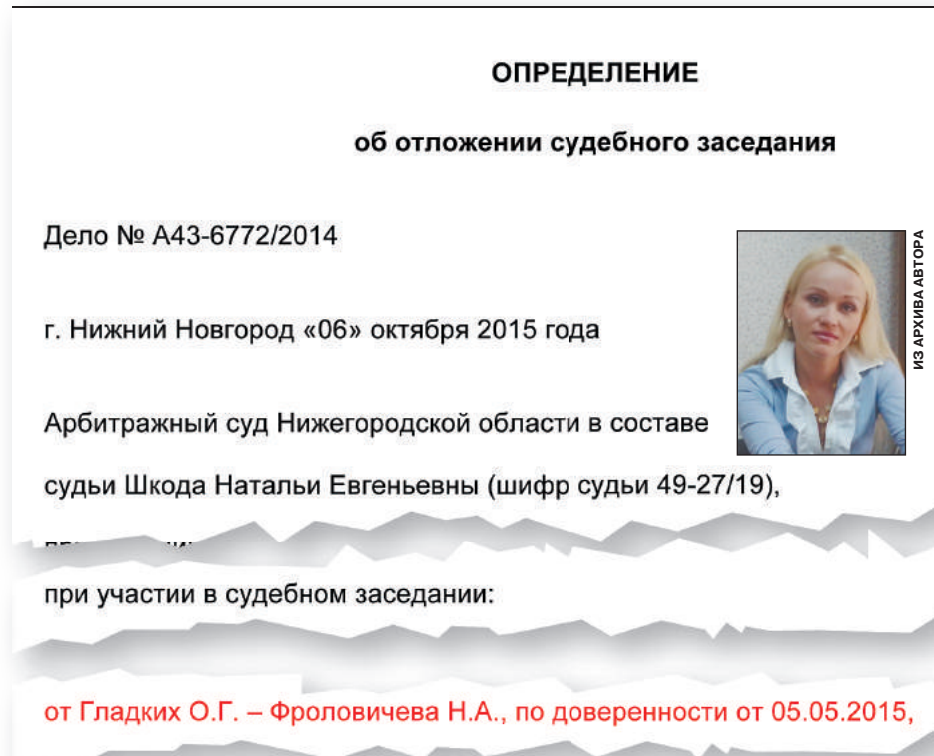
По полученной нами информации, Олегу Гладких в настоящее время принадлежит (как официально, так и через аффилированных с ним лиц), порядка 260 различных предприятий. Но по отчётам, предоставляемым в налоговые органы, они практически все убыточны. Но так ли плохо у него обстоят дела?

Ни для кого не секрет, что существует множество способов минимизации налогообложения, в том числе с использованием как бы вполне законных схем. К примеру, можно сначала выплатить дивиденды учредителям. А затем вернуть эти деньги в оборот компании, но уже в качестве займа с немалой процентной ставкой. В результате фирма всё время занимается тем, что погашает займы, получаемые от учредителей. И, конечно же, становится убыточной или уходит «в ноль»...

Фирмы, которые, как полагают эксперты, обеспечивают финансовую подпитку «Парнаса», переходили под контроль партийных бизнесменов различным путём. Одним из примеров может быть интерес предшественников «Парнаса» – Республиканской партии России (РПР) к Балахнинскому целлюлозно-бумажному комбинату (бывший ОАО «Волга») в Нижегородской области.

С подачи губернатора Бориса Немцова в девяностые 48-процентный пакет акций ОАО «Волга» был приобретён немецкой корпорацией, заплатившей за крупнейший комбинат по выпуску газетной бумаги в России в 40 раз меньше реальной стоимости предприятия. В 2005 году у комбината начались финансовые проблемы и на него зачастили представители различных государственных органов. На ЦБК вдруг началась налоговая проверка, а прокуратура возбудила уголовное дело. Поговаривают, что не последнюю роль в этом играл руководитель следственной группы Андрей Владимирович Фроловичев. Позже он сменил прокурорский мундир на судейскую мантию и стал коллегой своего отца Владимира Алексеевича Фроловичева – судьи Нижегородского областного суда.

Интерес к ЦБК также проявлял экс-губернатор Нижегородской области Борис Ефимович, сохранивший в регионе связи и после своей отставки. Так или иначе, в результате слаженной работы следствия и судов бывший генеральный директор Буевич был признан виновным в растрате и объявлен в фе-

деральный розыск, а вскоре комбинат перешёл под контроль бизнесмена Шалвы Бреуса...

Но это давняя история, а сегодня мы говорим об империи Олега Гладких, дочери которого Ае принадлежит 50 % доли в уставном капитале оружейной компании ООО «ПКП «АКБС».

Семейство Гладких появилось в составе её учредителей лишь в 2013 году. И есть все основания полагать, что это появление имело все признаки грамотного завладения, похоже, осуществлённого в интересах партии «Парнас». Той самой партии, идеологией которой, судя по утверждениям её председателя Михаила Касьянова, являются либерализм, защита собственности, независимость и гуманность судебной системы.

В «лихие девяностые» предприятием, конечно, тоже интересовались. Но банкетов отпугивало то, что такая сфера, как производство вооружения, всегда находилась под строжайшим госконтролем. Олега Гладких и его команду это совсем не пугало, поскольку у них средствами приобретения высокоприбыльных активов были не автоматы и паяльники, а совсем иные ресурсы...

ОТНЯТЬ ИЛИ ОБАНКОТИТЬ?

Как известно, современная схема приобретения контроля над успешно работающим предприятием, как правило, не очень проста и включает в себя взаимодействие финансовых рычагов и связей во властных и силовых структурах.

В отношении руководителей и собственников АКБС были возбуждены уголовные дела. Как известно, как только угроза уголовного преследования становится реальной, появляются некие

граждане, предлагающие решить проблемы на выгодных для них условиях, например, с помощью продажи части компании.

В данном случае проблемы взялся решать учредитель партии «Парнас» Олег Гладких и его люди. Результатом стало то, что оплата по договорам купли-продажи доли предприятия «АКБС» была оформлена договорами займов, деньги по которым должны были возвращаться с процентами. В результате собственники лишились 50 % предприятия и ещё остались должны.

Но завладеть половиной фирмы – это мало, нужно было ещё получить в свои руки руководство компанией. А передавать его бывшие полнопровные собственники не хотели. Но в результате, гендиректор Юрий Санкин, его дочь Анастасия Гудым, а также Игорь Чигринский и Александр Домрачев были заключены под стражу. Не давая оценку этому факту, отметим, что меру пресечения в отношении фигурантов дела, в том числе матери маленького ребёнка Анастасии Гудым, определил судья Дзержинского городского суда Нижегородской области Андрей Фроловичев. Вспоминаете?

Заключение под стражу руководителей фирмы и блокировка работы компании даёт «финансовым охотникам» самые широкие возможности. Конечно же к Юрию Санкину зачастили адвокаты с предложениями освободить его из СИЗО за подписание документа о банкротстве, которое обеспечивало бы отстранение собственников и руководителей АКБС от любых решений.

К тому времени 200 из 300 работников предприятия потеряли работу, а найти новую в небольшом городке Богородске Нижегородской области, где расположено производство, пра-

ктически невозможно. Но когда парнасовцы попробовали собрать рабочих и провозгласить «новую власть», люди отказались признавать варягов. И давление на заключённых под стражу руководителей продолжилось.

О РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ И СТРЕЛЯЮЩИХ РУЖЬЯХ

Содержание под стражей по праву считается одной из самых суровых мер воздействия на подсудимых. Понимая, что предприятие стремительно разрушается, трое из руководителей АКБС решили признать свою вину, чтобы, вернувшись, иметь возможность продолжить борьбу против «захватчиков» из партии Касьянова.

Прошли суды, заключённые вышли на свободу, получив условные сроки, и началась долгая и тяжёлая судебная война: суды о взыскании долга по займам, арбитражный суд в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) и пр. И тут на сцене появляется некая гражданка с уже знакомой нам фамилией. Это адвокат парнасовцев Наталья Фроловичева. По любопытному совпадению – жена того самого судьи из Дзержинского городского суда Нижегородской области Андрея Фроловичева, который определял меру пресечения для учредителей и сотрудников АКБС и невестка Владимира Фроловичева – судьи Нижегородского областного суда. Нам искренне хочется верить, что никаких связей, кроме родственных все упомянутые нами юристы не имеют.

Мы уже знаем о том, что Партия народной свободы («Парнас») финансируется из неоднозначных источников. И иногда возникает стремление отождествить парнасовцев с теми предприятиями, от эксплуатации которых они получают или могут получить прибыль. В случае с ООО «ПКП «АКБС» такого быть не может: сотрудники компании никогда не имели ни одинаковых политических взглядов, ни общих моральных устоев с людьми из партии «Парнас», которые, публично декларируя одно, делают совершенно другое.

А «оружейная тема» Олега Гладких продолжает развиваться. В настоящее время он имеет участие в следующих коммерческих организациях, занимающихся производством или продажей огнестрельного оружия: «Оружейный двор Стрелецкий», «Оружейный двор Стрелецкий-Балашиха», «Оружейный двор Стрелецкий-Ивантеевка», «Оружейный двор Стрелецкий-Реутов», «Защита-М», «Артемиды-3», «Застава», «Дозор» и пр. Можно ещё долго перечислять фирмы, в которых тайно или явно участвует Гладких. Но почему-то на ум приходит замечательная фраза А. П. Чехова: «Если в первом акте на стене висит ружьё, то в последнем оно обязательно выстрелит». А когда наступит этот «третий акт» и кому будут раздавать стволы, ещё неизвестно. Праворадикалам, которые во время украинского кризиса солидаризировались не со своим народом, а с «братьями по разуму» из националистических банд Украины? Ведь иногда бывают ситуации, когда кучки вооружённых отморозков вполне достаточно для дестабилизации обстановки...

По любопытному совпадению адвокат парнасовцев Наталья Фроловичева является женой судьи Андрея Фроловичева, который определял меру пресечения для учредителей и сотрудников АКБС

**Артём
БУЗИЛА**

 Специально для
«Совершенно секретно»

Молодого одесского журналиста Артёма Бузилу с самого начала его карьеры не покидали романтические настроения. Журналистику он всегда воспринимал как борьбу за правду, за что-то лучшее и светлое. И он изначально понимал, что в такой экзотической стране, как Украина, за подобные убеждения можно очень жестоко пострадать. Рассказывая в своих материалах о тех, кто подвергся политическим преследованиям после украинского государственного переворота в 2014 году, он восхищался этими людьми, но никогда не думал, что сам окажется в роли политического заключённого и проведёт почти год за решёткой. О том, что он пережил за 11 месяцев заключения, Артём рассказал газете «Совершенно секретно».

В 2014 году, уже будучи достаточно известным одесским журналистом, я не признал Майдан, открыто призывал тогдашнего президента Януковича разогнать бешеную толпу, называл Европейский союз гибелью для Украины, а Таможенный союз — спасением. Свою позицию особо не скрывал и после свержения Януковича — поддерживал «русскую весну» в Одессе и на юго-востоке, продолжал сотрудничать с российскими СМИ и давать им комментарии, называл конфликт на Донбассе гражданской войной.

Осенью 2014-го года я возглавил достаточно резкое оппозиционное издание «Насправди» («На самом деле»). При этом украинских законов формально мы не нарушали, выступали с точки зрения территориальной целостности, даже публиковали свой основной контент на украинском языке. К весне 2015 года я оставался одним из немногих одесских журналистов, которые занимали столь однозначные антивластные позиции — нас можно было сосчитать по пальцам. В начале апреля 2015-го, после участия в одном из круглых столов в Одессе, где поднимался вопрос о национально-культурных правах Бессарабии (юг Одесской области), меня добавили на страницы печально известного сайта «Миротворец» с домашним адресом и телефоном. Стали поступать открытые угрозы со стороны радикалов, несколько дней я даже ночевал на другой квартире. Тем не менее неправым я себя не чувствовал и бежать не собирался.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В «ОБЕЗЬЯНИК»

29 апреля 2015-го в 6 утра ко мне в квартиру ворвалась группа вооружённого спецназа — около 40 человек. Дверь моя была выбита, меня самого повалили на пол, вручили уведомление о подозрении в сепаратизме (статья 110 Уголовного кодекса Украины) — и начали обыск. В течение 9 часов представителям спецслужб

БУДНИ ОДЕССКОЙ ТЮРЬМЫ

Один год из жизни украинского
политзаключённого —
журналиста Артёма Бузилы

удалось подкинуть мне флэш-носитель и распечатанные в одном экземпляре листовки с картой Одесской области, отделённой карандашом от Украины. Это и послужило одним из формальных поводов моего задержания «на горячем».

Затем, отвлекая маму разговорами, меня вывели в отдельную комнату, где избивали в течение нескольких часов. Заставляли давать показания, что мои публикации были направлены против Украины, её суверенитета и территориальной целостности. А затем с кортежем из почти десятка автомобилей, как особо опасного преступника, повезли в здание одесского управления Службы безопасности.

Избиения, допросы проводились несколько дней. К своей чести, несмотря на сильный испуг и обещания эсбэушников меня выпустить, я не подписал протокол первого допроса, отказавшись что-либо комментировать, и меня благополучно отправили в изолятор временного содержания, «обезьянник». Там в одиночной камере я провёл почти неделю, до тех пор, пока суд 1 мая не избрал мне меру пресечения — содержание под стражей. Затем Апелляционный суд Одесской области подтвердил решение суда первой инстанции отправить меня в следственный изолятор. С трудом пытаюсь собрать свои мысли, измеряя бесконечными шагами камеру, куря одну сигарету за другой, я пытаюсь осознать, что мне предстоит долгий путь. Путь политзаключённого. В свои 25 лет.

СНАЧАЛА ВСЁ КАЖЕТСЯ ПРИКЛЮЧЕНИЕМ

Итак, приблизительно через 7 дней меня перевезли в следственный изолятор.

Конечно, попадая в СИЗО, ты в первую очередь боишься, так сказать, знакомства — как себя изначально вести в камере, здороваться, кому подавать руку и так далее. Кажется, даже со слов уже сидевших невозможно понять, как правильно подать себя. К счастью для меня, в одесском СИЗО за политическими заключёнными был закреплён отдельный корпус, где содержали почти исключительно «сепаратистов», «террористов», «госизменников» и т.п. Поэтому я минул сложный для «обычных» заключённых этап проверки и психологической социализации. Люди, с которыми мне пришлось столкнуться, оказались представителями, грубо говоря, того же мира, что и я — предприниматели, рабочие, студенты, те, кто так же как и я, был не согласен с режимом и поплатился за этой свободой.

Первый месяц в тюрьме вообще пролетает как две минуты: новая обстановка, новые знакомства, привыкание к новому быту и распорядку дня — поначалу ты вообще не понимаешь, что попал за решётку и надолго. Нахождение под замком кажется забавным приключением, которое вот-вот закончится. Но с каждым проведённым днём приходит понимание, в какой ситуации оказались ты и твои близкие.

Стандартное число находящихся в камере — 3–5 человек. Один раз в месяц-два происходят перемещения — кого-то переводят из одной камеры в другую, кого-то отпускают, отправляют в лагерь и тому подобное. Лучше всего, если удаётся сбиться и подружиться с группой людей в таком количестве и затем попросить администрацию оставить вас в одной камере. У меня такая компания сложилась за последние 4 месяца пребывания в СИЗО, и я очень благодарен этим парням за проведённое вместе время.

Ссоры в тюрьме, к сожалению, возникают часто. И по самым мелким поводам. Это объясняется даже не вспыльчивым характером человека, а замкнутым пространством. Ведь если на свободе люди ссорятся друг с другом, они просто могут разойтись, даже в разные комнаты или на улицу. В одной же камере никого, извиняюсь, даже на три буквы не пошлешь: скрывается и убежать некуда. Моральное давление на мозг даже после самого пустякового конфликта — колоссальное, личного пространства у тебя минимум. Не в последнюю очередь поэтому следственная тюрьма считается гораздо более тяжёлым испытанием, чем лагерь.

За решёткой по-иному начинаешь относиться к бытовым вещам — здесь с этим строго: ты обязан незамедлительно убирать за собой после еды, мыть посуду, следить за гигиеной, не разбрасывать вещи. На свободе ты легко можешь оправдаться — забыл, потом, в следующий раз, с кем не бывает. Но в тюрьме расклады иные, один неправильный поступок может сильно поменять мнение сокамерников о тебе. Не помыл чашку — рискуешь навсегда прослыть «маменькиным сыночком, за которым всю жизнь убирали». Жёстко? Да — это тюрьма.

Вообще, по части бытовых вопросов тюрьма, если так можно выразиться, во многом пойдёт на пользу, тем, кто не очень углублялся в эти вопросы на свободе. Стирать простыни и постельное бельё в тазике, делать влажную уборку тряпкой размером с носовой платок, вылизать раковину при помощи двух ка-

пель моющего средства — такое мастерство покажет не каждая хозяйка с десятилетним стажем. Но каждый зэк, которому довелось пожить в СИЗО несколько месяцев, сделает это мастерски.

Время в тюрьме идёт медленно, и многие не знают, чем себя занять. Я, например, углубился в чтение. Кстати, с одним из своих сокамерников я поспорил на ящик водки, что за время нахождения в СИЗО прочитаю сто книг. И у меня это получилось — ровно за два дня до выхода я прочитал свою сотую книгу. К слову, и сам книгу написал, художественную, о политическом режиме на Украине, которую в скором времени доведу до ума и выпущу.

ПЕРЕДАЧИ С ВОЛИ

В камере есть телевизор, поэтому, если буквы не лезут в голову, можно целыми днями смотреть «ящик». В начале каждой недели моя мать — низкий поклон ей за это — приносила передачи и, в частности, передавала газету с телепрограммой. Я отмечал художественные фильмы за неделю, которые мне не посчастливилось посмотреть на воле. Таким образом пополнял свой культурный запас.

Кто-то с головой уходит в спорт, но таких единицы: лично у меня моральное состояние напроочь убивало желание заниматься какими-либо физическими упражнениями. Времени для таковых отводилось всего лишь час — во время прогулки. В небольших двориках, размером в 5–10 квадратных метров, куда выводят всей камерой, есть скамейки, а в некоторых — турники и брусья. Но лично я предпочитал, как и большинство сокамерников, просто ходить взад-вперёд, читать, курить.

Ещё в тюрьме невозможно не играть в настольные игры: карты, шахматы, шашки, нарды, домино. В нарды и домино, например, я не умел играть до ареста вовсе — пришлось учиться в тюрьме. Такие игры здорово облегчают монотонную тюремную жизнь, кроме того, они абсолютно легальны с точки зрения тюремной администрации, в отличие от карт, которые находятся под особым запретом.

По поводу еды: три раза в день арестантам раздают еду. К сожалению, 90 % местной пищи и пищевой-то не назовёшь, исключение составляет жареная рыба (её дают пару раз в неделю), и перловая или ячневая каша (раз в два дня в среднем). Остальное — абсолютно несъедобно, и всё, на что можно рассчитывать, — это передачи от родственников. К счастью, почти все «полити-

ческие» имеют родственников на воле, и в среднем раз в неделю-две им поступают солидные передачи. Плюс раз в месяц передачи приносили одесские волонтеры. Продержаться как-то можно, хотя еды никогда много не бывает. Разумеется, передавать разрешают только купленную в магазине пищу – никакой «домашки» не разрешается. Через несколько недель домашняя еда начинает просто сниться...

А вот как выживают представители классического уголовного мира, мне представить сложно, учитывая, что им с воли передачи практически не приносятся.

К слову, по поводу уголовного мира. Не знаю, к счастью или нет, но мне удалось избежать постоянного нахождения в данном обществе – здесь я не могу похвастаться таким опытом, какой был у Солженицына и Шаламова. Тем не менее опыт общения с «блатными» у меня был, и немаленький, хотя администрация всячески пыталась нас разделить. Уловить из преступных понятий мне удалось следующее. С одной стороны, в криминальном мире действительно присутствуют правильные принципы – например, неприятие гомосексуализма, чувство коллектива (арестантская солидарность), уважение к матери, религиозность.

С другой стороны, факторы, которые ценятся на воле – успех, достижения, стремление к развитию, интеллект, кругозор – здесь никем не ценятся, уступая место совершенно другим, мне не до конца доступным «понятиям». Данная морально-нравственная категория весьма специфична и порождает множество слухов, склок, интриг. И это не говоря, например, о страсти множества арестантов к наркотикам, которые в условиях тюремного заключения просто уничтожают и тело, и душу.

При всём этом рассказы об издевательствах уголовников над «гостями» и «мужиками» (люди, не имеющие отношения к тюремному и преступному миру, «политические» относились именно к таким) – сущая выдумка. По крайней мере в одесском СИЗО, по крайней мере на сегодняшний день. Не было даже намёка на такие попытки ни в отношении меня, ни в отношении моих товарищей. Часто и среди преступников встречаются достойные люди, и судить о правильности их жизни и поступков не мне.

А ещё в тюрьме сняты сны – самая болезненная и беспокойная тема для арестанта. В них мы живём на свободе, гуляем с дру-

зьями, встречаемся с девушками, ездим на машинах. И совсем не видим камерных стен. Лишь на 9–10-м месяце неволи тюрьма начинает являться в наших снах.

ЗАКОН И ДЫШЛО

С тех пор как власть на Украине поменялась, а в стране фактически начался гражданский, а затем и военный конфликт, местные законодатели сделали всё, чтобы неугодные новому политическому режиму получали по максимуму и не имели никакого шанса на справедливое правосудие. Во-первых, это касается сроков, которыми теперь стали караться «политические» преступления. На протяжении весны и лета 2014 года новая украинская власть, кстати, при поддержке перекрасившихся «регионалов», приравняла такие преступления, как «сепаратизм» или «подготовка к государственному перевороту» и далее по списку, к тяжким и особо тяжким. При «диктаторе» Януковиче, например, по моей статье 110 («сепаратизм») грозило от 3 до 5 лет.

Но это не самое главное. Уголовный кодекс в принципе направлен в сторону гуманизации правосудия и доминирования презумпции невиновности над виновностью. Содержание под стражей является крайней мерой: её вменяют, только если обвиняемый совершил тяжкое преступление, он может скрываться от органов следствия и так далее. Зачастую, если подозреваемый не убийца и его не застали на месте преступления, судьи отпускают подозреваемого под залог. Именно сумма залога, порой весьма значительная, гарантирует то, что подозреваемый никуда не скроется и не сбежит. Таким образом, если со временем откровенных доказательств предоставлено не было, подозреваемого рано или поздно отпускают.

Но в отношении «сепаратистов» гуманитарные нормы не действуют. Рада специально внесла изменения, из-за которых по всем политическим статьям (109–114, 258, 260, 261 УК Украины) никакой иной меры пресечения, кроме содержания под стражей, быть не может. То есть даже если человек, скажем, раздавал листовки и ему вменяют самое лёгкое преступление – он обязан отсидеть в СИЗО, и никакой закон не позволяет ему выйти на свободу, пока не будет вынесен приговор. Понятно, что не оправдательный: оправдывая по «сепаратистским» статьям, судья может распрощаться с должностью.

Абсурд, но, например, подозреваемый в геноциде, применении ядерного оружия или групповом изнасиловании может быть отпущен под домашний арест, но «политический» – ни при каких условиях. Зачастую, когда приговор не могут вынести, даже притянув за уши, когда прошли уже все сроки следствия и суда, «политическому» просто продлевают содержание под стражей на 60 дней до бесконечности – либо пока он не признает свою вину, либо пока не истечёт срок его статьи и он не будет освобождён «по отсиженным». А последнее происходит в среднем через 5–7 лет после взятия под стражу. В итоге психологическое состояние у «сепаратиста» иное, нежели у уголовника. «Сепаратист» понимает, что его из СИЗО не выпустят никогда, по крайней мере, пока существует эта власть.

ВИНОВАТ ПРИ ЛЮБЫХ РАСКЛАДАХ

Если вас не задержали «с поличным», следствие на Украине заканчивается в момент вашего задержания. Зачастую к этому вре-

мени уже подготовлены и подозрение, и обвинительная формулировка, и подведена вся необходимая доказательная база. Общаясь с другими политзаключёнными, я пришёл к занимательному выводу: ни у одного из них ни во время следствия, ни во время суда не нашлось каких-либо новых доказательств, не проводилось реальных следственных экспериментов, что подтверждает изложенную мною в начале абзаца теорию.

Таким образом, в этом плане для одесситов единственное исключение – 2 мая. Следствие по этому делу прошло из рук вон плохо, однобоко – но это исключительный случай, когда прокуратура и следователи пытались найти какие-то доказательства уже в ходе досудебного и судебного рассмотрений. А в 99% «политических» дел следствие заканчивается после задержания. Далее идут процессы, довольно далёкие от общеправовой практики. Не имея достаточно доказательств для быстрого осуждения подозреваемых, но имея возможность держать их под стражей годами, следствие ищет тех, кто готов пойти на сотрудничество, сдать своих, получить «мягкое наказание»: от условного до 5–6 лет лишения свободы, если дело идёт о группе. Или же заставляет признавать вину сразу – если речь идёт об одиночке. И тот, и другой варианты бывают губительны: условные сроки уже никому не предлагают, а предлагаемые зачастую рассчитаны на подавленное состояние задержанного, испуганного перспективами получить более серьёзный срок.

Те же, кто не соглашается, признать вину сразу, начинают участвовать в формальном следственном процессе. Обычно это 2–3 посещения здания СБУ в течение полугода. По совету адвокатов подозреваемые допросы не комментируют, а если и комментируют, то их никто всерьёз не воспринимает. Потом начинается ознакомление с делом – распечатки, прослушки, документы, негласные следственные действия. Плюс идут кабинетные разговоры со следователем, когда подозреваемых стараются склонить к сотрудничеству со следствием уже на втором этапе.

Дело передают в суд с готовым обвинительным актом, не намного изменённым по сравнению с тем, что давался вам на руки изначально, просто из него вычеркивают «сдавшихся» подельников или тех, чьи дела были выделены в отдельное производство. Судебное заседание, по сути, то же самое следствие, только уже с такими формальными процедурами, как судебные дебаты, непосредственное изучение доказательств, допрос свидетелей. Ничего, кроме нервов, инсультов и полных слёз глаз близких при виде твоего лица за решёткой, суды, по сути, не дают.

Мне часто задавали вопрос, что самое сложное в тюрьме. Наверное, поездки на суд и обратно. Ранним утром конвой выводит тебя из камеры, затем ты несколько часов ожидаешь судебный «воронок» в тюремных тамбурах, который вместе с другими заключёнными отвозит тебя в суд. Там – ещё несколько часов ожидания в тамбурах, уже судеб-

ных. Затем суд, иногда короткий, иногда на весь день. И за время суда ты видишь, что стены бывают необшарпанными, что мобильными телефонами можно пользоваться свободно, а мужчины по-прежнему носят костюмы. Обычные вещи, о которых, кажется, совсем забываешь за решёткой. И вот тебя выводят из зала суда. Дальше – ты не пойдёшь домой, а тебя повезут обратно в камеру, сырую и тёмную, а друзья по нарам будут спрашивать тебя о том, что удалось увидеть, услышать, какой запах учуять. И это ни с чем не сравнимое гадкое чувство – что ты возвращаешься обратно в свой новый тюремный мир.

ПОБЕГ В РОССИЮ

26 октября 2015 года Суворовский районный суд приговорил меня к 3 годам и 8 месяцам ограничения свободы в колонии. 26 ноября приговор вступил в законную силу. В этот же день Верховная рада приняла изменения в действующее законодательство, согласно которым один день в СИЗО равен 2 дням пребывания в тюрьме или 4 дням пребывания в колонии. Таким образом, в колонию я так и не был этапирован и в марте 2016 года вышел на свободу по истечении срока наказания, отбыв в следственном изоляторе 11 месяцев и один день.

Тем не менее оставлять меня в покое ни прокуратура, ни СБУ не собирались. За час до фактического выхода из СИЗО ко мне пришла в гости целая группа печально знакомых мне «товарищей» и вручила подписку о невыезде. Мне пообещали, что, если я попытаюсь скрыться или продолжу свою «сепаратистскую» деятельность, меня «закроют» как рецидивиста уже надолго. Ничего хорошего их слова не сулили, поэтому через неделю, выбрав удобный момент, я сумел удрать из страны. Как мне это удалось – тема отдельная, и лучше не раскрывать подробностей, чтобы не навредить тем, кто пока ещё вынужден оставаться там. Сегодня я нахожусь в России, стране, где мне уже ничего грозит.

И в тюрьме, и уже на свободе я часто задавал себе вопрос: не зря ли я пошёл на всё это? Потерял бизнес, Родину, оставил близких. И всегда отвечал: не зря. Дело, за которое мы страдаем и боремся, правое. Как бы пафосно это ни звучало. И это стоит года жизни.

Фото автора

«Избиения, допросы проводились несколько дней. Несмотря на сильный испуг и обещания эсбэушников меня выпустить, я не подписал протокол первого допроса»

ИЗ ЖИЗНИ «ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИНОЗАВРОВ»

Курск ожидает очередного пришествия Александра Руцкого

Софья БАРДИНА

Специально для «Совершенно секретно»

Накануне майских праздников вернувшийся из небытия политик Александр Руцкой заявил о своём намерении баллотироваться в Курскую областную думу. Дело было на встрече регионального руководства политической партии «Патриоты России», приуроченной к открытию регионального Центра поддержки курян. Тогда Руцкой заявил:

— Я буду выдвигаться по одномандатному округу и буду возглавлять список кандидатов в депутаты областной думы.

Далее Руцкой заметил, что с 2000 года по 2014-й его пять раз снимали с регистрации на выборы. «По надуманным причинам, — уточнил Александр Владимирович, поспешив отметить, что на этот раз ожидается иного исхода. — Я думаю, они на это не пойдут, потому что председатель Центризбиркома Памфилова — это совершенно другой человек. Она не даст производить какие-либо манипуляции».

То есть Александр Руцкой твердо решил снова избираться, а это означает, что в случае его победы жителей Курской области, как полагают местные эксперты, может ожидать очередной крупный пердел бизнеса и власти. В Курске хорошо помнят, что такое «клан Руцкого».

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

У широкой общественности сложилось устойчивое мнение, что «клан Руцкого» в бытность его губернатором, по сути, превратил Курскую область, по меткому замечанию лидера российских коммунистов, «в семейный кооператив». Практически вся губернаторская родня была трудоустроена в первый же год его руководства областью. Сыновья Руцкого успешно занимались (и, скорее всего, занимаются по сей день) торговлей нефтепродуктами и медикаментами. То есть в период губернаторства генерала трудился в должности его заместителя и курировал прессу.

Вначале карьера родственников губернатора складывалась очень хорошо, но в какой-то момент хорошо отлаженная система начала давать сбой, и все пошло совсем не так, как хотелось. Брат губернатора — Михаил, занявший кресло заместителя начальника областного УВД, не проработав и двух лет был заподозрен в мошенничестве и превышении должностных полномочий и с большим трудом смог избежать осуждения. Другой брат — Владимир Владимирович, возглавивший ГАК «Фактор» (в управлении которого находился Коньшевский мясокомбинат), по прошествии всего лишь года работы попал в поле зрения следователей. Ему было предъявлено обвинение, связанное с присвоением государственных денег.

Александр Руцкой всегда производил впечатление человека, который готов все делать с размахом: инвестировать в суперсовременную сельскохозяйственную технику, давать несбыточные обещания «превратить область во второй Кувейт», разрабатывать и реализовывать сложные финансовые операции, покупать элитную недвижимость, поговаривают даже за пределами нашей любимой родины!

О последствиях некоторых таких «опрометчивых» обещаний и действий губернатора в то время писали много. Но некоторые истории вызвали такой общественный резонанс, что о них стоит вспомнить поподробнее.

Как резюмировала местная пресса, «благодаря идее губернатора выпустить местные облигации ... бюджет Курской области безвозвратно потерял 85,3 млн рублей». А начиналось всё с того, что в сентябре 1997 года было принято решение создать облигационный займ Курской области (цель благая — привлечь средства на сельское хозяйство и промышленность). Идея была такова: выпускаются ценные бумаги на 250 миллионов рублей, через аукцион при помощи Курского губернского банка (КГБ) должны были быть привлечены фирмы, готовые вложить деньги в Курскую область. Затем, получив прибыль от инвестиций, облигации выкупают у инвесторов. Мол, это гораздо выгоднее, чем кредит в банке. Но в итоге при полной поддержке со стороны администрации Руцкого первая сделка прошла через московский банк «Восток-Запад», кипрские фирмы Lindsell Enterprises Limited и Xedox Company Limited, которым облигации были проданы со значительным дисконтом. Только разница в стоимости ценных бумаг при их продаже и покупке принесла областному бюджету потери на сумму 85,3 млн рублей.

Поступившие в КГБ деньги от реализации облигаций (уже 164,7 млн рублей вместо 250) тоже чудесным образом распределились. 11,5 млн были перечислены неведомой компании Dow Jones, «за обслуживание облигационного займа». Ещё 114,5 млн рублей были отданы Парекс-банку в счёт погашения кредитов, взятых ранее на покупку ростовских комбайнов. Остатки суммы — 38,6 млн рублей — Курский губернский банк потратил на оплату для досрочного «приобретения» облигаций Курской области одной из участниц многоходовой шахматной партии — кипрской Xedox Company Limited.

В 2003 году как гром среди ясного неба прозвучала информация о намерении СУ СК при МВД России по ЦФО предъявить бывшему губернатору Курской области обвинения в превышении должностных полномочий. По информации следствия, в бытность главой области Руцкой получил кредитные средства в размере 35 млрд неденоминированных рублей в Парекс-банке. Полученный кредит высшие должностные лица бывшей администрации области использовали в 1997–1998 годах для сделок по покупке ростовских комбайнов и чешских мельничных комплексов. В результате указанных действий областному бюджету был причинён многомиллионный ущерб. Виновным в растрате средств в 2001 году были признаны два бывших заместителя губернатора, а самого губернатора следователи на допрос так и не дождались. С тех пор о «комбайновом деле» в Курске никто не вспоминал.

НАЖИТОЕ НЕПОСИЛЬНЫМ ТРУДОМ

На фоне всех финансовых потрясений, которые преследовали Курскую область с 1997 по 2000 год, благососто-

ЮРИ САМОЛЮГОВ/ТАСС

яние губернатора за весь этот период нисколько не пошатнулось, даже улучшилось, что позволило ему существенно улучшить свои жилищные условия. В 2000 году, за несколько месяцев до очередных выборов губернатора, Александр Владимирович прикупил трёхуровневую квартиру в элитном жилом комплексе на улице Нежинской в Москве. В договоре купли-продажи указаны параметры и цена: число комнат — 7, общая площадь — 441 кв. м, стоимость — 3 миллиона 463 тысячи 790 рублей. Именно апартаменты на Нежинской подвели губернатора «под монастырь», став причиной снятия его с дистанции на губернаторских выборах в Курской области в 2000 году.

Одновременно Александр Руцкой не горел желанием поделиться информацией и о своей другой недвижимости в Курске. По сообщению известного регионального интернет-ресурса, «при заполнении документов кандидат Руцкой уменьшил площадь своей квартиры в Курске на улице Мирной: вместо положенных 162,1 квадратных метра он указал 101,4». Самое интересное в этой истории, что Руцкой эту квартиру не покупал, а просто «получил» за большие заслуги перед малой родиной...

Возможно, такая забывчивость была связана с тем, что Александр Владимирович просто запутался в своей многочисленной собственности. У него как у настоящего мужчины много обязательств. Например, жён у Александра Владимировича было три. Первая — Нелли Степановна Руцкая, в девичестве Золотухина. Супруги поженились в 1969 году, однако в браке прожили всего пять лет. Впечатления от этого брака у Нелли Степановны остались самые позитивные, ведь после развода она осталась вполне состоятельной дамой — обладательницей сети аптек в Курске и неплохой квартиры в Москве в Большом Толмачёвском переулке. В настоящий момент аптечные сети ООО «Аптеки Черноземья» и УК «Аптечные традиции» от Нелли Степановны перешли сыну Димитрию.

Со второй женой, Людмилой Александровной Руцкой, Александр Владимирович прожил в браке 25 лет. В отли-

чие от первой супруги, ничего хорошего в адрес бывшего мужа и его нынешней жены Людмила Руцкая не говорит. Дело в том, что ей пришлось повоевать с бывшим мужем за особняк в подмосковных Раздорах, стоимость которого превышает два миллиона, и за московскую квартиру с видом на Белый дом. Пережив два инсульта, Людмила Руцкая стала инвалидом II группы. Впрочем, она осталась вполне обеспеченной женщиной, ведь г-жа Руцкая является владельцем жилых домов в деревне Усово Барвихинского района, а также в элитном посёлке Жуковка-1 на Рублёвке.

Третья супруга — Ирина Руцкая, моложе экс-политика на 26 лет. Именно она является владельцем той самой трёхуровневой квартиры, скандально приобретённой семейством Руцких в 2000 году. Кроме того, г-жа Руцкая (третья), владеет особняком на Николиной горе всё на той же Рублёвке...

ГЕНЕРАЛ-ПОПЕЧИТЕЛЬ

Достаточно посмотреть биографию Руцкого последних лет, чтобы понять — Александр Владимирович запланировал победное возвращение давно. Вспомним, что с 31 мая 2013 года Руцкой является членом Общественного совета при Следственном комитете Российской Федерации. А с ноября 2013 года он член попечительского совета Общероссийской общественной организации «Комитет поддержки реформ Президента России». Попытка стать «своим» в серьёзных государственных структурах, неважно в каком качестве, — верный признак готовящегося рывка во власть, хоть на муниципальном уровне. Так и произошло — летом 2014 года Руцкой пытался выдвинуть свою кандидатуру на выборы губернатора Курской области, однако не был зарегистрирован из-за проблем с прохождением муниципального фильтра.

В 2015 году Александр Владимирович стал председателем совета директоров ООО «Единые справочные службы», одновременно возглавив малоизвестную Объединённую аграрно-промышленную партию России. Кроме того, Руцкой в настоящее время значится соучредителем (49 % УК) АО «Инвестиционно-финансовая компания «Инновация», которая, согласно официальным данным, занимается «воспроизводством рыбы и водных биоресурсов».

Почему заслуженный пенсионер и бизнесмен Руцкой, удачно устроивший в жизни своих детей и жён, вдруг решил вновь податься в политику? Об этом остаётся только догадываться... Впрочем, эксперты убеждены, что время таких политических тяжёловесов, по крайней мере в региональной политике, безвозвратно прошло. В частности, политолог Станислав Аранович считает, что подобная реинкарнация бывших лидеров в условиях современного политического поля невозможна. «За каждым из них тянется шлейф скандалов и упреков в предательстве идеалов, новое политическое поле России просто не примет политиков старой формации, и даже само отторгает их».

КАК «ГАМАЮН» ХОТЕЛ «ВЗДЫБИТЬ РОССИЮ»

Свою политическую карьеру 21-летний Алексей Навальный начал в неформальном боевом крыле партии «Яблоко» — Союзе сил сопротивления «Гамаюн»

**Алексей
ЧЕЛНОВ**

Обозреватель
«Совершенно секретно»

Интеллектуальные убийцы старушек обыкновенно проваливаются на собственных же страницах. Прежде чем взмахнуть топором, молодые люди непременно опубликуют свои идеи в прогрессивных изданиях, включая даже сетевой «Живой журнал». Они напишут о том, в частности, как на старухины деньги переустроить человечество на добрых началах. Затем появится пронзительный следователь, прочтёт этот горячечный манифест «ста жизней взамен одной смерти», сопоставит факты и скажет: «Да вы убили, Родион Романович. Вы и убили-с...».

Вот и 29-летний Георгий Глаговский на излёте ельцинской поры, в 1998 году, опубликовал свой манифест в либеральном журнале «Синтаксис», издававшемся в Париже пожилым диссидентом Андреем Синявским. Супруга редактора Мария Розанова с начала 1990-х часто приезжала в Москву, и лично мне запомнилась тем, что все её политические установки сводились к тому, что надо разделить старушку Россию и затем толпу карликовых государств «полчленно» отправить в Евросоюз.

Следуя линии журнала, Глаговский называл всё происходившее тогда в РФ «дьявольской круговертью нового строя». Про себя и свою организацию он писал: «В бездарной — в политическом отношении — стране должны были, наконец, найтись люди, которые: знают, как в каждый конкретный момент следует действовать, чтоб сказку сделать былью, чтобы с каждым днём всё сильнее наступать на горло варварскому режиму, чтобы ничего не забыть, не простить и, по возможности, никого не потерять; способны создать движение, партию, клешню для сжатия вышеупомянутого горла...».

Другими словами, в глазах автора Россия опять представляла в роли «бессмысленной, ничтожной, злой и больной старушонки». И должен был найтись тот, кто ломает, наконец, её «тонкую, похожую на куриную ногу шею». Георгий Глаговский к тому времени уже создал движение со сказочным названием «Гамаюн». По словам автора, одни политики приписывали Союзу сил сопротивления «Гамаюн» «склонность к террору и насилию», другие «обвиняли в неспособности захватить в заложники десяток, например, депутатов Госдумы». Но Глаговский так отвечал на это своим оппонентам: «У террористических групп могут быть шансы отстоять свой, групповой, интерес, но нет пока шансов вздыбить Россию», и продолжал: «Но мы намерены демонстрировать — пока очень избирательно и в тренировочно-ограниченных масштабах — эту силу, организованную силу гражданского протеста. И мы намерены угрожать возмездием».

Через год-два Глаговский пропадёт из виду, не сумев или не захотев претворить

Главные националисты РФ (слева направо): Андрей Савельев (партия «Великая Россия»), Константин Крылов (Национально-демократическая партия), Александр Поткин (Белов) (ДПНИ) и Алексей Навальный

свои наполеоновские планы. Поговаривали лишь, что гамаюновцы освоили изготовление самодельных взрывных устройств и в 1997–1998 годах совершили ряд показательных подрывов на улицах Москвы и других городов. Но до убийств, похоже, дело, слава Богу, не дошло.

Казалось бы, вот и всё, весь разговор. Но это «всё» всегда выглядит по-разному, хотя тема эта повторяется из десятилетия в десятилетие. Есть какая-то тайная преемственность у этих молодых людей, «старухобойцев». Под крылом «Гамаюна», как стало известно впоследствии, начинал свою политическую карьеру 21-летний Алексей Навальный.

ЛЁХА ПРОВАЛЬНЫЙ

В моё распоряжение попала одна старая «прослушка», сделанная в свое время службой безопасности банка «Аэрофлот». В конце 1990-х этот служебный документ не представлял ни оперативного, ни корпоративного интереса: телефонный разговор между никому не известным тогда банков-

ским клерком Алексеем Навальным и неким гражданином, которого, по правилам банка, службе безопасности пришлось устанавливать. Им оказался Глаговский Георгий Вячеславович (установочные данные которого известны редакции, но не публикуются по соображениям конфиденциальности).

Разговор состоялся в январе 1997-го:

Г. Г. (Глаговский): — Ну привет, Лёха, с прошедшими тебя.

А. Н. (Навальный): — Благодарю, взаимно — и тебя, и всех наших.

Г. Г.: — Ладно, с официальной частью покончили, теперь неформально, по делу. Слушай, Лёх, ты хоть понимаешь, как подставил ребят?

А. Н.: — Всё понимаю. Но сложились форс-мажорные обстоятельства... Семейный бизнес чуть не обрушился. Надо было срочно выручать родичей.

Г. Г.: — Лозоплетением занимаешься? А ты понимаешь, что сорвал акцию? От тебя требовалось всего-то из пункта «А» в пункт «Б» доставить багаж. Ребята собрались, ждали, звонили, думали даже, что тебя замели. А ты бизнес семейный спасал, оказывается.

Что делать будем? Ребята и кличку уже придумали тебе подходящую: «Лёха Провальный».

А. Н.: — А я делать не отказываюсь. Политика, думаю, будет главным моим делом, так что...

Г. Г.: — Только политика политике рознь, есть игра в политику и политика действия. По-моему, ты больше играешь. Ладно, мы ещё подумаем, как с тобой политику делать. Бывай.

А. Н.: — До свидания.

Как можно понять из этого короткого разговора, Навальный участвовал в подготовке какой-то «акции» «Гамаюна». Он должен был доставить некий важный груз в нужное место, где его ждали другие активисты. Но партийное поручение якобы провалил, сославшись на некие форс-мажорные обстоятельства, связанные с семейной фирмой Навальных «Кобяковская фабрика по лозоплетению». За это гамаюновцы наградили его прозвищем Лёха Провальный. Возможно, эта несостоявшаяся акция была важна для Глаговского, поскольку он тогда

« **Г. Явлинский: «Ладно, бояться вам нечего, тексты выверенные, придраться им не к чему, пусть бесятся. Ты лучше думай о деле, с октября палец о палец не ударили»** »

На «Русском марше»: Алексей Навальный и идеолог «национал-оранжизма» Вадим Штепа

уже планировал громко заявить о своей организации.

Один из самых громких политических скандалов произошёл в начале 1998 года, на открытии 222-го театрального сезона в Большом театре. Давали «Ивана Сусанина». Вдруг откуда-то сверху, то ли с третьего, то ли с четвёртого яруса, на головы театралов посыпались листовки. Открытие сезона было на грани срыва. Ответственность за учинённый скандал, как явствовало из листовок, взял на себя некий Союз сил сопротивления «Гамаюн». Зачинщики «акции» призывали к «борьбе с существующим диктаторским режимом», а также обещали обрушить на сатрапов гнев народа: «и он сметёт их с нашей земли».

Из короткого, в полстранички, текста невозможно было понять, кто они, эти гамаюновцы — левые или правые, троцкисты или национал-социалисты, либералы или неонацисты. Автор, упирая на общеизвестные факты нашей жизни вроде казнокрадства и «обнищания народа», не предлагал никаких рецептов, кроме неотвратимой и страшной кары «замшелым политическим волкам, своере молодых провокаторов-плейбоев и их телевизионно-эстрадной обслуге». Проговаривал это, впрочем, с оглядкой на Уголовный кодекс, избегая прямых призывов к насилию.

ПАДАЛИЦА ОТ ЯВЛИНСКОГО

И вскоре Союз сил сопротивления «Гамаюн» объявил о начале электронной войны. В течение одного дня факсы правительства, администрации президента, а также десятков средств массовой информации приняли новое послание «Гамаюна». В нём цели «союза сопротивления» несколько конкретизировались. Например, из письма на имя премьер-министра Виктора Черномырдина: «Вы, как один из ведущих функционеров диктаторского режима, включены в списки лиц, в отношении которых устанавливается степень участия в преступлениях и бесчинствах нынешней власти... Мы будем добиваться реального действия механизма люстрации, создавать вокруг вас атмосферу нетерпимости... Предлагаем вам незамедлительно подать в отставку...»

Власти на самом высоком уровне, конечно, всполошились, получив эти «чёрные метки». Вскорости мне удалось получить запись телефонного разговора лидера «Гамаюна» Георгия Глаговского с лидером «Яблока» Григорием Явлинским:

Г.Г. (Глаговский): Григорий Алексеевич, замучились связью, почти все мобильные вышли из строя...

Г.Я. (Явлинский): А вы аккуратнее с ними, не могу же я каждый месяц...

Г.Г.: У нас тут проблемы с органами, кто-то стучит, не знаю кто, но таскают в контору, статьи шьют неприятные...

Г.Я.: Ладно, бояться вам нечего, тексты выверенные, придраться им не к чему, пусть бешутся. Ты лучше думай о деле, с октября палец о палец не ударили.

Г.Г.: Да я сейчас больше по регионам разъезжаю, ребят стоящих подыскиваю.

Предвыборный плакат лидера союза «Гамаюн» Георгия Глаговского (дизайн группы художников «Митьки»)

Г.Я.: Вот едешь, заодно и организовывай там что-нибудь, чтобы не впусую. Время дорого.

Г.Г.: Есть одна мыслишка, в Пскове отчебучить.

Явлинский Г.Я.: Вот-вот и давай...

Потом выяснилось, что во многих областях учредителями региональных организаций «Гамаюна» стали... активисты «Яблока». Многие из них впоследствии официально отмежевались от «Гамаюна», но опровергнуть подлинность телефонного разговора никто даже не попытался.

Сам Глаговский в 1996 году был заместителем начальника федерального штаба предвыборного блока «Яблоко» и одним из доверенных лиц кандидата на пост президента Григория Явлинского. А до этого, в 1994-м, Глаговский входил в ревизионную комиссию партии «Демократический выбор России» во главе с Егором Гайдаром и Анатолием Чубайсом. В разговоре со мной на вопрос, что привело его к Гайдару, он как-то странно отвечает: «Демоны, демоны...»

ОТКУДА РАСТУТ БОЕВЫЕ «КРЫЛЬЯ»?

За несколько дней до той скандальной акции прошёл учредительный съезд Союза сил сопротивления «Гамаюн». (Видимо, на этом съезде и было решено эпатировать почтенную публику в Большом театре.) В подмосковном доме отдыха «Полёт», бывшей профсоюзной здравнице, около шестидесяти молодых людей 30-летнего возраста приняли устав, в котором говорилось, что их «стратегическая задача — приход к власти». Цель — «освободить стра-

ну от извечного варварства... и вывести на путь цивилизованного развития».

Под грифом «Для служебного пользования» оргкомитет съезда выпустил обращение к «союзникам», в котором указаны и конкретные цели: «Мы будем, не уставая, разоблачать команду «молодых провокаторов» во главе с Чубайсом и Немцовым, не забывая о старых — Шумейко, Филатове, Илюхины, Лебеде, Рохлине...» Досталось и «церковным иерархам в штатском», которые разъезжают в «мерседесах» и «не предадут анафеме аморальные действия властей». «Карфаген должен быть разрушен!» — грозно призывал съезд «Гамаюна».

Кто финансировал проведение съезда? Кто главный идеолог организации? Откуда столь странное название — «Гамаюн»?

было. Что скрывалось за причудливой маской политической партии «прямого действия»? Кто сконструировал невиданную концепцию «Гамаюна», объединившую ницшеанскую риторику, фольклорную мифологию и либеральную родословную? Может быть, все это придумал сам Глаговский? Вряд ли... «Бояться вам нечего, тексты выверенные», — сказал Явлинский в телефонной беседе Глаговскому. Значит, тексты прокламаций «Гамаюна» утверждались с ведома лидера партии «Яблоко». Нельзя исключать, что была и более высокая инстанция, выдававшая директивы российскому вечному оппозиционеру.

Сейчас, с высоты полутора десятка лет, уже уверенно говорим: то был первый в России опыт комбинирования либеральных лозунгов и неонацистских практик. Спустя годы эта придуманная Госдепом политическая технология приведёт к победе «оранжевую революцию» в Киеве, а также на Болотной площади в Москве построит в одни ряды записных демократов и адовых неонацистов.

Интересно, что почти все политические обвинения 1990-х в адрес Ельцина почти дословно повторяет несистемная оппозиция «нулевых» и 2010-х: «диктаторский режим», «коррупцированные чиновники», «обнищание населения» и т. п. А один из неугомонных птенцов из гнезда «Гамаюна» по прозвищу Лёха Провальный, может как и прежде, «проводит консультации» с Явлинским и собирается активно поддерживать своих соратников на выборах в Госдуму-2016 от партии «Яблоко».

НАЦИ-ОРАНЖИСТ В ЛИБЕРАЛЬНОМ КАМУФЛЯЖЕ?

У Навального может быть и другой жизненный опыт, отчасти связанный с его работой в банке «Аэрофлот», — как извлекать прибыль из любых политических скандалов. В ту пору банк «Аэрофлот» владел крупным пакетом акций Международной технологической корпорации (МТК) «Сирена», разрабатывавшей одноименную систему авиаперевозок. Генеральным подрядчиком проекта выступала IBM, программное обеспечение поставляла «Американ Эйрлайнз». Во внедрении этой системы было заинтересовано и ЦРУ, так как «Сирена» позволяла в нужный момент выключить всю авиацию в России.

Проект подходил к завершению, когда банк «Аэрофлот» продал свой пакет акций Алексею Веденкину, представителю нацистской организации Баркашова «Русское национальное единство» (некоторые региональные организации «РНЕ» были признаны экстремистскими и внесены в список организаций, деятельность которых на территории РФ запрещена). Разразился громкий скандал: американская корпорация IBM с мировым именем оказалась в одной компании с русскими фашистами! Главным актором этой мегааферы, как выяснилось позже, стал олигарх Борис Березовский, на тот момент фактический владелец авиакомпании «Аэрофлот». Березовский лоббировал конкурентов IBM и с помощью одного только нацистского фрика смог сорвать многомиллионный международный проект.

Сам Навальный будет в дальнейшем не раз — и не важно, насколько искренне — разыгрывать национальную карту. Говорят, что он любил приводить в пример бывшего мэра Рима, происходившего, по его словам, «из самых что ни на есть фашистов». «И что, много в Риме погромов?!» — торжествующе вопрошал Навальный.

В блогосфере отношение к взглядам Навального вполне определённое. Но офи-

« Слушай, Лёх, ты хоть понимаешь, как подставил ребят? Ты понимаешь, что сорвал акцию? От тебя требовалось всего-то из пункта «А» в пункт «Б» доставить багаж. Ребята собрались, ждали, звонили, думали даже, что тебя замели. («Прослушка» менеджера банка «Аэрофлот» А. Навального) »

циальные лица, как всегда, сглаживают выражения, предпочитая разные эвфемизмы, например, доктор наук Эли Нахт, председатель Союза молодежи Израиля и помощник депутата кнессета говорил так: «В России раскручивается проект «Навальный». Российские либералы в пику режиму вдруг решили раскрутить человека с явными махровыми антисемитскими взглядами и симпатиями. Он уже много лет высказывает практически неонацистские, фашистские идеи и не скрывает этого. Алексей Навальный не видит ничего дурного в действиях откровенных неонацистов, продолжая общаться с ними».

Осенью 2006 года пресса указывала Навального в качестве одного из организаторов националистического «Русского марша», но сам он категорически это отвергал. Тем не менее Навальный участвовал в качестве наблюдателя в заседаниях оргкомитета манифестации. В 2007-м Навальный успел недолго поработать на ТВЦ в качестве ведущего программы «Только ночью» и в этой роли запомнился тем, что «для остроты» пригласил в телестудию неонацистов. Бритоголовые во время съёмки вскакивали, вскидывали руки в нацистском приветствии.

Как писали СМИ, Навальный поддерживал дружеские отношения с лидером ксенофобского Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ) Александром Поткиным (Беловым), фирменным лозунгом которого был «Нация! Нация превыше всего!». (ДПНИ была признана экстремистской и внесена в список организаций, деятельность которых на территории РФ запрещена) В этом содружестве родилась так называемая концепция «нового национализма», которая якобы «гармонично сочетает в себе идеи правоконсервативного и либерального характера». По убеждению Алексея Навального, «именно национализм может стать той идеологией, которая в каком-то смысле объединит и либералов, и левых, и правых. Именно он должен стать стержнем политической системы России».

«Навальный... придерживается радикальных националистических взглядов, взаимодействует с радикалами, в отношении которых возбуждают уголовные дела и чья деятельность приводит к Манежкам и Кондопогам. Я считаю, что Навальный таким сотрудничеством и такими взглядами себя дискредитирует», — говорил директор Московского бюро по правам человека Александр Брод.

В 2007 году Навальный вместе с радикальным националистом Вадимом Штепой был одним из официальных учредителей Национального русского освободительного движения (НАРОД), которое состояло из представителей националистических организаций и либерального «Яблока». Самое любопытное, что идея создания такого либерально-неонацистского альянса принадлежала известному политтехнологу Станиславу Белковскому (сейчас он входит в ближний круг советников Михаила Ходорковского).

НАЦИОНАЛ-ОРАНЖИСТЫ ВМЕСТО КРАСНО-КОРИЧНЕВЫХ

Тогда же, в 2007–2008 годах, в узких ультраправых кругах России стали широко распространяться сведения о том, что открыты вакансии в так называемом оранжевом проекте. Впервые в истории российских неонацистов, гораздо более краткой, чем история КПСС, политические отморозки оказались востребованы уважаемыми в вид господами. Платил Госдеп через различные фонды несистемной оппозиции.

Надо заметить, что ещё в 2000 году на сайте ЦРУ был опубликован оставшийся незамеченным прогноз, сделанный американскими учёными во главе с географом Госдепа США Уильямом Б. Вудом и его помощником Ли Шварцев. Документ показывал политическую карту XXI века. На месте России к 2015 году были нарисованы шесть «независимых» государств:

Неонацисты Алексей Широпаев и Вадим Штепа (Национал-демократический альянс)

Западная Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток и Северные территории, которые, по прогнозу цэрэушных географов, должны присоединиться к штату Аляска.

Случайно это или нет, но почти одновременно в Госдепе взялись за продвижение геополитической стратегии в отношении России и Украины, получившей условное название «оранжевый проект». Этот цвет выбран был очень символически — как предпоследний уровень опасности, когда «человеческие жертвы возможны». А вскоре в России даже появился особый термин «национал-оранжисты», который можно считать кодовым названием одного из штурмовых отрядов «пятой колонны».

Западные политтехнологи давно поняли, что разрушить Россию, устроив либеральную революцию, абсолютно невозможно. Из одних только либералов и левых не соберёшь 300-тысячного митинга протеста. Здесь требуется тяжёлая артиллерия — неонацисты и крутые националисты. Таким образом, «оранжевый проект» — это либеральная революция, которая проходит под нацистскими знамёнами. Все это вместе и называется «национал-оранжизм» — национал-либеральный союз, который пришёл на смену пресловутым красно-коричневым из 1990-х. И подлинным идеологом этого «национал-оранжизма» стал Вадим Штепа, который исходит из того, что «нынешняя Российская Федерация («Эр-эфия») — это не Россия, это сугубо колониальное образование, это вообще «анти-Россия». Штепа и Навальный заключили между со-

бой что-то вроде пакта о совместных акциях против «преступного режима». Штепа регулярно вместе с Навальным проводил «Русские марши», участвовал в создании «русского ХАМАС» — движения «НАРОД», в акциях протеста дальнбойщиков и прочих более или менее нашумевших пикетах, союзах и фронтах».

В 2006–2008 годах Вадим Штепа, по приглашению Гарри Каспарова, преспокойно вёл авторскую колонку на самом раскрученном сайте внесистемной оппозиции «Каспаров.ru». Именно тогда, восемь-девять лет тому назад, Госдеп начал оплачивать политическую активность российских неонацистов. Под крышей каспаровского Объединённого гражданско-го фронта (ОГФ) не раз проходил «обмен мнениями» либералов с неонацистами. Так, в июле 2009-го на «Каспаров.ru» был опубликован отчёт под названием: «Национал-демократы и либералы констатировали распад Российской Федерации».

В ноябре 2007-го в Санкт-Петербурге прошёл митинг, «приуроченный к визиту политэмигранта Владимира Буковского. Плакаты и флаги на митинге отсутствовали. Зато были три надутых крокодила — символ национал-демократов. Выступали прибывший из Лондона Буковский, московский либерал Леонид Гозман и национал-оранжист Вадим Штепа.

РАСЧЛЕНИТЕЛИ РОССИИ

Штепа — один из вдохновителей так называемого Национал-демократического альянса, который возглавляют его друзья-единомышленники Илья Лазаренко и Алексей Широпаев. Этот альянс объединил отечественных национал-либеральных сепаратистов, которые выступают за распад России на ряд государств: Ингерманландию, Республику Сибирь, Дальневосточную Русь, Залесскую Русь и пр. В социальных сетях появились «дружественные сообщества» Московская Республика (msk_republic), Свободная Карелия (free_karelia), Республика Северная Русь (ru_sever), Город Над Вольной Невой (spb_regionalizm), Свободный Урал (free_ural) и пр.

Между собой друзья поделили европейскую часть России таким образом: Штепа учреждает и возглавляет «Свободную Карелию», Лазаренко и Широпаев — «Республику Залесская Русь», которая заняла бы всю территорию Центрального федерального округа РФ и присоединила бы Нижегородскую область. Они собираются «формировать у населения центральной России

залесское самосознание, постепенно отказываясь от русской идентичности». На какой кусок России претендует сам Навальный, выяснить пока не удаётся.

Нацист Широпаев выступает за «евроцентричный русский сепаратизм» — это когда Россию раздробят на несколько «русских государств». «Русскость» он понимает в расовом смысле, делая упор на чистоту крови, а в Европе видит «белый мир», воплощающий бывшие мечты эссовцев. Короче говоря: «Напевая «Хорст Вессель», — Широпаев (а он ещё и небездарный стихотворец) выходит на тропу. — Коммуниста повесил/ На высоком дубу». И нацист завершает свой стих в стиле Евромайдана: «Пусть ветра в его рёбрах,/ Налетая с полей,/ Напевают беззлобно/ О Европе моей».

Лазаренко иногда именуют «Патриархом Ариогнозиса и Верховным Магистром Церкви Нави». Он создал «церковь», которая известна под разными именами: «Церковь Нави», «Церковь Великой Белой расы», «Священная Церковь Белой расы», «Общество Нави», «Кланы Нави». Церковь эта была основана в день рождения Гитлера, а первый ритуал состоялся в день осеннего равноденствия на месте первобытного Дьякова городища в Коломенском. В новейшую историю России «нацист-интеллектуал» Лазаренко вошёл как первый осуждённый по новому Уголовному кодексу за разжигание национальной розни, поучил полтора года условно. По иронии судьбы он был амнистирован в связи с 50-летием Победы над фашизмом...

В начале мая 2013-го Штепа побывал в США по приглашению Госдепа, чтобы прослушать курс «Американский федерализм и общественная политика». И уже через месяц «подлинный идеолог национал-оранжизма» становится организатором конференции «Какая федерация нам нужна?» в Высшей школе экономики, под эгидой фонда Леонида Гозмана «Либеральная Россия». Там, на этой конференции, и собрались впервые в «реале», вживую познакомились с либеральным бомондом и друг с другом национал-оранжисты из разных концов России.

На мой взгляд, все они — Навальный и Ко — вышли, по сути, из гнезда «гамаюнова», и это о них написано в «Бесах»: «Мы провозгласим разрушение... Мы пустим пожары... Мы пустим легенды...», «Мы сделаем такую смуту, что все поедет с основ».

Фото из архива автора

Афиша конференции фонда «Либеральная миссия» с участием неонацистов Ильи Лазаренко, Алексея Широпаева и Вадима Штепы

СЕРДЕЧНЫЕ ДРАМЫ КАРДИОЛОГА ЧАЗОВА

Евгений Чазов. Киев, 1950-е

Валентина Бунина: «Первый раз он сказал мне слово «дочка» четыре года назад. По документам я числюсь сестрой своего отца...»

**Юрий
ПАНКОВ**

Обозреватель
«Совершенно секретно»

В своих мемуарах знаменитый врач, академик Евгений Чазов написал очень много того, о чём обычно врачи не рассказывают – о болезнях и подробностях личной жизни пациентов. Про то, как постепенно умирал Брежнев, какие приступы мучали Андропова, как задыхался беспомощный Черненко. Между тем о своей собственной жизни он никогда не рассказывал.

С Чазовым меня познакомил Олег Анофриев. «Хочешь взять интервью у главного кардиолога страны?» – спросил легендарный эстрадный певец, когда мы заканчивали работу над текстом его собственных воспоминаний. И, не дожидаясь ответа, набрал телефонный номер: «Евгений Иванович, здравствуйте дорогой! Я к вам по такому делу...»

Было это ещё в прошлом году, когда академику перевалило за 85 лет и он уже успел «закрыть кремлёвские темы», выпустив несколько мемуаров и снявшись в целом ряде фильмов про себя. В то же время осталось много вопросов и «открытых»: хотя бы про то же самое 4-е Главное управление Минздрава СССР, которое Чазов возглавлял почти 20 лет... Однако меня, прежде всего, интересовали подробности его жизни и, в частности, его связей с Украиной. Я точно знал, что у великого кардиолога есть какая-то необычная история, касающаяся Донбасса, и начать хотелось с этого. Между тем сам академик, несмотря на протекцию Анофриева, на откровения настроен не был, постоянно откладывая нашу встречу. А в итоге – это было уже минувшим февралём – его мобильный телефон вообще замолчал. Что-то явно случилось.

В итоге спустя три месяца, благодаря журналисту Анатолию Журину, мне удалось поговорить с дочерью Евгения Ивановича Валентиной: «Такие ситуации непредсказуемы, и боковые люди, как правило, их очень боятся... В тот февральский день была оттепель, и Евгений Иванович отправился на работу в обычных

Дочь Валентина и внуки великого кардиолога. 2010-е

осенних туфлях. А днём, когда выдалась свободная минута, он решил пойти посмотреть, как продвигается строительство нового здания на территории кардиоцентра... Его долго не было. Слава Богу, какая-то сотрудница, выглянув в окно, обратила внимание, что из-за угла дома виднеются ноги лежащего человека. Это был папа...».

Как оказалось, отправившись на объект, академик не устоял в своих осенних туфлях на подтаявшем снегу, поскользнулся и упал, сломав шейку бедра. К тому же, судя по всему, на какое-то время потерял от боли сознание. Самое досадное, что беда приключилась в таком месте, где его не могли увидеть ни прохожие, ни сотрудники центра. В беспомощном состоянии светило мировой медицины пролежал на земле более часа...

В определённом смысле это было ЧП государственного масштаба: сотни (если не тысячи) выдающихся деятелей, по сей день находящихся в российской власти, работают и – что главное! – живут благодаря именно Чазову... Неудивительно, что на спасение уникального пациента были брошены все резервы всемогущей кремлёвской медицины. Было сделано всё, чтобы поставить кардиолога на ноги. И он встал.

Однако, к сожалению, по словам дочери, Евгений Иванович тяжело перенёс наркоз. «По этому поводу в СМИ уже появились дикие сообщения, – сетует Валентина. – На одном из сайтов написали: «В апреле 2016 года кардиохирург был

переведён в психиатрическое отделение «одной из лучших московских больниц». После обследования Чазову поставили диагноз «дисциркуляторная энцефалопатия». Он характеризуется развитием нарушений речи и мышления». Это полная ерунда.

Да, папа действительно тяжело оправлялся от операции. Но это неудивительно: ему же почти 87 лет... Дело в другом. Сейчас, он находится в Центральной клинической больнице на Рублёвке. Очень активный. Хотя и с помощью ходунков, но всё равно самостоятельно передвигается. Однако его не отпускают домой. А в последнее время стали ограничивать даже в общении со мной и моей сестрой. В конце апреля мы с Татьяной (сводной сестрой. – Ред.) были у папы в гостях. Много разговаривали. Всё казалось нормальным. Однако мы обратили внимание, что у него развилось маниакальное состояние – ему хочется уйти оттуда, дескать, надо работать. Всё время повторял, что хочет домой. «Ты, – говорит, – на машине приехала»? Я говорю: «Да, она у меня там». Он: «Давай на машине уедем отсюда». Я: «Врачи выпишут, тогда уедем». Он: «Ну давай уедем...».

Нас это всё очень волнует. Дело в том, что ещё до недавнего времени папа на самом себе испытывал новые, только-только разработанные медицинские препараты. Но всё, слава Богу, обходилось без последствий – у него организм достаточно крепкий. Тем не менее в последнее время, учитывая

Валя Чазова, первая дочка Евгения Ивановича

возраст, ему эти препараты выдавать перестали. А тут вдруг такое странное состояние... Это очень насторожило нас с Татьяной. Он мог бы и сам позвонить, но не звонит...

Но самое странное произошло на днях: нам позвонили из администрации больницы и сказали, что наши пропуска в ЦКБ заблокированы и мы больше не сможем его навещать. Мы полагаем, что такое распоряжение дала Ирина...»

В своих мемуарах Евгений Иванович рассказал очень много. В том числе и всего такого, о чём обычно врачи не рассказывают, – о болезнях и подробностях личной жизни пациентов. Между тем о своей собственной жизни главного он никогда не рассказывал. Как раз по этому поводу – фрагмент беседы с Валентиной, старшей дочерью главного кардиолога страны.

ДОЧКА-ВНУЧКА

– Никаких загадок тут нет. Просто, когда родители развелись, я осталась с мамой, Антониной Меркуловой. Мы жили трудно и через какое-то время бабушка и дедушка, то есть папа и мама Евгения Ивановича, убедили мою маму, что лучше будет, если они меня удочерят.

– Однако...

– Тут дело такое. Семья моей мамы – с Донбасса. Дед был шахтёром и погиб перед войной. И в итоге бабушка одна растила пятерых детей. Жили в Луганске. Но нача-

лась война, город заняли немцы. И достаточно скоро мою маму внесли в список для отправки в Германию на работы. Она была старшим ребёнком в семье – 1926 года...

– **А нельзя было сбежать?**

– Она не успела. В этом случае фашисты расстреляли бы всю семью как пособников партизан... Короче говоря, в СССР она вернулась лишь в 1948 году.

– **Так поздно? А где она всё это время находилась?**

– Она мне про это не рассказывала.

– **Скорее всего, она находилась в той части Германии, которую оккупировали англо-американцы... Так случилось: после войны бывшие союзники тормозили возврат советских людей на родину.**

– Возможно, но это другой вопрос. Главное, что бабушка настояла и на разводе родителей, и на таком решении моей судьбы. Она не хотела, чтобы её сын связывал свою жизнь с женщиной, работавшей на Германию. Это, во-первых. Во-вторых, они видели, как бедно живёт моя мама, и хотели взять на себя хлопоты с ребёнком. И, в третьих, удочерив, они облегчили мою судьбу: я никогда не указывала в анкетах, что являюсь дочерью репатриированной.

– **Суровое решение.**

– Бабушка и дедушка были сильными, волевыми людьми. К сожалению, недолго прожили. Иван Петрович Горохов родился в 1901 году, а умер в 1969-м. Занимал высокие руководящие должности: в Минсредмаше был чуть ли не начальником главка. Александра Ильинична Чазова – 1904 года. Ушла в 1971-м. Но вот дед её прожил 90 лет, был с нормальным зрением и никогда не лечил зубы. А вот её отец... Годы революции всё-таки... У него насильственная была смерть... Они же из ссыльных: кого-то из предков сослали за то, что он вступил за рабочего на заводе. А маму, Александры Ильиничны в 1918 году белоказки приговорили к расстрелу.

– **Где это было?**

– Коми, Кудымкарский район. Эти места были оккупированы колчаковскими войсками. А братья Александры были коммунистами. Ей было 14. Утром должны были расстрелять за братьев. Но она сбежала через соломенную крышу. И тогда казаки насмерть забили шомполами её маму. ...В Кудымкаре есть даже краеведческий музей, где создана целая экспозиция, посвящённая Чазовым. Там про это тоже есть.

Женя Чазов с родителями. Середина 1930-х

– **Возможно, родители Евгения Ивановича, имея высокий социальный статус, смогли узнать какие-то существенные детали про вашу родную мать – Антонину Меркулову и про обстоятельства её вынужденного пребывания в Германии до 1948 года. Поэтому и придумали такой способ отвести от своей фамилии всевозможные опасности. Сын Евгений учился в киевском мединституте, родители – на руководящих должностях...**

– Неизвестно.

– **«Я ВСЕГДА ЕГО ПРОСТО НАЗЫВАЛА ПО ИМЕНИ»**

– **Таким образом вы стали не Валентиной Евгеньевной, а Валентиной Ивановной.**

– Да. Я дочка Ивана Петровича по документам. Правда, всех удивляла разница в возрасте с «братом Евгением». Но я всегда отшучивалась.

– **А Евгений Иванович признавал такой расклад как нормальное и само собой разумеющееся?**

– Первый раз он сказал мне слово «дочка» четыре года назад.

– **Как же вы общались прежде?**

– Как брат с сестрой. Я всегда его просто по имени называла.

– **Шутите? Неужели он не уделял вам внимание как ребёнку своему?**

– Нет. Более того, я даже выручала его, когда его начинали досажать поклонницы. Это было уже в 1970-е, когда он руководил 4-м Главным управлением Минздрава. Пробыть его фамилию через Мосгорсправку, чтобы узнать наш телефон в доме на набережной Горького, было невозможно. А меня вычислить

было легко. Вот и пытались через меня. Я была заслоном. Да... Женщины охотились на него. Это однозначно. А он любил песню «Я люблю тебя жизнь».

– **Своим жёнам он вас представлял?**

– Да, они знали... Когда меня привезли из Киева в Москву – в 1957 году – он был женат на Ренате Лебедевой. У него уже вторая дочка была. Татьяна Евгеньевна. Танюша – профессор медицины, эндокринолог.

– **А потом?**

– А потом была Лидия Викторовна Германова. Вот у них с Евгением Ивановичем родилась Ирина, которая сейчас генеральный директор кардиоцентра.

– **Больше у него не было жён?**

– Четвёртый брак у него был, с Лидией Жуковой. Но без детей.

– **Как вы встретились со своей мамой?**

– Мы стали общаться через много лет после того, как меня забрали в семью Чазовых. Где-то в 1969-м. После того как меня забрали, она нашла нового мужа.

– **У неё были ещё дети?**

– Сын и дочь. Но с сыном как-то мы не общались. А дочь умерла в 42 года от сердечной недостаточности. Но у неё дочка осталась, Танюшка. Сейчас живёт в Киеве. Не знаю, что с ней и как.

– **Сам Евгений Иванович до болезни не поддерживал отношения с киевской родней?**

– Не знаю. Там, на Украине, чазовские есть. Но я не слышу о них ничего.

– **А у своих родителей Евгений был единственным ребёнком?**

– Был ещё ребёнок, дочка. Но она умерла в детстве.

– **Что ж, получается, бабушка и дедушка сделали великое дело: уберегли от ненужных историй сына, а вам, как я понимаю, обеспечили хорошую жизнь, воспитание, образование.**

– Да. Сына она просто обожала. Сегодня Евгений Иванович свою младшую дочку тоже обожает – Ирину, которая сейчас директор Института клинической кардиологии имени Мясникова.

Я закончила училище по специальности судовождения, а потом – Академию водного транспорта. Получила музыкальное образование: у меня – Ипполитовка.

– **Что вас сейчас больше всего беспокоит? Я имею в виду состояние Ев-**

гения Ивановича. То, что он заперт в четырёх стенах?

– Да, естественно. Дело в том, что возраст всё-таки такой, что любой день может быть последним. И, конечно, было бы здорово, чтобы он общался с близкими – с теми, кто его любит.

– **Может быть, у вас есть проблемы в отношениях с Ириной? Вы с ней раньше не общались?**

– Ирина... Она выросла у меня на коленях.

– **Какого она года рождения?**

– 1961-го. И когда ей около года было, после рождения, её привозили на дачу. Иришка очень плохо засыпала. Лидия Викторовна измучается с этим укачиванием... так что каждый день укачивала я.

– **Таня тоже выросла на этой даче?**

– Нет, Тани не было. Там была конфронтация жён – Лебедевой и Германовой. Так что с Иришкой я общалась до их развода Евгения Ивановича с Германовой где-то в начале 1970-х.

С женой Ренатой и дочкой Ирой. Сочи. Конец 1960-х

– **А в чём проблема? Вы говорите, Ирина Евгеньевна стала руководить этим кардиоцентром?**

– Евгений Иванович её провёл генеральным директором. Она кардиолог. Но он помог ей, конечно, очень помог.

– **Может быть, здесь какие-то нехорошие измышления по поводу наследства, ещё чего-то такого?**

– Я думаю, что она уже всё получила.

– **А в чём же сложность нынешняя? Вам сказали, что вам больше не дадут возможность посещать отца в ЦКБ, и вы видите в этом какой-то дурной знак?**

– Да, мне очень тяжело. Мне просто иногда бывает страшно. Я даже боюсь звонков, бывает, Татьяна позвонит или эсэмэску сбросит, а у меня сразу страх такой – что случилось? Странно, что он сам на связь не выходит...

– **Как вы думаете, куда Евгений Иванович поедет из больницы, если всё обойдётся?**

– У него великолепная дача.

– **Там есть кто-то, кто его примет, позаботится о нём?**

– Там у него работают люди. Он очень хорошо с ними общался. И женщина к нему, по-моему, приезжала. При мне эта женщина была в ЦКБ.

– **А в Москве у него квартира тоже есть?**

– Там я не бывала...

Фото из архива Валентины Буниной

Семья Чазовых, 1907. В центре Александра и её мама, погибшая во время Гражданской войны

ДЕЛО О КРАЖЕ ИМПЕРАТОРСКИХ ПОВЕЛЕНИЙ

Израиль скрывает от российского правосудия самого ловкого и беспринципного архивного вора

**Сергей
ПЛУЖНИКОВ**

Обозреватель
«Совершенно секретно»

Весной этого года в резиденции посла США в Москве (Спасахаусе) при большом скоплении прессы прошла торжественная церемония по передаче российским властям особо ценных исторических документов. Среди них – десять подлинных высочайших повелений российских царей XVIII–XIX веков, включая именные указы Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Павла I. Все раритеты были обнаружены в ходе расследований, которые проводились Министерством внутренней безопасности США с 2006 по 2012 год. Ценные исторические документы выставлялись на продажу аукционными домами, но затем изымались американскими правоохранителями.

Петровские указы и другие артефакты с личными подписями российских царей и императриц династии Романовых были украдены из Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА, бывший ЦГИА – Центральный государственный исторический архив СССР) ещё в начале 1990-х годов группой архивных воров во главе с Владимиром Файнбергом. В этой истории уникальны не только возвращённые документы, но и история их похищения. А самого Владимира Файнберга принято считать гениальным организатором самой значительной архивной кражи XX века. Хотя насчёт гениальности – явное преувеличение.

НА СЛУЖБЕ АНТИКВАРНОЙ МАФИИ

Все началось ещё в 1980-х – со свиньи, которую стройотрядовец Володя Файнберг попытался выкрасть для шашлыков с колхозной свинофермы. За этот проступок студента 1-го Ленинградского медицинского института Файнберга отчислили с третьего курса, и он вынужден был пойти работать в таксопарк. Со временем недоучившийся медик подложит большую свинью всей российской исторической науке.

В дороге таксист знакомится с довольно известным в кругу ленинградских филателистов коллекционером Александром Л. (фамилия известна редакции) Файнберг умел располагать к себе людей. Этот человек решает внедрить приятного молодого человека в ЦГИА, выделяет ему очень приличную по советским временам зарплату в 300 рублей и «жигуль».

Но вот беда – в архив пускают только по спецпропуску. Файнберг отправляется в Москву и как-то достаёт чистый бланк журнала «Театр». На нём с помощью печатной машинки «Эрика» излагает просьбу редакции разрешить внештатнику Файнбергу пользоваться архивными материалами для

«написания очерка о провинциальных театрах России». И эта бумага открывает ещё малоопытному, но пробивному мошеннику все двери в зданиях Сената и Синода, где и располагался Центральный государственный исторический архив СССР.

Как известно, в ЦГИА была сосредоточена вся дореволюционная (до 1917 года) жизнь России в документах (1367 фондов, около 7 миллионов дел, среди них – самые важные документы российских Государственного Совета, Госдумы, Святейшего синода и Правительствующего сената, царские указы – вся имперская память нации). Но таксиста Файнберга, прошедшего ускоренный курс начальных знаний по филателии, и его наставника Л. интересовали в основном почтовые открытки с марками.

Файнберг выносит для Л. из читального зала ЦГИА десятки конвертов с марками царской России, прошедшими почтовое гашение в середине XIX – начале XX века,

и много чего ещё. Попутно молодой и общительный «корреспондент» знакомится с сотрудниками архива, дамами в основном бальзаковского возраста, распивает с ними чай, одаривает шоколадками. И узнаёт об интересной особенности «режима сохранности документов»: оказывается, архивариусы не сдают пломбиры, которыми в конце каждого рабочего дня опечатываются все двери хранилищ, в какой-то надёжный сейф, а уносят их домой или прячут в пожарных гидрантах тут же в ЦГИА.

Тем временем работники таможни на Ленинградском почтамте обратили внимание, что слишком часто в США стали уходить письма на имя одного и того же человека – некоего Якова Л. А ленинградские адреса отправителей были разными. Выборочная проверка выявила незаконные вложения в этих подозрительных письмах – старинные почтовые марки. Оказалось, что таким неумудрённым способом ленинградский кол-

лекционер Л. целых пять лет отправлял ворованный в архивах филателистический материал своему брату, который давно уехал и осел в США. Естественно, Александр Л. на допросах сдал КГБ всех подельников, в том числе и своего подопечного Владимира Файнберга, который в 1986 году загремел за кражу марок на шесть лет.

Отсидел Файнберг только половину срока, вышел за примерное поведение и тут же открыл в Петербурге свой антикварный магазинчик. В газетах дал короткое объявление: «Покупаю архивы» и стал ждать удачи.

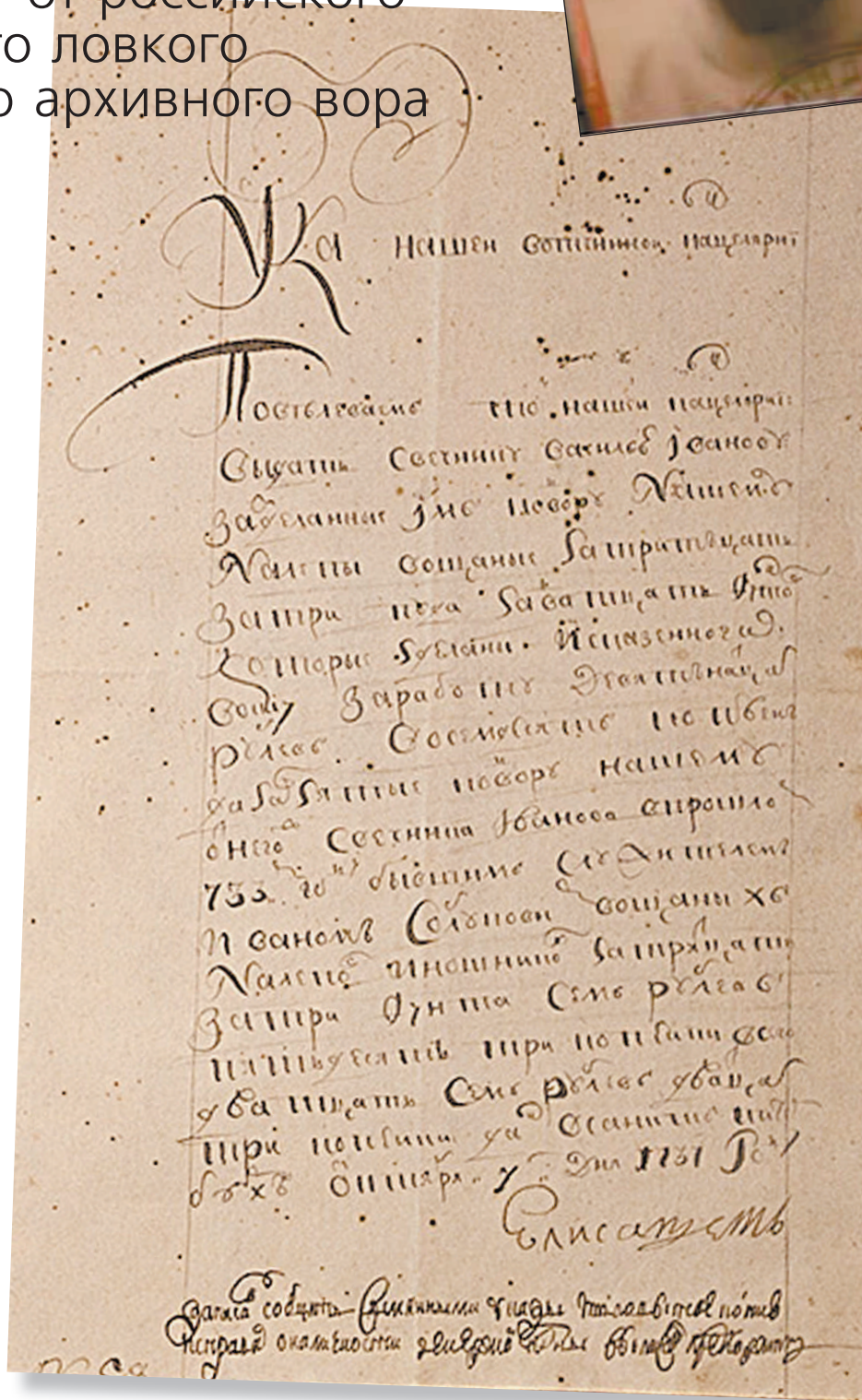
СКАЛЬПЕЛЬ – ОРУДИЕ АРХИВНОГО ВОРА

Удача явилась в антикварную лавку Файнберга на улице Некрасова в мае 1994 года в лице сержанта милиции Александра Беспамятного. Вроде бы обычный посетитель пришёл по объявлению и предложил купить у него папку с документами времён царской России. Поначалу напёрл, что нашёл их на чердаке дачи, осталось от бабушки. Файнбергу достаточно было только взглянуть на содержимое папки, чтобы понять: «бабушка» продавца была не иначе как царских кровей.

Выяснилось, что Беспамятнов служит в полку № 3 ведомственной милиции при ГУВД Санкт-Петербурга и охраняет исторический архив в зданиях Сената и Синода, который к тому времени из советского превратился в российский. Дежурить вохровца вызывают в основном в выходные и праздничные дни.

Вот в День Победы 9 мая Беспамятнов и бродил по вестибюлю РГИА, от нечего делать якобы нашёл в стене с изразцами тайник – что-то вроде печной заслонки, а там – папка. Приметил тут же на посту объявление «Покупаю архивы» в газете и явился не запылиться на улицу Некрасова. Файнберг сделал милиционеру предложение, от которого тот не смог отказаться: миллион рублей за папку сейчас (500 долларов по тогдашнему курсу), а если охранник ночью отключит на время сигнализацию и пропустит Файнберга с подельниками в хранилища РГИА, то трёхкомнатная квартира в качестве подарка к Новому году ему обеспечена.

Белые ночи в Петербурге не самое лучшее время для грабежей. Но Файнберг решил не откладывать выгодное дело в долгий архивный ящик. Вооружившись скальпелями, грабители – сам Файнберг и его партнёр Зайцев – сделали пять ходок в РГИА, вырезая из папок императорские указы пачками. Имея на руках путеводитель по ЦГИА, который опрометчиво был издан ещё в 1962 году, Файнберг ориентировался в недрах архива, как у себя дома. Беспамятнов охранял только периметр зданий Сената и Синода, а дальше все двери были опечатаны. Но Файнберг прекрасно помнил, что пломбиры для опечатывания хранилищ по ночам находятся в пожарных гидрантах. Взломать

пластилиновые печати, а затем сделать новые было делом пяти минут.

«Поножовщина» занимала всю ночь. После чего под утро Файнберг вызывал прямо к подъезду РГИА машину ещё одного своего поделщика, Минина, — и с набитыми ценнейшими историческими документами спортивными сумками архивные воры растворялись в лучах рассвета.

БОГАТЫЙ УЛОВ

Катастрофическую для исследователей российской истории кражу документов в РГИА обнаружили случайно только через год. На след архивных воров вывела пропажа, которая к подлинникам императорских указов и повелений отношения не имела. Как выяснилось, из фонда № 1280 (Управление коменданта Петропавловской крепости) РГИА в 1995 году исчезли конверты от писем и открытки, которые в XIX веке получали заключённые тюрьмы в Шлиссельбургской крепости Орешек. Всего было утрачено 4 тысячи листов. Руководство РГИА забило тревогу и обратилось в милицию.

Оперативники из ГУВД Петербурга направили свою агентуру на чёрном арт-рынке и вышли на искомым филокартистов (собрателей почтовых открыток). При обыске на квартире у одного из них обнаружили не только корреспонденцию узников Орешка, но и императорский указ из самого ценного фонда РГИА. После этого в архиве тут же начали полномасштабную инвентаризацию и ужаснулись.

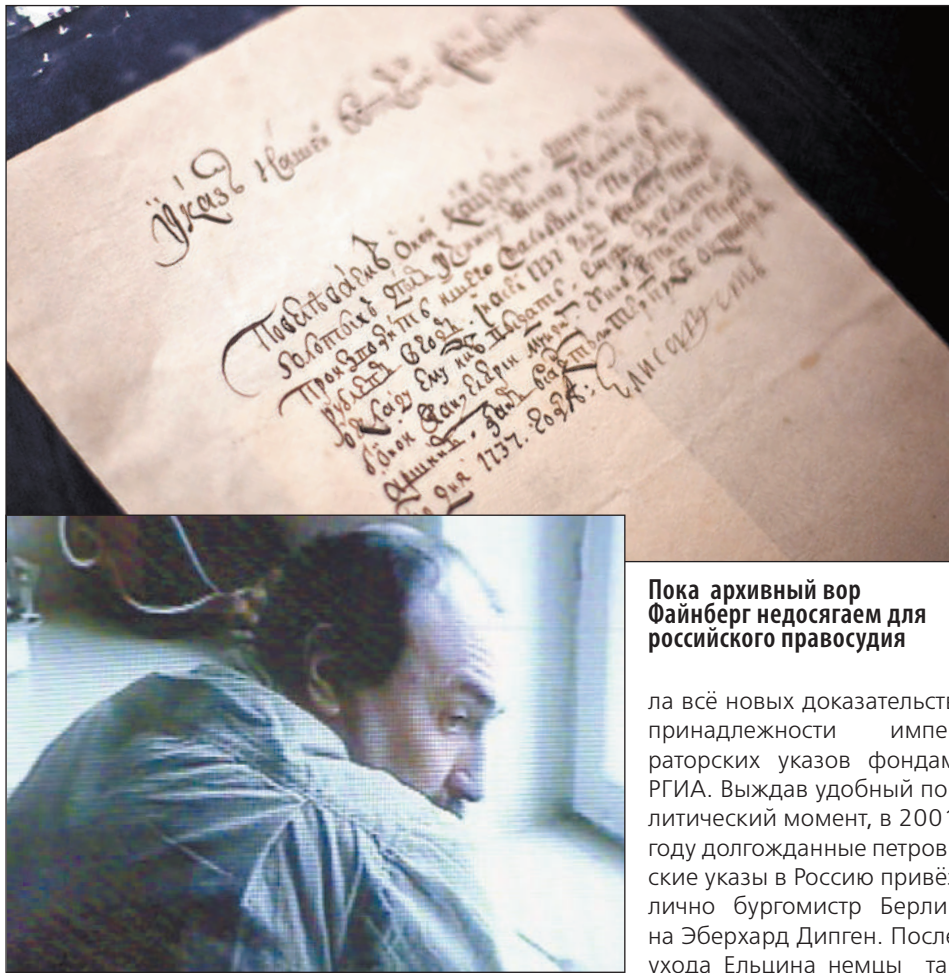
Хранители недосчитались нескольких тысяч листов из самых ценных фондов: № 496 — Капитул российских императорских и царских орденов, где хранятся подлинники императорских указов о награждениях, и № 466 — Высочайшие повеления по придворному ведомству. Всего из РГИА преступной группой Файнберга был похищен 4021 документ на общую (аукционную) сумму 24 062 094 доллара.

Сыщики, оценив масштаб исторического бедствия, также обратили внимание на часто мелькавшие в питерских газетах объявления «Покупаю архивы», пробили телефон и вышли на Владимира Файнберга. Но улики против него почти не было, наружное наблюдение ничего не дало, прокуратура санкцию на задержание и обыски не давала.

НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ ИЗ ГЕРМАНИИ

В разгар расследования дела о пропаже императорских указов в РГИА пришло письмо-запрос от немецкого букиниста Вольфганга Макленбурга. В марте 1995 года ему предложили на продажу 63 ценных документа с автографами российских императоров. Он купил все, а затем выгодно перепродал 12 из них на аукционе «Штаргардт» в Берлине. Но Макленбурга всё же смущало слишком большое количество редких документов, и он обратился в РГИА за разъяснением. В РГИА по микрофильмам и особым шифрам опознали свою украденную собственность. К делу пришлось подключать криминальную полицию Берлина. Удалось выяснить имя женщины-курьера — немецкого фотокорреспондента, аккредитованной в России. Именно с её помощью ворованные архивные ценности переправлялись из Петербурга в Берлин, а затем предлагались к продаже. Наши таможенники в Пулковском не решались связываться с западной журналисткой и багаж её досматривали весьма поверхностно. Немецкие полицейские при обыске нашли у неё 200 ворованных документов. Истинным же продавцом императорских указов, как выяснилось со всей определённой, был «друг из России»... Владимир Файнберг.

В ходе молниеносных обысков на многочисленных квартирах Файнберга и его партнёров по криминальному бизнесу в Петербурге оперативники обнаружили восемь спортивных сумок, битком набитых ценны-

Пока архивный вор Файнберг недосыпает для российского правосудия

ми документами. Всего было изъято около 3000 листов, причём 299 из них — чистые (ценное сырьё для изготовления всевозможных фальшивок), то есть две трети похищенных раритетов вернулись в РГИА.

Но вот остальные 700 документов, в том числе императорские указы Петра I и других российских царей стали расползаться сначала по Петербургу, а затем по миру, как стулья в бессмертном романе Ильфа и Петрова. Так, в октябре 1996 года всё в том же аэропорту Пулково сотрудники ФСБ задержали пожилого пассажира, коим оказался Геннадий Киселёв, один из крупнейших коллекционеров России в области картмаксимумов (почтовых открыток с оригинальными или особым способом гашёными марками). В его чемоданах обнаружили 263 контрабандных предмета искусства на общую сумму более 200

ла всё новых доказательств принадлежности императорских указов фондам РГИА. Выждав удобный политический момент, в 2001 году долгожданные петровские указы в Россию привёз лично бургомистр Берлина Эберхард Дипген. После ухода Ельцина немцы таким образом пытались наладить дружеские отношения с новой властью в Кремле.

Пропавшие документы возвращали в РГИА и из Франции, но основная их масса обнаруживалась в США. В июле 2007 года посол США в Москве Уильям Бернс передал российским властям 80 документов, похищенных из РГИА и наших военных архивов. В их числе — автографы Александра I, Николая II. Документы были изъяты на американском интернет-аукционе. С 2007 года США вернули российским властям 150 ценных исторических документов, украденных из наших музеев и архивов в разное время. Но в последние годы нелегально вывезенные за рубеж архивные материалы РГИА стали разменной монетой во внешнеполитических играх США.

В июне 2013 года посол США в РФ Майкл Макфол передал руководителю Росархива

«Всего преступной группой Файнберга из архива был похищен 4021 документ на общую (аукционную) сумму 24 миллиона долларов»

тысяч долларов. Среди них оказалось 14 похищенных из РГИА императорских указов. Киселёв объяснил следователям, что документы он за вознаграждение взялся отвезти в Нью-Йорк уже знакомому нам Якову Лурье (брату наставника Файнберга) и некоему Рабиновичу — известному в США букинисту, принимавшему активное участие в комплектации университетских библиотек. И сколько действовал этот «пулковский канал» — неизвестно.

В 1998 году поделщикам Файнберга, которых он сдал следствию, Беспамятному и Зайцеву, дали 9 и 11 лет соответственно. Самому главному архивному ворю России Владимиру Файнбергу светило не меньше, но в «Крестах» у него якобы ухудшилось здоровье, и в марте 1996 года его освободили под подписку о невыезде в зале суда под залог в 50 миллионов рублей (до чубайсовской деноминации это составляло 10 тысяч долларов — стоимость всего лишь одного повеления за подписью Петра I на мировом рынке автографилии к 2000 году). После чего мошенник скрылся в Израиле.

ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Возвращения ценных документов из Берлина в РГИА ждали пять долгих лет. Немецкая сторона постоянно требова-

ла Андрею Артизову несколько исторических документов, похищенных из РГИА. Это были всё те же указы императоров, а также письмо императрицы графу Михаилу Каховскому 1792 года. Стоит отметить, что эта церемония по передаче российским властям артефактов РГИА состоялась, когда отношения между двумя странами были серьёзно омрачены принятием США санкций по «списку Магнитского».

Украденные из РГИА документы, которые новый посол США Джон Теффт передал российским властям месяц назад, были обнаружены и изъяты правоохранительными органами США не позднее 2012 года и даже раньше. Чего же было тянуть четыре с лишним года с их передачей? Опять ждали удобного политического момента? Госдепу пора уже, наверное, наградить архивного грабителя Файнберга каким-нибудь американским орденом Дружбы народов за его «вклад в дело мира и взаимопонимания между нашими государствами»?

В июне 2003 года Владимир (Зев) Файнберг по запросу России был задержан израильской полицией. Окружной суд Тель-Авива вынес решение о его экстрадиции в РФ. В марте 2005 года Верховный суд Израиля подтвердил это решение. Почти два года Файнберг провёл в камере полицейского участка в Иерусалиме.

Однако 25 августа того же 2005 года израильский Минюст неожиданно принял решение об отказе в экстрадиции Владимира Файнберга, аргументировав это решение «неготовностью России вернуть его для отбывания наказания в Израиле в случае признания вины». Но вина этого архивного вора уже 20 лет как доказана. В чём проблема?

КАЗАЛОСЬ БЫ, ПРИ ЧЁМ ТУТ ЮКОС?

Депутат израильского кнессета Роман Бронфман, организовавший широко-масштабную кампанию в поддержку Владимира Файнберга, признался журналистам, что отказ главы Минюста Ципи Ливни в его экстрадиции связан с «делом ЮКОСа». В частности, депутат заявил: «Процесс по делу Михаила Ходорковского нанёс серьёзный ущерб имиджу российской судебной системы». Кстати, тот же член партий «Ликуд» и «Мерец», известный своими связями с Натаном Щаранским, Роман Бронфман активно выступал в прессе и в защиту Леонида Невзлина от требований России об экстрадиции. Нельзя исключать, что симпатии израильского политика к одному из совладельцев ЮКОСа имела материальную природу.

Как известно, Михаил Ходорковский и его «правая рука» Леонид Невзлин обвиняются российским правосудием в организации убийств мэра Нефтеюганска Владимира Петухова и ещё нескольких человек. Верховный суд РФ определил Невзлину, который сейчас беззаботно проживает в Израиле, меру наказания — пожизненное заключение. Но, так же как и в случае с Файнбергом, израильские власти активно противятся его экстрадиции в Россию.

Логика данного решения Тель-Авива довольно странная: «Если мы выдадим Файнберга, то должны будем это сделать с Невзлиным и ещё рядом бывших совладельцев ЮКОСа (Дубов, Бруно)». В итоге «жертвы кремлёвского режима» — архивный вор Файнберг и заказчик многочисленных убийств Невзлин — остаются на свободе и недосыпаемы для российского правосудия. А Израиль становится прибежищем рос-

сийского преступного отребья, что не делает чести его правительству в частности и стране в целом.

АРХИВНЫЙ «ФОРТ-НОКС»

В 2006 году РГИА переехал в новое 7-этажное здание на Заневском проспекте в Петербурге. Общая площадь помещений нового архивного комплекса — 57,4 тысячи квадратных метров. Теперь архив оснащён современными системами охранно-пожарной сигнализации, новейшими австрийскими стеллажами-сейфами, буквально наспигован сотнями видеокамер. Сложнейшая логистическая операция по перевозке архивного материала из зданий Сената и Синода в новый комплекс заняла десять месяцев. За это время машины с изотермическими фургонами совершили более 1750 рейсов и перевезли более 190 тысяч специальных ящиков с документами. Ни одной ценной бумаги не пропало.

Для охраны нового здания РГИА была создана специальная рота вневедомственной охраны (55 сотрудников милиции). Краж ценных архивных документов из РГИА больше не зафиксировано.

Фото из архива автора

РУССКИЙ СЛЕД НА ТАИТИ

История жизни и смерти «сепаратиста» Бориса Леонтьева, ставшего патриотом Французской Полинезии

**Сергей
БАЛМАСОВ**

Специально для
«Совершенно секретно»

Эта поистине детективная и до сих пор неразгаданная история произошла 14 лет назад. 23 мая 2002 года исполнилась очередная годовщина таинственного исчезновения видного политика русского происхождения Бориса Леонтьева, чья деятельность во Французской Полинезии его политические оппоненты расценивали как «сепаратистскую». Он действительно много сделал для улучшения жизни населения этой экзотической страны атоллов и вулканических островов и её освобождения из-под власти Парижа. Многие родственники и друзья Бориса Леонтьева считают, что его сознательно устранили. И сделали это, по всей видимости, французские спецслужбы.

ПРЕМЬЕР ЗАМОРСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Но обо всём по порядку. Пропавший в возрасте 47 лет Борис Леонтьев приходился внуком русскому генералу Максиму Леонтьеву. Во время Первой мировой и Гражданской войн этот видный представитель Генерального штаба был зарубежным военным агентом, через которого осуществлялось снабжение войск русской армии и белогвардейских формирований, а также обсуждались и более деликатные вещи, связанные с работой военной разведки. Также в 1916–1917 годах Максим Леонтьев возглавлял на Салоницком фронте одну из бригад знаменитого Русского корпуса, отправленного в помощь союзникам.

В разгар мирового экономического кризиса начала 1930-х он из-за угроз в свой адрес уехал на Таити. Этот остров во Французской Полинезии даже сейчас считается «краем земли». А тогда, более 80 лет назад, когда туда ещё не летали самолёты, сообщение с дальними тихоокеанскими островами осуществлялось исключительно кораблями. Данные территории вообще были другим миром. И там Максим Леонтьев оставил достаточно многочисленное потомство. Самыми прославленными представителями семьи стали внуки генерала – братья Александр и Борис, вошедшие в число наиболее известных политиков Французской Полинезии (надо отметить, что связь с Россией внуки потеряли, но всё же на русском языке общаться могли).

Первый из них добился совершенно немислимых для потомков русских эмигрантов высот (его успех был повторён лишь в Канаде) – Александр в 1987 году стал премьер-министром этой колонии, на тот момент получившей от Парижа более толерантный статус «заморской территории». В 1991-м Александр Леонтьев (Alexandre Léontieff) проиграл выборы, но не сложил оружия и в 1997 году, перед очередным голосованием, являлся очень серьёзным соперником главы про-французской партии Гастона Флосса.

Недоброжелателям «русского выскочки» удалось его «задвинуть» довольно грязным приёмом – обвинением в коррупции. Они использовали для этого активность Александра Леонтьева по облатораживанию Таити и развитию его

О Борисе Леонтьеве на Таити помнят

спортивной индустрии, предназначенной в первую очередь для многочисленной и не знающей куда себя деть местной молодёжи, зачастую страдающей от наркомании. И хотя основные из выдвинутых против него обвинений не подтвердились, ему вменили «перерасход средств», лишили премьерского поста и отправили в 1997 году на два года в тюрьму. Интересно, что этим на политической карьере Александра Леонтьева не был поставлен крест, что неизбежно случается на Западе после коррупционных обвинений. В 2009 году в возрасте 60 лет экс-премьер Французской Полинезии Александр Леонтьев умер от сердечного приступа.

ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА ТАИТИ

При этом младший из братьев, Борис, оказался куда более крепким орешком. В отличие от Александра он пошёл другим, более выраженным оппозиционным путём. Он стал главой «Новой Звезды», одной из самых популярных политических партий во Французской Полинезии, целью которой была «автономизация» этой территории от Парижа.

В отличие от наиболее рьяных таитян, требовавших её немедленного освобождения, Борис разработал более жизнеспособную программу. На его глазах происходило предоставление независимости бывшими колониальными хозяевами другим островам Тихого океана, ставшим для них не интересными, когда они, израсходовав местные ресурсы, освобождались от содержания «ненужных» территорий. Классическим примером здесь стало Науру, которому «даровали» независимость, полностью разграбив его национальные богатства – фосфаты и оставив страну с разрушенной экологией без средств к существованию.

И хотя во Французской Полинезии ситуация была иная – жемчуг, рыболовство и туризм по-прежнему дают заметные доходы – к Парижу имеется немало вопросов относительно эколо-

гии, без урегулирования которых получение аборигенами свободы было бы их ограничением. Примечательно, что оба брата Леонтьевых (особенно Борис) выступали за запрет ядерных испытаний, которые французы здесь проводили с начала 1960-х – после того как лишились алжирских полигонов. Во многом именно это и обусловило их последующий конфликт с французскими властями.

Однако, с другой стороны, эта политическая программа и привлекла к Борису Леонтьеву многих туземцев. Ведь он пошёл ещё дальше и требовал от Парижа предоставления соответствующих компенсаций, которые были нужны не только для восстановления экологии, но и для становления экономики будущей независимой Французской Полинезии. В частности, благодаря Борису французские власти согласились на реформу местной избирательной системы, из которой до этого были фактически исключены многие туземцы, особенно живущие на дальних архипелагах. Кроме того, Борис Леонтьев и его друзья начали успешное наступление на позиции 200 местных франко-таитянских семей, контролировавших главные доходные отрасли Французской Полинезии (туризм, чёрный жемчуг и рыболовство) и устанавливавших высокие монопольные цены на свои услуги, что приводило в целом к удорожанию жизни на всей территории.

В результате за считанные годы его партия завоевала не только среди аборигенов, но даже среди части французов огромную популярность. И, судя по данным опросов, она должна была победить на июньских парламентских выборах 2002 года, в результате чего Борис Леонтьев должен был не только стать премьер-министром, но и превзойти успехи своего брата, получив возможность создать полностью собственное правительство. А это, в свою очередь, дало бы ему возможность запустить процедуру по началу выхода из-под французского владычества. Попытки подкупа Бориса Леон-

тьева и его сподвижников не увенчались успехом.

Некоторые из его соратников, например «неистовый» Люсьен Кимитате, представлявший Маркизские острова, некогда вдохновлявшие знаменитого художника Гогена, были настроены непримиримо и анонсировали после победы немедленный выход Французской Полинезии из-под власти Парижа. Подобные настроения были не случайны – за время колониального владычества французов население Маркиз сократилось со 100 тысяч до двух тысяч человек.

ИСЧЕЗНУВШИЙ САМОЛЁТ

Как бы там ни было, но для Парижа такой расклад означал бы окончательный развал остатков его колониальной империи, в которой Французская Полинезия являлась настоящей жемужиной. Несмотря на достаточно большие затраты на её содержание, кроме национального престижа, у Парижа были и другие мотивы для сохранения контроля. Одним из самых главных было наличие здесь ядерных полигонов на атоллах Муруроа и Фангатауфа. Оба они были законсервированы после аварий при испытаниях атомных бомб. Напомним, что Франция оставалась единственной державой ядерной «пятерки», которая до конца 1990-х продолжала осуществлять подобные взрывы на удалённых тихоокеанских островах, несмотря на усиливающееся давление мирового сообщества.

Однако в 1998-м произошла трагедия: во время очередного испытания на Муруроа атомный заряд взорвался раньше времени, а не на глубине шахты. Что случилось далее – доподлинно неизвестно, поскольку французы полностью засекретили любую информацию о положении дел на обоих атоллах. Впрочем, через самих французских легионеров и представителей колониальной администрации произошла утечка, которая вполне может объяснять подобную секретность: якобы при преждевременном взрыве осно-

вание атолла треснуло, и в нём образовалась достаточно широкая щель, через которую в океан уходят радиоактивные вещества, скопившиеся здесь в результате более чем 150 ядерных испытаний.

Как бы там ни было, но дальнейшее поведение французов подтверждало наихудшие опасения экологов – их ВМФ и подразделения Иностранного легиона перехватывали любые суда, направлявшиеся сюда без разрешения официального Парижа едва ли не на расстоянии 200 морских миль от полигона. Примечательно, что до сих пор экологи так и не получили туда доступа для реальной оценки ситуации.

Буквально за считанные дни до голосования Борис Леонтьев и его ближайшие сподвижники пропали. 23 мая они отправились на небольшом самолёте марки Piper 34 Seneca на удалённые от Таити острова в районе архипелага Туамоту и бесследно исчезли. Говорили, что незадолго до этого пилот самолёта якобы выходил на связь с диспетчером и просил посадку неподалёку от атолла Мокемо. Ни фрагментов воздушного судна, ни тел лётчика и четверых пассажиров обнаружено не было.

Обезглавленная партия Бориса Леонтьева хотя и не ушла в полное небытие, но, лишившись всех харизматичных лидеров, выбыла из числа основных претендентов на власть. Показательно, что французские власти после исчезновения самолёта лишь делали вид, что ищут его. Осмотр ориентировочного района падения (между атоллами Факарава, Катиу и Мокемо) был явно очень поверхностным. Лишь через несколько дней туда были направлены поисковые корабли и самолёты, которые ничего не нашли. Ни спутники, ни подводные лодки, которые бы могли очень помочь в данной ситуации, реально задействованы не были.

Официальными версиями произошедшего стали неопытность лётчика, хотя у него имелся безупречный более чем десятилетний опыт пилотирования, отказ техники и перегруженность самолёта, хотя тяжёлых вещей на его борту не было.

Многие из друзей и родственников Бориса Леонтьева говорили о том, что в действительности его целенаправленно убили. Тогда среди них циркулировала версия о том, что самолёт сел на атолле Ронгириа для дозаправки, где после этого один из баков сознательно оставили незакрытым, топливо по пути вылилось, и самолёт рухнул в воду. По другим данным, один из баков сознательно заправили лишь наполовину, что и привело в итоге к остановке двигателя и аварии.

При этом даже находились «свидетели» его падения, которые словно в подтверждение этой версии заявляли о том, что они наблюдали падающее в океан воздушное судно, «заваливавшееся» на одно крыло. Однако эта версия всё же не получила документального подтверждения, поскольку никаких следов, говоривших в пользу падения самолёта, найдено не было.

Подобную уверенность в преднамеренном убийстве подпитывало то, что незадолго до исчезновения группы Леонтьева все они получали угрозы в свой адрес, а у одного из них (Арсена Туаирау) сожгли дом. Впрочем, позднее местные СМИ и блогеры написали, что в результате проведённого по настоянию членов семей пропавших расследования была якобы даже найдена незакрученная крышка от злополучного бака...

Кстати, ещё раньше, 15 декабря 1997 года, при не менее загадочных обстоятельствах бесследно исчез близкий французский друг русского «автономиста», известный в этих краях журналист Жан-Паскаль Кюро (его знали под псевдонимом JPK), шеф-редактор местной газеты Nouvelles de Tahiti. Его тело также не нашли. Журналист активно поддерживал действия Бориса Ле-

Президент Франции Жак Ширак во время своего визита на Бора-Бора. Справа – премьер-министр Французской Полинезии Гастон Флосс. 27 июля 2003

онтьева, с которым они и создавали партию Fatia Api («Новая Звезда»), и обличал не мнимую, как при Александре Леонтьеве, а самую настоящую коррупцию, которая расцвела пышным цветом при новом премьер-министре этой заморской территории Гастоне Флоссе. В частности, Кюро опубликовал целый ряд разоблачений относительно отмывания денег, в том числе направляемых на развитие страны различными европейскими фондами. При этом расследования касались не только премьер-министра Флосса, но и тогдашнего французского президента. Например, Кюро написал о «подозрительных тайных денежных переводах очень близкому

стии в убийстве журналиста. Якобы после похищения его пытали и позднее изощрённо убили, сделав ещё одной «креветкой Бижара»: жертву опускали ногами в таз с жидким раствором цемента и, когда он застывал, загружали его в вертолёт и сбрасывали в море. Этот способ убийства использовал небезызвестный французский военный Марсель Бижар, печально прославившийся казнями алжирских патриотов в 1954–1962 годах.

Также, по словам источника, ему было известно и об убийстве группы Бориса Леонтьева. По его данным, самолёт действительно сел для дозаправки на атолле Катиу, где пассажиры были расстреляны,

тоже погиб при невыясненных обстоятельствах. И хотя некоторые сторонники профранцузской партии попытались объяснить его показания «пьяным бредом человека, пытавшегося отомстить за своё увольнение из органов безопасности», данные заявления лишь подкрепляют уверенность друзей Бориса Леонтьева в том, что его убили.

Разумеется, можно считать эту историю и «фантазией», но в сентябре 2008-го в доме Флосса, после завершения его премьерского срока, полиция провела обыск и обнаружила в тайнике адресованное ему письмо от бывшего высокопоставленного офицера местной спецслужбы Groupement d'intervention de la

Братья Леонтьевы открыто выступали за запрет ядерных испытаний, которые французы проводили здесь с начала 1960-х годов

к Флоссу бизнесмену Роберту Вану в Японии на депозиты самого Жака Ширака». Также немало времени журналист посвятил расследованиям того, как по итогам совместной поездки французского президента и его наместника на Таити «полинезийский чёрный жемчуг оказался в руках японцев».

Здесь важно понимать, что подобная работа шла при прямой поддержке со стороны Бориса Леонтьева. Источники, близкие к Флоссу, пытались выдвигать версию о его самоубийстве, что уже было само по себе весьма странно, учитывая то, что труп журналиста не нашли. Позднее, в 2007 году, в ходе начатого расследования относительно страных политических исчезновений, юрист Жан-Доминик де Арси заявил, что «такая деятельность могла стать причиной вероятной пропажи, как вышеупомянутого журналиста, так и его начальника». Впоследствии расследовавший данные дела судья Редонне также усмотрел их сходство.

«КРЕВЕТКИ БИЖАРА»

С момента исчезновения Жана-Паскаля Кюро прошло пять лет. И вот однажды в тамошних блогах разошлось сенсационное заявление, сделанное одним из бывших представителей местных спецслужб, который под воздействием алкоголя признался в уча-

тела утоплены в море, а сам малогабаритный самолёт, по размеру чуть больше грузовика, был оперативно разобран на запчасти. Таким образом, все улики были уничтожены.

Забегая немного вперёд, следует сказать, что во Французской Полинезии гуляли слухи, будто на друзей и родственников Леонтьева вышел пилот пропавшего самолёта Гилберт Келли и подтвердил данную версию. По словам бывшего сотрудника спецслужб, сделать признание пилота якобы «заставила совесть, мучившая его за преступления в отношении лучших людей Французской Полинезии».

Подобное признание мало кого здесь удивило. Ведь французские спецслужбы ранее не гнушались убийствами тех, кто покушался на ядерные секреты Парижа. Классическим примером стало уничтожение ими в 1985 году в порту Окленда судна экологов Rainbow Warrior, которое должно было стать флагманом флотилии противников дальнейших испытаний оружия массового поражения в регионе.

Причём сам Флосс, по данным ряда источников, имел серьёзные знакомства в руководстве французской спецслужбы DGSE, в том числе и с офицерами, специализировавшимися на проведении спецопераций в Ливане и Чаде.

Что было дальше, до конца опять-таки неясно. По данным местных блогеров, разговорчивый сотрудник спецслужб

Polynesie (GIP) Betea Кадустье, в котором содержалось признание в убийстве журналиста. Тот также жаловался на мучившие его угрызения совести. Возможно поэтому в январе 2004 года его нашли мёртвым в местных горах.

Не случайно прокурор Хосе Форел открыто заявил 10 мая 2010 года, что группа Леонтьева и журналист Куро «пропали при очень тревожных и подозрительных условиях», и настаивал на дальнейшем продолжении расследования. Однако менее чем через год под давлением Парижа дело было закрыто. Показательно, что все эти годы французские власти его тормозили и отзывали ведущих его специалистов под различными предлогами, что может говорить о причастности к исчезновению группы Леонтьева более серьёзных сил, чем уже бывший премьер Гастон Флосс.

Однако дело Бориса Леонтьева живёт и побеждает. Французская Полинезия уверенно движется к независимости. И то, что мировое сообщество (и в том числе США) обязало Париж провести полную деколонизацию своих тихоокеанских владений к 2025 году, стало далеко не в последнюю очередь заслугой Бориса Леонтьева.

Об авторе:

Сергей Балмасов – журналист и историк, автор книг «Иностранный легион», «Беломыгранты на военной службе в Китае» и др.

МЫ С РОМОЙ АБРАМОВИЧЕМ ИЗ ОДНОГО ДЕТДОМА

Андрей Разин:

«Ласковый май» никогда не бросает своих

В майском номере «Совершенно секретно» вышел материал про группу «Ласковый май». Статья вызвала неоднозначный резонанс у наших читателей и эмоциональную реакцию у её героев. В наш адрес посыпались обвинения в необъективности представленной вниманию поклонников самой популярной в СССР группы «Ласковый май» информации и несправедливости по отношению к тем, кого эта информация может затронуть. Редакция посчитала нужным исправить допущенную несправедливость и предоставить возможность бесценному продюсеру «Ласкового мая» Андрею Разину рассказать нам, как всё было на самом деле...

— Эта публикация, конечно, потрясла меня. Но при подготовке этой статьи газета почему-то не обратилась ко мне за разъяснениями. В целом всё, что там написано, — это, конечно, чушь. У группы были сложности. «Ласковый май» распадался в своё время. Дети расходились. Но чтобы все бомжевали и спивались, как это преподнесено в статье, которую мы сейчас обсуждаем?! Это всё удел журналистов, придумывающих вокруг нас сказки и легенды. Хочу сказать, что наши ребята всегда держались вместе. Были тяжёлые дни и у Серкова, и у Гурова. Но нигде они не говорили про меня ничего дурного из того, что им приписано в статье про «Дело «Ласкового мая»». Гурова я всё время защищал и помог ему выйти из тюрьмы раньше срока. Как депутат, обращался к президенту страны, и в итоге ему сократили наказание.

Сейчас и у Гурова, и у Серкова всё хорошо. У всех семьи, и они счастливы. У Андрея Шишкина тоже всё нормально. У него трое детей. Живёт в Москве. Свой бизнес. Да, погиб Юрий Гуров. Осталось двое детей. Мы купили им квартиру. А Андрей Гуров о них заботится. Андрей каждый год проводит в Привольном футбольный матч памяти брата, в котором принимают участие известные артисты.

Да, ушли из жизни Юргайтис, Дайрабаев, Игошин... Мы помогаем их родственникам, проводим мероприятия их памяти. Юргайтису поставили памятник... Но это жизнь. И бывает, что люди умирают раньше, чем можно предполагать. В системе «Ласкового мая», однако, было 480 человек. И 8 смертей совсем не система. Да и бренд принадлежит не нефтяникам, как сказано в статье, а мне и центральной творческой студии «Ласковый май».

— Откуда эти разговоры об извращениях в группе «Ласковый май»?

— Вы о педофилии? Эти намёки появились ещё во времена СССР. Но я всё больше склоняюсь к тому, что это всё авторские переживания и хотения. О нас написано около 800 тысяч статей. Тему педофилии в них поднимали 200 тысяч

раз. Были такие авторы, что сели в тюрьму как раз по этой профильной статье УК. Вот был один такой, второй секретарь Полтавского горкома... Писал эти статейки про «Ласковый май», после чего сам сел за педофилию. Чьё-то большое воображение накладывалось на реальную популярность наших мальчишек.

Группа «Ласковый май» была популярна во всех слоях общества. И в ЦК КПСС. И среди населения. И среди профессиональных музыкантов равнодушных не было: от ненависти и до любви. У Виктора Цоя барабанщик был нашим фанатом и не скрывал этого, играл «Розовый вечер» на всех репетициях. Александр Градский в 1989 году на радиостанции «Юность» сказал про группу «Ласковый май», что это гениальное творение. И тут дело не в музыке совсем, а в социальном моменте. Поэтому в отношении группы «Ласковый май» только ленивый не писал.

— Как такие публикации сказывались на группе?

— Грязь, конечно, огорчала, но, впрочем, такие публикации, наверное, больше на нас работали. Вот, например, в «Комсомолке» был музыкальный обозреватель, постоянный «наш автор», он всегда нагнетал небылицы. Однажды, накануне нашего концерта в Киеве в 1988 году, он сообщил, что Разин, по его сведениям, завтра будет арестован по статье 93 прим. И грозит ему расстрел. Тут же Невзоров в «600 секундах» подтвердил его слова, что по имеющейся компетентной информации, Андрей Разин завтра будет арестован за хищение государственных средств в особо крупном размере. 8 млн рублей в 1988-м году — это огромные деньги.

Утром я сидел и ждал, когда за мной придет милиция или КГБ. Но никто не появился. Потом зазвонил телефон:

— Это первый секретарь горкома комсомола Киева. Мы проводим ваш концерт завтра. Скажите, пожалуйста, вы сегодня вообще выезжаете к нам?

— Конечно, вечером, с группой «Ласковый май».

— А то, что в газетах пишут?

— Так это я сам и заплатил, чтобы билеты раскупались!

Уже в Киеве он мне утром следующего дня перезвонил и сказал, что распродали 100 тысяч билетов. Что люди придут посмотреть меня в последний раз. Выхожу на сцену — гробовая тишина. (А у меня ещё была идея в «воронке» приехать на концерт.) Молчат зрители! Я им: «Здравствуйте! Знаете, может, это последний раз. Может быть, это последние минуты мои тут, на сцене. Меня обвинили в очень тяжких преступлениях. Может быть, сразу после концерта арестуют!» Рёв, слёзы, крики, истерики. Все десять дней истерик. Больше всех плакал Шатунов, он сказал: «Сволочь, ты популярнее меня. Лучше б меня расстреляли. Лучше б он обо мне написал, что я извращенец». И вот с этого момента я понял, что во всех этих плохих публикациях есть огромная доля раскрутки.

«Сейчас и у Гурова, и у Серкова всё хорошо. У всех семьи, и они счастливы. У Андрея Шишкина тоже всё нормально. У него трое детей. Живёт в Москве. Свой бизнес»

« В 15 лет, после детского дома, были мечты, страх перед жизнью, что ты выходишь один, родителей нет, что будет тебя дальше ждать — ничего не понятно »

«ГОРБАЧЁВ ДОЛГО СУДИЛСЯ СО МНОЙ»

— А почему в группе были лишь одни сироты?

— Во-первых, кому я, как бывший детдомовец, должен в первую очередь помогать? Конечно же, таким же обделённым родительской любовью ребятам. А во-вторых, мы набирали в группу сирот во многом из-за того, что мы обсуждали выше. Вы представляете, что бы сделала мама Юры Шатунова, если бы была жива и прочитала, что Разин съел аппендикс её сына?

— Как... съел?..

— Как написала газета «Пионерская правда» — зажарил и съел! Я бы мгновенно лишился солиста, если бы мама Шатунова это узнала! Как это произошло с Костей Пахомовым, когда в прессе сообщили, что Костя клептоман и обворовывает ребят в «Ласковом мае» и что его избивают за это! Костя мгновенно ушёл. Потому что у него были мама, папа, дедушка, бабушка, брат. Как им потом было объяснять соседям, всему их городу, стране, что Костя не вор? А как Серков или Шатунов отвечали, если им сообщали, что журналисты написали очередную небывальщину? Они, детдомовские, просто не обращали внимания на СМИ. Но главное, что не было ни одного их взрослого родственника, который бы в ужасе схватился за голову и забрал ребёнка из группы. Теперь понятно, почему в «Ласковом мае» одни сироты выступали? Естественно, я понимал, что если газеты пишут такие гадости в отношении нашей группы, то её участником должен быть круглый сирота.

Когда человек становится популярным, всё меняется поразительнейшим образом. К этому далеко не все готовы. Метаморфозы поражают. Я сейчас всем, кто ко мне обращается за советом по поводу раскрутки, всегда говорю: каждый человек, который хочет стать артистом, должен морально подготовиться к тому, что рано или поздно узнает о себе из СМИ, что он педофил, что он преступник, что он извращенец, что он вор, что он зоофил, гомофил — всё, что угодно. И если у него есть силы это пережить, то тогда он выживет в шоу-бизнесе. Если хоть какой-то из пороков, приписанных тебе, примешь близко к сердцу, то всё будет кончено. Не выживешь в профессии. И неважно, какой у тебя цвет волос или какой образ жизни ты ведёшь — всё за тебя придумают и напишут.

Мои сыновья Илья и Саша, несмотря на то, что папа у них неплохой продюсер, не стремятся в шоу-бизнес. Хотя они с детства к нему морально подготовлены, столько уже прочитали про своего отца.

— А чем история с аппендиксом Шатунова закончилась?

— Ему пришлось приехать на дачу к главному редактору «АиФ» Старкову. Приподнять майку и приспустить штаны, чтобы показать, что нет никакого шрама от аппендиксита. А всё из-за того, что его дочь назвала меня людоедом. «А я читала в газете, что вы съели аппендикс Шатунова...» У меня не было другого выхода, как вызвать Шатунова к Старкову. Представляете, какие

были глаза у девочки, когда она говорила: «Наврали?! Журналисты соврали?» и смотрит на Владислава Андреевича, у которого тираж газеты 22 миллиона экземпляров. И она понять не может, поверить, что газета «Пионерская правда» могла выдумать такой факт. ...Ну не буду детализировать дальше эту историю.

— А что это за персона такая — Веденкин, как он связан с «Ласковым маем»?

— Веденкин? Лжегенерал? Тот самый, что публично угрожал депутату Юшенкову? Юрий Веденкин сказал по телевидению: «Я возьму пистолет и в затылок его застрелю». Он никак не связан с группой. Только разве что в местах не столь отдалённых оказался из-за того, что вымогал у нас деньги — 50 тысяч рублей в 1989 году. То есть мне удалось сделать то, что не получилось у Ельцина, когда он дал указание арестовать Веденкина. Тогда Веденкин остался на свободе. Теперь он нас ненавидит. Веденкин никогда не был и не мог быть одним из отцов-основателей группы «Ласковый май».

— И что он сейчас делает? До сих пор лжегенеральствует?

— Как всегда...

— А что у вас с Горбачёвым получилось?

— Мария Пантелеевна Горбачёва, мама генсека, с 1991 по 1995 год жила у меня с моей бабушкой. Я её «досмотрел», практически до конца дней довёл. Она оставила всё своё имущество мне, передала все архивы, детские фотографии Горбачёва, дом — всё мне отдала. Горбачёв долго судился со мной, но потом мы с ним заключили мировое соглашение. Мария Пантелеевна подписала со мной договор опеки. Михаил Сергеевич пытался после её смерти его отменить, но суд отказал ему в этом. Так я по сегодняшний день — опекун Марии Пантелеевны Горбачёвой. И неважно, являюсь родственником или нет. Если она вызвала нотариуса и передала всё имущество не Михаилу Сергеевичу Горбачёву, не внучке своей, а Андрею Александровичу Разину, значит, она меня считала своим самым близким родственником. Она для меня больше чем мать. Тем более и соседи, и все сельчане говорят, что если поставить на весы Горбачёва, родного сына, Михаила Сергеевича, и Андрея Александровича Разина, то Разин сделал для матери больше, чем сделал президент.

— А что, генсек мало заботился о ней?

— Охрану сняли в 1991 году. А дальше он мало о ней заботился. Поэтому я стал опекуном его матери. Это состоявшийся факт. А опекун — это законный представитель человека.

НОТНАЯ ГРАМОТА «ЛАСКОВОГО МАЯ»

— Я знаю многих кто морщил носик при упоминании «Ласкового мая»...

— Знаю, знаю... Когда продюсировал, был плохой. Запел — тоже был плохой. А я, между прочим, в «Утренней почте» появился ещё в 1985 году со своим клипом, и Боря Моисеев у меня был в под-

танцовке. Ещё не было ни «Ласкового мая», ни «Миража», а я уже гастролировал с «Весёлыми ребятами» — с Буйновым и Глызиным. Я учился в ЦДРИ, у Изабеллы Даниловны Юрьевой по курсу вокала. У Тамары Романовой обучался бальному танцу.

Те, кто морщили носик, не берут в расчёт, что мне аплодировали 103 тысячи человек в «Лужниках», когда я им пел. Пугачёва собирала 90 тысяч. А я 103. Больше 100 тысяч никто не собирал. Даже битлы. Никто не продал 47 миллионов билетов — ни Мадонна, ни Майкл Джексон. Только «Ласковый май». Никто не дал 2600 концертов за пять лет — только мы. Потому что работало практически 67 коллективов. В этом отношении нас догнать почти невозможно. Больше того, мы гордимся тем, что мои музыканты не знали ни одной ноты. У нас были стрелки над словами, вверх и вниз — как петь, выше или ниже. Некоторые известные музыканты потом забирали наши стрелки. И они говорили: вот, нотная грамота «Ласкового мая», которую придумал Разин. Мы в месяц выпускали по альбому — и так все 5 лет. Перед каждым альбомом я обращался к нашим фанатам с тем или иным заявлением. Однажды мы так буквально спасли того самого музыкального обозревателя «Комсомольской правды», который про нас чушь писал. По просьбе отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ. Пришлось сказать, что он исправился. А то он вообще не мог на улицу выйти.

Мы выступаем и сейчас и даём по 100 концертов за год. В общем, пусть они попробуют создать, что создал я.

— Откуда это у вас?..

— Самоуверенность, вы хотите сказать? Очень давно учительница на уроке стучала мне пальцем по лбу и говорила: «Такие гении, как Ленин, рождаются раз в 100 лет! Понял, Разин?» И так это было выразительно, что я побежал в библиотеку и стал выяснять, кто родился в 1863 году. За 100 лет до меня. Оказалось, что Станиславский. Тогда же прочёл его книгу «Моя жизнь в искусстве». И до сих пор не могу прийти в себя от сходства наших судеб. И я, и он росли в больших семьях. Только я в детдоме. В 26 лет и я, и он стали руководителями творческих коллекти-

вов. В 27 лет Станиславский провалился в оркестровую яму в Большом, а я провалил концерт в «Лужниках». Станиславский постигал всё сам, и я тоже. Мы знаем школу Станиславского. А вы теперь в курсе о нотной грамоте, которую понимали только я и мои музыканты. Возле дома на Тверской, где я купил квартиру, через несколько лет поставили памятник Станиславскому. В конце концов, поступая в ЛГИТМИК (Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. — Ред.) на вопрос Алисы Фрейндлих, зачем мне, колхознику, становиться режиссёром, я ответил, что Станиславский был гением, а я родился ровно через сто лет. Значит, я стану режиссёром. Ведь гении через сто лет появляются. Меня не приняли, но потом, после моих аншлагов, пожалели об этом.

— И чувство самоиронии сохранили, и вроде не бронзовеете...

— Простота спасает... Мы с Ромой Абрамовичем из одного детдома в Кисловодске. Он, правда, там недолго был. (До трёх лет Роман жил в детском доме. — Ред.) Мы оба миллионеры. Только я пораньше. Он весь закрыт, замагничен. С журналистами не встречается, никому подарков не делает. Я же совсем другой. Тем, кто у меня 5 лет проработал, покупаю квартиры, одноклассникам дарю машины. Всегда готов к интервью. Наш творческий центр «Солнечный круг», который имеет филиалы по стране, помогает творческим детям, а также детям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. А теперь скажите мне, если из одного детского дома выходят два таких человека, о которых знает мир, то это неплохой показатель? Хорошие учителя, воспитатели. Как вы думаете? Я выбрал свою профессию, чтобы жить весело. Не копить деньги, а раздавать. И снова зарабатывать.

— А когда возникло желание так жить?

— В 15 лет. А до этого был детский дом, мечты, страх перед жизнью, что ты выходишь один, родителей нет, что будет тебя дальше ждать — ничего не понятно. Это потом уже я своей божьей рукой просто прикасался к любому сироте, и этот сирота превращался сразу в мегачеловека.

Беседу вёл Андрей Николаев
Фото из архива А. Разина

ИСКОННО РУССКАЯ АИДА

«От обиды я как заору на Герасимова: «Ну и не нужен мне ваш ВГИК и ваша Москва! И вы, и ваш Шолохов вместе с «Тихим Доном!»»

Вся жизнь звезды советского кино Зинаиды Михайловны Кириенко – это готовый сюжет для лихо закрученного детектива. Мало кто знает, что красавица актриса, которую помнят и любят несколько поколений зрителей, всю жизнь прожила под чужими именами, фамилией, отчеством и на самом деле она Аида Георгиевна Широкова. Другим «тёмным пятном» в её биографии стал 1966 год, когда в самом расцвете и на пике популярности после «Тихого Дона» и «Судьбы человека» Кириенко на восемь лет (по меркам кино – целую вечность!) категорически запретили снимать. И не снимали. Так председатель Госкино СССР отомстил строптивой красавице за то, что не ответила ему взаимностью. К счастью, этот сюжет с хеппи-эндом: судьба всё-таки подарила актрисе «Любовь земную», любовь неземную и триумфальное возвращение на экраны.

ТАЙНА ТЁТИНЫХ ДНЕВНИКОВ

– Зинаида Михайловна... Или Аида Георгиевна? Как прикажете вас называть?

– (Смеётся.) Конечно, ближе к истине второй вариант, но к первому я больше привыкла.

– Расскажите, как же так получилось.

– С моим рождением и именем вообще вышла целая история. Не знаю только, трагикомическая, героическая или романтическая. Но, похоже, пророческая на все сто! Моя мама, будучи беременной мною, прочитала роман о судьбе древнегреческой драматической актрисы по имени Аида. Книга произвела на неё такое мощное впечатление, что мама решила: у неё обязательно родится дочь, которая непременно станет драматической актрисой. Поэтому даже имя мне придумала до рождения – Аида.

– А если бы родился мальчик?

– Ну что вы! Надо было знать мою маму. Лихая кавалеристка – она в седле сидела, как амазонка. Слова поперёк не скажи. Огонь, а не женщина! Красивая, волевая, энергичная... Решила, что будет девочка, – значит, так и будет! Но, когда я родилась, мама сильно заболела, и регистрировать меня пошёл отец – Георгий Широков. Иначе по законам того времени – штраф. Шёл и размышлял: «Аида? Зачем такое замысловатое заморское имя русской девчонке?» И записал: «Зинаида». Когда матери метрику показал, она забилась в истерику. А он успокаивал: «Смотри, Шура: Зина и Ида – два имени. Одно – как ты и хотела». Поэтому всё моё детство и юность я была Идой. Когда родители развелись, я стала Ида Иванова (Иванова – мамина девичья фамилия). Во ВГИК поступала как Ида Кириенко – в 14 лет я взяла фамилию и отчество отчима. Так и однокурсники меня называли, пока в титрах фильма «Надежда» не понадобилось паспортное имя писать. С тех пор я – Зинаида. Но всё равно привыкала я к этому имени с большим трудом. Только в последнее время смирилась.

– Мама с пелёнок в вас возвращала актрису?

– Да нет, конечно. Когда ей? Она была настоящим человеком своего времени. С утра до вечера работала на рыбоконсервном заводе. То яростно училась, то восстанавливала разрушенные войной элементы. Кроме того, руководила кружком

ворошиловских стрелков, воспитывала кавалеристов... Если кто-то серьёзно и повлиял на моё желание стать актрисой, то это мамина сестра – тётя Женя, откровенные дневники которой я прочитала и загорелась: вот и мне бы так!

– А что такого сверхъестественного было в этих дневниках?

– Там она очень ярко описывала, как мечтала о цирковом манеже, рассказывала о своей первой любви... Вообще, её история уникальная! Представляете, в 15 лет она убежала с бродячим цирком шапито и стала воздушной акробаткой. Циркачи постарше наверняка помнят известную семейную пару – Яков Пименов и Евгения Иванова. Дядя Яша был клоун, коверный, виртуозно играл на концертном размером от спичечного коробка до футбольного мяча – сама видела! Во время своего «коронного» номера перепрыгивал семь автомобилей. А тётя Женя

вытворяла чудеса под куполом цирка, восхитительно пела, танцевала. И красота была просто невероятной! Когда я всё это читала, а мне было лет тринадцать, – дух захватывало! А как увидела тётю Женю и её красоту – всё было решено окончательно. К сожалению, она умерла совсем молодой – в 22 года во время родов... Дядя Яша, кстати, потом приходил на мой творческий вечер в Казани. Такой напомаженный весь – ну одно слово: Артист!

– В детстве ваши сценические таланты были заметны для окружающих?

– Думаю, да. Я была очень активная – читала стихи, ходила в драмкружок. С концертными программами мы выезжали на полевые станы. Ещё считалось, что я хорошо пою. Помню, в школе у нас был учитель Василь Васильич, худой такой, длинный. Во время войны он четыре года провёл в

немецком плену, там выучил немецкий язык, его же у нас преподавал. И частенько... поддавал. Он очень любил, когда я и один мой одноклассник пели вместо урока. «Кириенко, Примаков! Спойте мою любимую...» И мы затягивали на два голоса. (Поёт.) «Скажи, сынок, скажи родной, скажи, казак мой молодой...» Василь Васильич слушает и, прикрыв лицо ладошкой, плачет. Потом ставит нам по пятёрке.

– Судя по детским фотографиям, девушка вы были красивая. Парни в вас часто влюблялись?

– Были такие, что брату моему на безответные чувства жаловались. Но в юности мне было точно не до романов. Я очень такая была... Максималистка! И, наверное, со стороны чудаковатая.

– Как это проявлялось?

– Любила в одиночку уходить на природу, общалась с луной, со звёздами. Любила лежать в полях, надышаться запахом чабреца и долго-долго смотреть в небо. Вот вы спрашиваете про любовь... О чём вы говорите? Я – пела. Я выходила в степь и – «О-о-о-о!!!» Ни души же вокруг – красотища. Вот такие были у меня порывы! Лет с пятнадцати я точно знала, что поеду учиться на артистку.

НЕТИХАЯ ДОННА

– Во ВГИК вы поступили сразу, но учиться не стали. Была веская причина?

– Конечно! Меня ведь приняли с припиской «условно». А это значит – ни общежития, ни стипендии, отчислить вправе в любой момент. Не я одна – многие так поступали. А где жить, на что? Помню, сижу, горюю: как быть? Вдруг ко мне подходит Тамара Фёдоровна Макарова, которая была в приёмной комиссии: «Деточка, мой тебе совет: езжай домой. А на следующий год Сергей Аполлинарьевич Герасимов будет свой курс набирать. Он тебя возьмёт».

С актёром Петром Глебовым (сыгравшим Григория Мелехова) на съёмках «Тихого Дона». 1958

– То есть Тамара Макарова сразу на вас глаз положила?

– Видимо, так. Вот что это было? Удача, счастливый случай или судьба? Сейчас, спустя много лет, я могу предположить, что уже тогда Сергей Аполлинарьевич присматривал актёров для «Тихого Дона». И увидел во мне свою Наталью. Так или нет, не знаю... Но я прислушалась к её совету. И на будущий год поступила к Герасимову.

– Ещё будучи студенткой, вы снялись в «Тихом Доне», «Судьбе человека». Какие самые яркие воспоминания со съёмок?

– Знаете, что самое удивительное? Даже жизненные ситуации, как бы они ни были остры, я очень редко запоминаю до таких мелочей. А все свои переживания на съёмочной площадке до сих пор помню ярко-ярко. Как я готовилась, о чём думала в тот момент, что ощущала... Был случай, когда я пришла на репетицию, слегка высветлив

выдержала и взорвалась. Вскочила и как заорю: «Ну и не надо! И не нужен мне ваш ВГИК, и Москва мне ваша не нужна! И вы, и ваш Шолохов вместе с «Тихим Доном»! Герасимов испугался, долго молчал. Потом подошёл, погладил меня по голове и говорит: «Да успокойся, будешь сниматься, будешь. Молодец, ты актриса. Умница! Но волосы приведи в порядок!» Вот этим и кончилось. Ни разу в жизни он больше на меня голос не поднимал. И сцену эту мы больше не репетировали – её сняли с одного дубля.

– Вы ощущали его особое отношение? Ведь в киношных кругах у Герасимова была слава сердцееда, донжуана...

– Если вы намекаете на то, что он питал ко мне какие-то нежные чувства, то ничего подобного не было. Наоборот, это я ему однажды призналась в любви. Это было в Сталинграде, когда после первого курса я у него в своей первой картине «Надежда» снималась. Причём это был скорее эмо-

Зинаида Кириенко (слева) со своим мастером курса во ВГИКе Сергеем Герасимовым. Конец 1950-х

очень красивым, как мне казалось, глазастый такой... Может, его какая-то сдержанная манера импонировала. А мужчины актёры, как правило, красуются собой. Это ужасно! Глаза делают такие... «томные».

– В 1950-е – 1960-е годы вы со своими картинами объездили много стран. Что за границей удивило больше всего?

– Безусловно, поразил «Фестиваль фестивалей» в мексиканском Акапулько, куда мы приехали с «Судьбой человека» осенью 1959-го. В нашей делегации были Герасимов с Макаровой, Юткевич и писатель Симонов. Удивительное дело: люди съезжались отовсюду, чтобы увидеть нашу картину, хотя рекламы в те годы почти никакой не было. Помню, после финальных титров в зале воцарилась мёртвая тишина, и лишь спустя несколько минут зал взорвался аплодисментами. Публика бросилась благодарить – нас вынесли на улицу на руках. Все мы плакали – не могли сдержать слёзы. Знаете, пережить такое сегодня, наверное, удаётся не каждому, даже великому артисту.

– Повышенное внимание со стороны иностранцев ощущали?

– Ну а как же?! Всё-таки для остального мира Советский Союз был закрытой одиозной страной. Помню, я в шортиках была и в такой белой кофточке с завязочками, прикрывающей тело, скажем так, не полностью. И Тамара Фёдоровна мне целую нотацию прочитала на эту тему: «Зина, на тебя же все смотрят. Ты же из Советского Союза!» Я говорила: «Но здесь же так жарко и все так ходят!» «Нехорошо». Кстати, я приехала в Акапулько в платье, купленном в обычной московской комиссионке и, конечно, попала под пристальные взгляды зарубежных актрис и журналистов. Ведь много тогда за рубежом иронизировали, что в СССР нет моды, магазины пусты, женщинам надеть нечего. А через несколько дней мне принесли журнал с моей огромной фотографией. Подпись под фото гласила: «Советская актриса Кириенко – эталон советской моды».

Никогда не забуду, как в составе первой советской делегации от ЦК комсомола я поехала в турне по США – и какой мы произвели там фурор. Американцы смотрели на нас, как на инопланетян.

– Почему как на инопланетян?

– Потому что до этого они представляли СССР и наш советский быт по фильму-сказке «Каменный цветок». На полном серьёзе думали, что в Москве по улицам медведи ходят и люди – в лаптях и кафтанях. Поэтому у них буквально глаза были на лбу. Это было незабываемо – что вы! Более того, главный советский праздник – 7 Ноября – мы справляли в Главном полицейском управлении. Скинулись по 7 долларов, устроили вечеринку. Американцы нам ещё ящик вина притащили, а потом вместе с нами гимн СССР пели. ▶

С автором «Тихого Дона» писателем Михаилом Шолоховым. 1958

волосы. А в ту пору студентам герасимовского курса непозволительна была любая вольность – нельзя было ни губы красить, ни завивки, перманенты делать. Никаких декольте, экспериментов с внешностью – Боже сохрани!

– «Криминал» – вплоть до отчисления?

– Ещё какой! Герасимов с Макаровой нас в строгости держали, готовили к серьёзным жизненным испытаниям в творчестве, где главное было «пронести себя достойно». А я репетировать одну из сложнейших сцен в «Тихом Доне» (где Наталья проклинает Григория за измену) пришла в таком «легкомысленном» виде. Чтобы Сергей Аполлинарьевич не заметил, я специально на голову платочек повязала и мгновенно забыла об этом – вся была сосредоточена на сцене. Там Наталья, как пишет Шолохов, сорвала с головы платок, упала лицом на мокрую землю и зарыдала. И сыграла я это просто здорово – сама от себя такого не ожидала. У меня слёзы брызнули, я срывающимся голосом прокричала проклятия и упала. Упала и лежу счастливая – жду от Герасимова похвалы. Вдруг открываю глаза и вижу: мой-то платок на полу лежит. А вокруг – гробовая тишина.

– Заметил?

– Да! Герасимов никогда не позволял себе мата, но у него находились вполне цензурные слова, которые ранили сильнее, чем отборная брань... Он как понёс: «Как ты могла, как посмела?!» А я от обиды – я-то считала, что меня надо похвалить за эту сцену! – не

циональный порыв, я даже не знаю, что за чувство – ведь все мы, его ученики, его боготворили. Но, согласитесь, был бы Герасимов ловеласом и сердцеедом, воспользовался бы этой ситуацией – ему это ничего не стоило. А он мне сказал: «Надо свои чувства уметь сдерживать. Потом будешь себе благодарна всю жизнь!» Ловелас не влюбился бы как мальчишка, не поехал бы к родителям Нонны Мордюковой – знакомиться... За все годы я никогда не видела его сальных глаз. Вообще! Восторг – сколько угодно. Особенно если сцена у кого-то удалась. Поэтому я всё равно сохранила к Герасимову самое чистое светлое чувство и благодарность. За этот случай в том числе.

– Не успев закончить вуз, вы стали знаменитой и популярной. Судя по всему, недостатка в предложениях сниматься не было?

– Да, снималась я много. 1959 год, 1960-й. В «Казаках» в Грозном, «Вдали от Родины» в Киеве, у Солнцевой в «Повести пламенных лет», «Зачарованная Десна»... Я всё время была в киноэкспедициях. Другое дело, что... Может, неправильно, что роли чаще всего мне предлагали однотипные – где был нужен надрыз сердечный. Поэтому очень много даже отказывалась.

– Как встретили внезапно нахлынувшую славу?

– Нормально. А для чего работать, если ты артистка и тебя никто не знает?! Я не верю, когда актёры говорят: «А я не хочу, чтобы меня узнавали!» Повышенное внимание было, ну а как же? Письма на моё

имя приходили мешками. Почти в каждом – любовное признание. И из тюрем писали, обещали приехать. Но, как говорится, Бог миловал.

НА МНЕ ПОСТАВИЛИ КРЕСТ

– В ту пору кумирами миллионов были Жан Габен, Жан Марс... А вам из звёзд небосклона того времени кто нравился?

– Вы знаете, никогда не увлекалась мужчинами «на экране». Никогда! Я больше на актрис смотрела. Правда, мне нравился когда-то, и то в школьные годы, Роберт Тейлор в фильме «Мост Ватерлоо», где они играют с Вивьен Ли. Он был там

В Мексике советскую актрису встречали как королеву экрана. Мехико. 1959

► **– Зинаида Михайловна, с 1966 по 1974 год вы не снимались. Это правда, что все эти годы не знали причину?**

– Клянусь, не знала! А откуда? Меня то и дело спрашивали: «Почему вас нет в новых фильмах?» Я не знала, что ответить. Столько насниматься в популярных лентах – и вдруг... Как отрезало! Правду я узнала только от Станислава Ростюцкого на фестивале в Баку в 1974 году. «Разве не знаешь, – сказал он мне, – что ты была в списке, где стоял наверху крестик – «не снимать?»» – «Нет!» – «А помнишь свои отношения с таким-то (называет известную фамилию деятеля Госкино)?» – «Да у нас с ним не было никаких отношений!» – «Так вот поэтому тебя и не снимали. Он сам мне рассказывал, как ты ему отказала».

– Прямо вот так?

– Почти слово в слово передаю наш разговор. Я ведь даже представить не могла, что такое бывает! Что тебя просто могут вычеркнуть из жизни! Я сразу вспомнила, как в 1966 году на декаде русской литературы и искусства в Чимкенте мы жили в номере с Ниной Дробышевой. Вдруг приходит этот... человек-монстр, который на всех наводил ужас, и приглашает нас в ресторан. Сидим, столик на троих. И он рассказывает: «А вы знаете, как меня донимают режиссёры? Даже тот же ваш Герасимов... То плёнку просит, то ещё что-то. А я-то знаю, что все они у меня вот где (показывает кулак)! Я только брови сдвину, а у них поджилки уже трясутся». Понимаете? Вот эта вот гадость, чванство... Он хвастался тем, что все они от него зависят. «Поджилки трясутся...»

– Неужели даже такие глыбы, как Герасимов, его боялись?

– Да ради чего он будет портить отношения? Подумаешь! Не Кириенко, так другая будет сниматься. Какая разница?! Только я вас прошу: не будем называть его фамилию. Мне даже противно о нём вспоминать.

– Татьяна Конюхова рассказывала, что, когда её предал друг-режиссёр, она впала в депрессию, чуть не умерла от истощения. Как же вы всё это пережили?

– Я работала. У меня семья – любимый муж, двое детей. К тому же у меня Театр киноактёра, гастроли по всей стране. А закончилась вся эта неприятная история неожиданно. На том же фестивале в Баку ко мне подошёл Евгений Матвеев: «Зина, я затеваю картину «Любовь земная» по роману Петра Проскурина. Там для тебя будет интересная роль». Только благодаря Матвееву, который первый снял этот негласный запрет, я вернулась в кино. Матвеев – это фигура мощная была, независимая. С ним считались.

– Ваша Ефросинья в этом матвеевском фильме – хороша!

– Лично для меня её история – некое продолжение истории Натальи из «Тихого Дона» как типа исконно русской женщины. Ведь почти все мои героини – это были женщины-страдалницы, на которых земля наша держится. Такие войны помогли выиграть, выстоять в самые суровые для страны времена.

– Да и вы сама, судя по всему, тоже из таких. Разве не так?

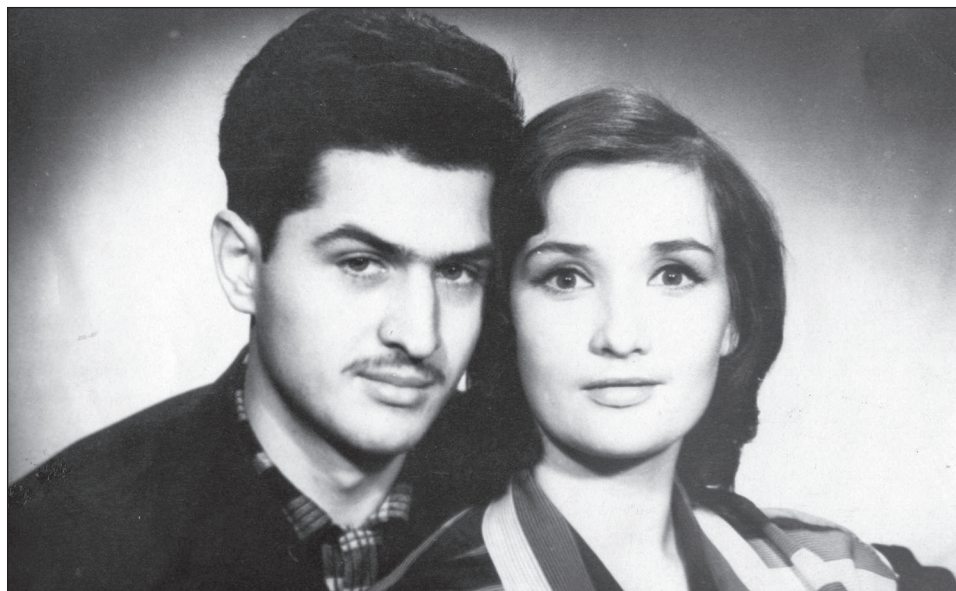
– Ну то, что я могу любые трудности пережить, какие не каждая женщина вынесет, – это точно. Могу! Только измены не смогла бы пережить, наверное.

«ЛЮБОВЬ ЗЕМНАЯ» И НЕЗЕМНАЯ

– В картине «Любить по-русски» вашу героиню зовут Зинаида Георгиевна Широкова. В память об отце?

– Да. Это я предложила Матвееву называть её так. Уж очень хотелось, чтобы хотя бы в кино прозвучали мои настоя-

щие отчество и фамилия. Ведь у моего папы очень нелёгкая судьба. Перед революцией он учился в Тбилисском юнкерском училище на армейского музыканта. В 1919 году белогвардейцы этих молодых ребят посадили на корабль и отправили в Лондон, чтобы спасти от расправы. Но в Англии в те годы был кризис, королева не приняла корабли, юнкеров выбросили в никуда. Вот так он мыкался восемь лет. Работал в ресторане – подсобным рабочим. Бабушка рассказывала, что они там очистки картофельные варили и ели, чтобы не умереть с голоду. Когда в 1925-м вышло постановление Совнаркома о возможном возвращении таких, как он, папа ещё два года копил деньги на обратный билет. Приехал, а ему определили места жительства – аулы Дагестана, где они и встретились с мамой и где я родилась. Мне было года три, когда они разошлись. И фамилию-то мне сразу поменяли – боялись, что фамилия

С мужем Валерием Тарасевским. 1960-е

отца-белогвардейца выйдет мне боком. А в 1939-м папу арестовали. Придумать могли любое – что угодно. Конечно, я многого не знаю, но знаю точно: мой отец прожил тяжёлую жизнь. И где кончил дни свои – никто до сих пор не знает.

– Вы стали драматической актрисой, как и мечтала ваша мама. Настоящей Айдой! Она была рада этому событию?

– Конечно! Я помню, как приехала в нашу станицу с «Тихим Доном» и у меня был творческий вечер в местном клубе. В том самом, в котором когда-то много играла в школьные годы и пела. Зал был забит до отказа. Вся моя многочисленная родня. Мама – в первом ряду. Я её на сцену тогда пригласила.

– Интересно, что она сказала?

– Ничего – вся счастьем светилась. И это было так празднично для всех, что даже не передать.

– Многие актрисы делают ставку на карьеру и ради хорошей роли готовы на многое...

– А я и выбрала раз и навсегда! Любовь, семья всегда были для меня на первом месте. Они меня от всех бед спасали. Мы ведь с моим мужем прожили в любви и согласии более сорока лет, воспитали двух сыновей... А уж роман какой у нас был! Мы познакомились в Грозном во время съёмок фильма «Казачьи». Однажды вечером я шла на концерт Аркадия Райкина, а мне навстречу молодой парень – красавец, великолепно сложенный, как потом оказалось, спортсмен. «А я вас знаю – вы актриса Зинаида Кириенко!» Оказалось, что его тоже пригласили поучаствовать в съёмках «Казачьих» – в массовке. Потом мы с Валерой встретились на съёмочной площадке. Два месяца мы с ним гуляли, как пионеры. Ухаживал он необыкновенно! Ну и оба полыхнули как спичка... Короче говоря, через два

Станица Новопавловская. Мама, двоюродная сестра Лариса, старший брат Володя, бабушка Анна Михайловна, Зина (Ида) и отчим Михаил Игнатьевич Кириенко. 1947

– Был серьёзный разговор с директором Росконцерта. Даже давали коллектив музыкантов. Это сейчас, как вы видите, эстрада стала у нас главным искусством. А мне тогда казалось невозможным бросить театр. Я отказалась. А так ездила и была бы ещё известна как эстрадная певица.

– Было бы здорово послушать «Зинаиду Кириенко с оркестром»!

– Конечно, здорово! Но нельзя объять необъятное. Ведь тогда в театре я играла чудные роли – Екатерину, Госпожу де Реналь в «Красном и чёрном», в музыкальном спектакле «Бабий бунт»... Именно поэтому я не могла уйти.

– А сейчас, когда нет театра, чем занято свободное время?

– А его, к счастью, почти нет. Концерты, встречи, слава Богу, на все фестивали приглашают. Скучать не приходится! У меня же ещё три внука, две внучки, правнук и правнучка, которыми я горжусь. Так что я счастливая мама, бабушка и прабабушка.

– Зинаида Михайловна, а как при всём том, что вы сейчас перечислили, вам удаётся так хорошо выглядеть, сохранять силы, энергию?

– Да почти ничего не делаю! Ем всё, что нравится, но стараюсь не переедать. Люблю попариться в баньке на даче, а потом попить чайку из самовара, полежать, расслабившись, почитать. У меня же профессиональная закалка: умылась, оделась, сделала причёску, макияж и фикс. И ты уже в порядке.

– А что такое «фикс-фок»?

– (Хохочет.) Это когда ты уже видишь, что можно выходить в большой свет. Но самое главное в человеке – это внутренний мир, я никогда не устану это повторять!

Беседу вёл Андрей Колобаев
Фото из семейного архива
З.М. Кириенко

С многолетней подругой актрисой Элиной Быстрицкой на кинофестивале. 2000-е

СВЯТОЙ ВРАЧ

Житие гениального хирурга, лауреата Сталинской премии, а также зэка-священнослужителя, преданного советской властью «анафеме» и ныне причисленного к лику святых

Одиннадцатого июня 1961 года. Симферополь. Уже ранним утром сотрудники спецслужб доложили наверх: «Реакция на смерть архиепископа Симферопольского и Крымского Луки принимает опасный оборот. В город съезжаются верующие из Мелитополя, Генчеська, Скадовска, Херсона... Толпы непрерывной вереницей идут попрощаться с ним». На экстренном заседании Крымского обкома партии и областного управления КГБ решено: главное – не допустить церковной пропаганды и народных волнений. Партийные функционеры поставили руководству епархии жёсткое условие: все сопровождающие должны ехать к кладбищу по окраине города и только в специально подогнанных властями автобусах, ни в коем случае не создавать пешей процессии. Всё должно пройти тихо, незаметно и так, чтобы 13 июня в 17.00 (ни минутой позже!) тело архиепископа было в земле. Но всё вышло иначе!

Руководивший погребением от Московской патриархии архиепископ Михаил (Чуб) вспоминал: «Люди тесным кольцом окружили катафалк, вцепились в него руками, будто не желая отпускать своего архиерея. Охрипший уполномоченный бегал от машины к машине, загонял в автобусы. Его никто не слушал. Наконец кое-как с места сдвинулись...» Когда колонне с помощью автобусов попробовали перекрыть дорогу через центр города, множество женщин, не сговариваясь, ринулись на землю перед колёсами: «Только по нашим головам проедете!» Центральная улица наполнилась народом, движение прекратилось, пешая процессия от собора до кладбища (20 минут ходьбы) шла три часа. На все угрозы и уговоры был один ответ: «Мы хороним нашего архиепископа»... Очевидец рассказывал: «Это была настоящая демонстрация! Казалось, весь город присутствовал на похоронах: помню заполненные людьми балконы, людей на крышах, на деревьях...»

Даже люди далёкие от церкви понимали: ушла из жизни личность незаурядная. Но для того времени – для страны победившего атеизма – подобные проводы священника всё равно были нонсенсом. Даже когда взрывали и грабили храмы, столь единодушных массовых проявлений не было. А уж к началу 1960-х и подавно. Что же заставило людей выйти на улицы и кто такой был этот архиепископ Лука?

ВРАЧ-ВОЛШЕБНИК

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий родился 27 апреля 1877 года в Керчи, в семье провизора. Его отец был ревностным католиком. Мать – по рождению православной. По законам Российской империи дети в подобных семьях должны были воспитываться в православной вере. Вскоре семья переехала в Киев, где юноша в 1896 году одновременно окончил гимназию и ху-

Архиепископ Лука (Валентин Войно-Ясенецкий)

Супруга Войно-Ясенецкого Анна Васильевна с перенцем Михаилом. 1908

► дожественное училище. Ещё в детстве у мальчика обнаружились незаурядные способности к рисованию – он собирался поступить в Петербургскую академию художеств и стать живописцем. Однако старший брат Владимир, студент юридического факультета Киевского университета, увлёк его народническими взглядами, этикой Льва Толстого, и это заставило его изменить свои планы. «Недолгие колебания, – написал потом Войно-Ясенецкий в автобиографии, – кончились решением, что я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей». Он решил стать врачом – чтобы «быть полезным для крестьян, так плохо обеспеченных медицинской помощью».

По описаниям современников, внешность молодого Валентина была очень колоритной: богатырский двухметровый рост, мощный торс, сильные руки. Гусарские усы, отпущенные после окончания университета, завершали его браво-образ. Возможно, он сам видел в этом особый смысл: недаром его предки получили приставку Войно к родовой фамилии Ясенецкие. Войно – означает воин, защитник, боец.

Учился студент блестяще и в 1903-м с отличием окончил медицинский факультет университета. Педагоги и соскурники прочили его в профессора анатомии. Но неожиданно для всех он объявил, что всю жизнь будет «деревенским – мужицким, земским врачом, помогать бедным людям».

В 1904 году Войно-Ясенецкий оказался в буквальном смысле слова на пе-

редовой – в госпитале Красного Креста недалеко от Читы. Шла Русско-японская война. Работали хирурги не покладая рук – кровавая бойня не щадила солдат. Приходилось ежедневно ампутировать конечности, сшивать части тела, работать скальпелем, долотом, пилой, молотком. Здесь молодой медик познакомился с сестрой милосердия Анной Васильевной Ланской и женился на ней.

После этого в течение 12 лет он работал земским врачом в больницах Симбирской, Курской, Саратовской и Владимирской губерний. За это время сделал множество операций на мозге, глазах, сердце, позвоночнике, суставах, внёс много новаций в технику оперирования. Молва о «волшебнике-докторе» разносилась далеко за пределы земств и губерний. Впоследствии он так вспоминал этот период: «В маленькой больнице на десять коек я скоро приобрёл такую славу, что ко мне пошли больные со всех сторон. Вспоминаю курьёзный случай, когда молодой нищий, слепой с детства, прозрел после операции. Месяца через два он собрал множество слепых со всей округи, и все они длинной вереницей пришли ко мне, ведя друг друга за палки и чая исцеления».

Практика военно-полевого и земско-го хирурга-универсала ярко продемонстрировала Валентину Феликсовичу нерешённые проблемы медицины начала XX века – прежде всего проблемы анестезии и гнойной хирургии. Став экстерном московской клиники профессора Дьяконова, он решил сосредоточиться именно на них, тем более что об этих проблемах, как оказалось, ничего не слышали даже столичные хирургические светила. Работал экстерн по 14–16 часов в день. «Из Москвы не хочу уезжать, прежде чем не возьму от неё знаний и умения научной работы. А работа предстоит большая: для диссертации надо изучить французский язык и прочитать около пяти сот работ на французском и немецком языках», – писал он матери в 1910 году.

С началом Первой мировой войны Войно-Ясенецкий возглавил госпиталь в Переславле-Залесском. Это не помешало ему в 1916 году защитить диссертацию и стать доктором наук. Он впервые в России и в мире теоретически обосновал и практически разработал новые методы обезболивания – регионарной анестезии, доселе считавшиеся невозможными, за что получил престижнейшую премию Варшавского университета. Кроме

того, первым в России осуществил некоторые сложные операции на желчных путях, селезёнке и на головном мозге. Именно во время Первой мировой в нём пробудилось забытое было за множеством научной работы религиозное чувство, и он начал постоянно ходить в церковь.

ЕПИСКОП ТУРКЕСТАНСКИЙ

1917 год стал трагическим как для России, так и для семьи Войно-Ясенецких – у Анны Васильевны обнаружились явные признаки туберкулёза лёгких. Нужно было срочно менять климат, и Валентин Феликсович принял приглашение возглавить большую городскую больницу в Ташкенте. Поток больных возрастал из месяца в месяц – разгоралась Гражданская война.

Чтобы понимать обстановку тех лет – небольшой штрих. В Ташкенте свирепствовали малярия, холера, сыпной тиф. Голод на Волге гнал в Туркестан массы голодающих. Они вповалку лежали на вокзале: оборванные, покрытые вшами. По дороге в больницу главврач встречал телеги, гружёные голыми трупами – их везли из переполненного сыпнотифоз-

Хирург Валентин Войно-Ясенецкий (слева) проводит операцию в земской больнице

Архиепископ Лука (в центре). Ташкент, 1923

ного отделения. Перед нескончаемым потоком больных и умирающих у врачей опускались руки. Тем более что в самом городе и вокруг него то и дело шли боевые действия. «Через весь город над самой больницей летели с обеих сторон пушечные снаряды, и под ними мне приходилось ходить в больницу», – рассказывал Войно-Ясенецкий.

В это же самое время по всему Туркестану разыскивали и вылавливали тех, кто имел какое-нибудь отношение к прежнему строю и врагов новой власти: крупных и мелких чиновников царской администрации, депутатов городской Думы, офицеров. Для «бывших» и контрреволюционеров не было оправданий. В эти дни врагом могли объявить любого – с ними не церемонились и сразу пускали в расход. Поводом для этого могло стать что угодно.

...В октябре 1919 года по ложному доносу служителя больничного морга Валентин Феликсович был арестован и увезён в «набитые контрреволюционерами» железнодорожные мастерские. Эти мастерские имели страшную репутацию. Сама фраза «увести в железнодорожные мастерские» означала в те дни не что иное, как расстрелять. Там же заседала «чрезвычайная тройка», и дело решалось быстро – на разбор каждой судьбы «судьи» тратили не боль-

ше трёх минут. Приговор приводили в исполнение немедленно. От расстрела его спасло чудо — знаменитого врача узнал случайно зашедший в мастерские видный партиец и приказал отпустить. В больнице Войно-Ясенецкого уже никто не надеялся увидеть живым... Вот как вспоминал этот эпизод профессор Ошанин: «Как только его освободили, главврач первым делом направился в больницу — на это время у него была запланирована операция. И минута в минуту встал к операционному столу — так, как будто ничего не случилось». Тем не менее этот арест не прошёл бесследно — он вызвал шок у тяжело больной жены, которая через несколько дней скончалась в возрасте 38 лет, оставив на руках мужа четырёх малолетних детей.

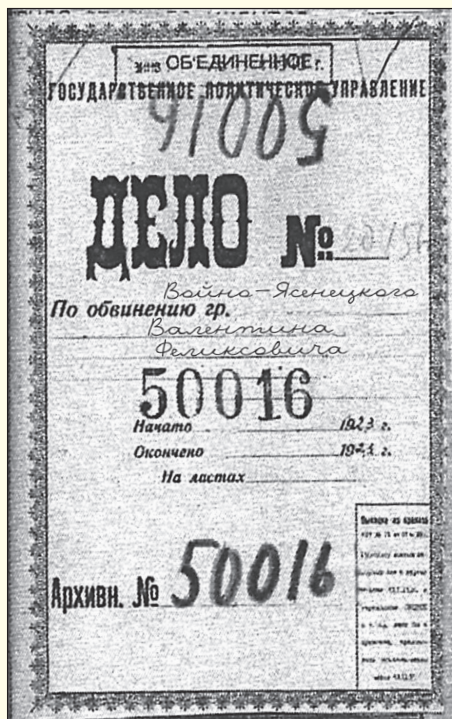
В 1918 году началось открытое гонение на Русскую православную церковь. Расстрелы священников, преследование верующих, разрушение и разграбление церквей продолжались все последующие годы. С подачи советских властей была создана так называемая Живая Церковь, давшая толчок расколу. Эти события Войно-Ясенецкий воспринял как личную трагедию. С одной стороны, он был признанным первым хирургом Туркестана, председателем Союза врачей, читал курс анатомии в средне-медицинской школе, был инициатором открытия Ташкентского университета, с другой... начал посещать местное православное религиозное общество, изучать богословие, принимал участие в церковных делах и выступал с горячими речами. Всё это привело к тому, что прежде не помышлявший о карьере священнослужителя, он принял предложение епископа Ташкентского и Туркестанского Иннокентия стать священником. В мае 1923 года ссыльный епископ Уфимский Андрей тайно постриг его в монахи с именем Луки, а вскоре он был рукоположен во епископа Ташкентского и Туркестанского.

Одна из медсестёр вспоминала, как в самый разгар Гражданской войны Войно-Ясенецкий появился в больнице в рясе и с наперсным крестом на груди. «Надеть рясу в то время, когда люди боялись упоминать в анкете дедушку-священника, когда на стенах домов висели плакаты: «Поп, помещик и белый генерал — злейшие враги советской власти», — мог либо безумец, либо человек безгранично смелый. Безумным Валентин Феликсович не был!» Многие вспоминали, как профессор «с крестом на груди читал лекции студентам в университете. Читал хорошо, студенты его любили, хотя и побаивались. Власти долго всё это терпели, уговаривали его бросить церковные дела, но он не поддавался.

Летом 1921 года ему пришлось публично выступить в ташкентском суде по «делу врачей», которых обвиняли во вредительстве. Начальник местной ЧК латыш Яков Петерс, известный своей жестокостью и беспринципностью, решил устроить из этого сфабрикованного дела показательный процесс. Войно-Ясенецкий был вызван в качестве эксперта-хирурга. Чекист набросился на него: «Поп и профессор! Считаете ли вы, что профессор Ситковский виновен в безобразиях, которые обнаружены в его клинике?» Вопрос касался первого пункта обвинения. Заведующему клиникой профессору вменялся в вину развал дисциплины среди больных и обслуживающего персонала. «Гражданин общественный обвинитель, — последовал ответ, — я прошу по тому же делу арестовать и меня. Ибо и в моей клинике царит такой же беспорядок, что и у профессора Ситковского».

«А вы не спешите, придёт время — и вас арестуем! — закричал Петерс.

В хирургических клиниках города на самом деле творились страшные безобразия. Раненые красноармейцы пьянствовали, дрались, публично в палатах занимались развратом. Тут же рядом лежали тяжелораненые. Но на их мольбы

Уголовное дело В. Войно-Ясенецкого. Ташкент 1923 год (из архивов КГБ)

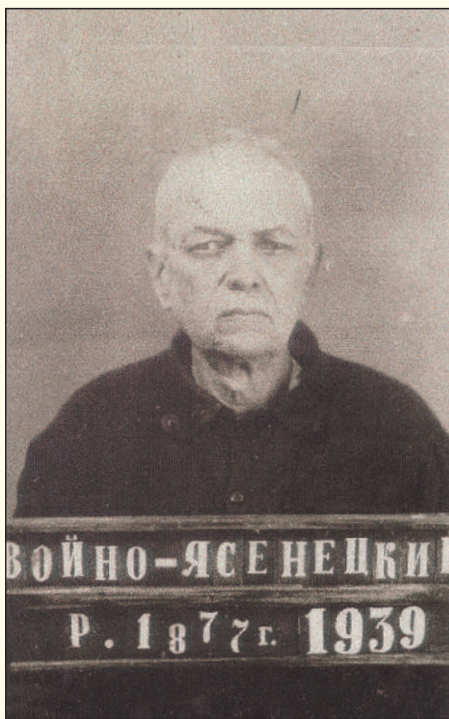
о тишине и покое буйные пациенты не обращали внимания. Обслуживающий персонал просто физически не мог справиться с ними.

«Скажите, поп и профессор, — продолжал Петерс. — Как это вы ночью молитесь, а днём людей режете?» «Я режу людей для их спасения, а во имя чего режете людей вы, гражданин общественный обвинитель?» — парировал тот. В зале раздались хохот и аплодисменты!

Петерс не сдавался: «Как это вы верите в Бога? Разве вы видели своего Бога?» «Бога я действительно не видел, гражданин общественный обвинитель. Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил!» «Дело врачей» с треском провалилось — через два месяца всех выпустили из тюрьмы.

АНГЛИЙСКИЙ ШПИОН

Разумеется, всё это не оставалось незамеченным властями. 2 июня 1923 года руководство НКВД Туркестана дало письменное указание № 1282/с работникам ГПУ начать постоянное скрытое наружное наблюдение за профессором. 10 июня он был арестован. «В 11 часов вечера — стук в наружную дверь, обыск и первый мой арест, — вспоминал он в автобиографии. — Я простился с детьми и в

Фотография из уголовного дела после ареста в 1939 году

первый раз вошёл в «чёрный ворон», как называли автомобиль ГПУ. Так положено было начало одиннадцати годам моих тюрем и ссылок».

2 июля уполномоченный секретного отдела Мартынов составил заключение по его делу, где были такие выводы: «Гр. Ясенецкий-Войно, пользуясь авторитетом среди малопросвещённого населе-

ния, в своих речах и обращениях к народу очень хитро настраивает последних против советской власти».

Его обвинили «в связях с оренбургскими казаками и в шпионаже в пользу англичан», которые он осуществлял якобы через турецкую границу. Подследственный пытался доказать, что не мог быть участником казачьего заговора и деятелем международного шпионажа одновременно хотя бы потому, что для одного человека это физически невозможно, к тому же всё это противоречит его убеждениям. Но его никто не слушал. «Заговорщика и шпиона» отправили в Москву, сначала в Бутырскую, а потом в Таганскую тюрьму. Перед этим в тюрьме ташкентского ГПУ он закончил свой труд «Очерки гнойной хирургии», который до сих пор считается шедевром руководства по хирургии и настольной книгой медиков.

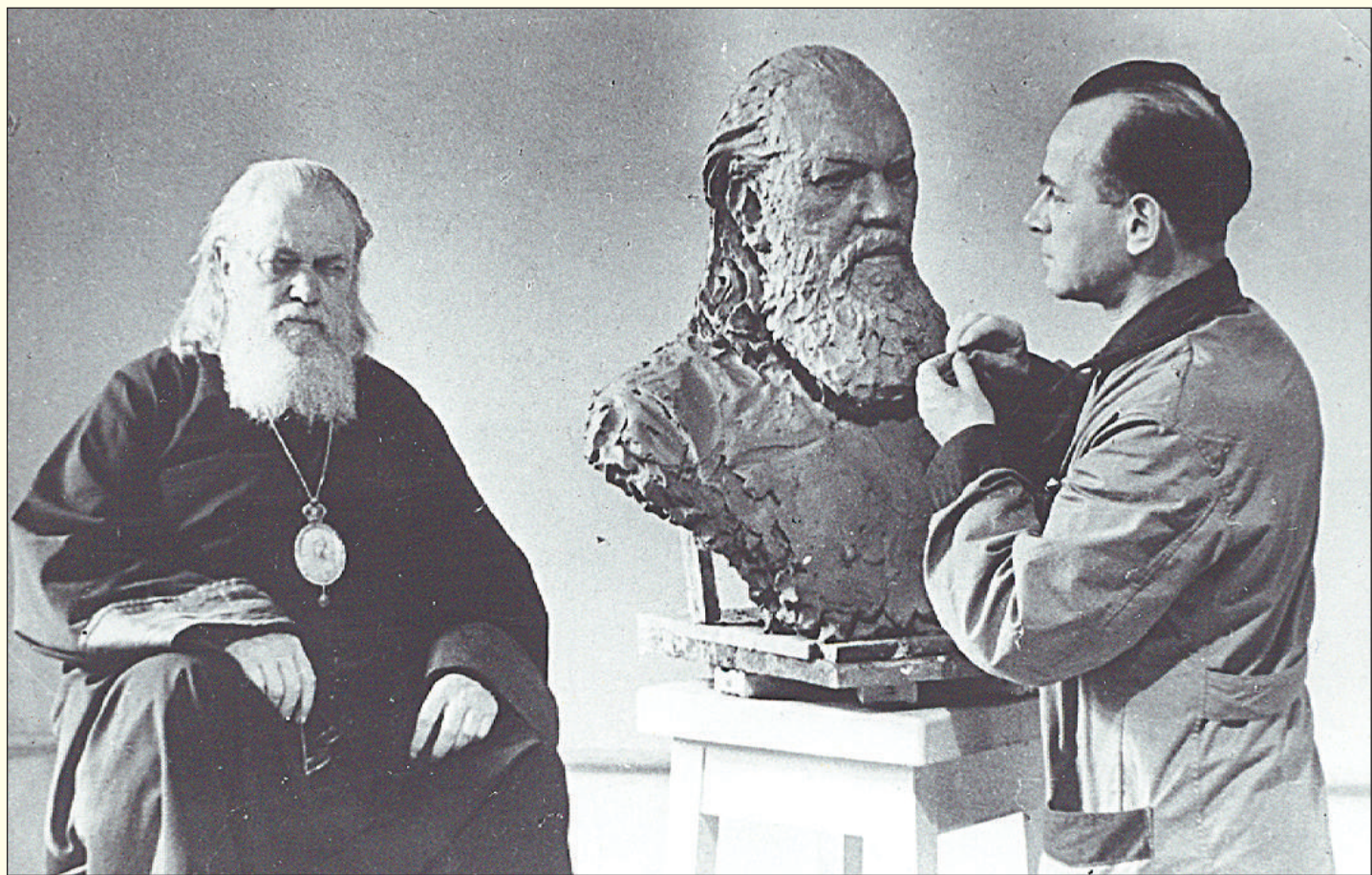
Войно-Ясенецкий вспоминал о своём отъезде из Ташкента: «Утром я занял место в вагоне. После первого, второго и третьего звонков и свистков паровоза поезд... не мог двинуться по той причине, что толпа народа легла на рельсы, желая удержать меня в Ташкенте, но, конечно, это было невозможно».

Находясь в уголовной камере Бутырки, профессор написал:

«Заведующему СОГПУ, гр. Тучкову от заключённого в Бутырской тюрьме (кор. 17, камера 79) епископа Луки (В. Ф. Ясенецкого-Войно)

Главный хирург эвакогоспиталя № 15-15 Войно-Ясенецкий с медперсоналом и ранеными

В мастерской скульптора Оленина, 1946

Заявление

Всю жизнь свою я работал при полном напряжении сил. Полное безделье в тюрьме очень для меня мучительно. Очень прошу Вас дать мне возможность лечить больных. Подпись. 14 июля 1923 г.».

24 октября 1923 года комиссия НКВД вынесла решение: «Выслать в Сибирь в Нарымский край сроком на 2 года». Валентин Феликсович вспоминал: «От Омска мы ехали до Новосибирска в «столыпинском» арестантском вагоне. В камеру, отведённую для меня и моих спутников – двух протоиереев, посадили, кроме нас, бандита, убившего восемь человек, и проститутку, уходившую по ночам на практику к нашим стражникам. Бандит... уверял меня, что никогда нигде меня не обидит никто из их преступной братии. Однако уже в Новосибирской тюрьме при мытье в бане у меня украли несколько сот рублей, а позже – чемодан с вещами».

В лютый мороз 18 января 1924 года ссыльные прибыли в Енисейск. «Мой приезд произвёл большую сенсацию, которая достигла апогея, когда я сделал экстракцию врождённой катаракты трём слепым мальчикам-братьям и сделал их зрячими... Ещё мне запомнился старик-тунгус, полуслепой от трахомы, которому я исправил заворот век пересадкой слезистой оболочки. Результат операции был так хорош, что он по-прежнему стреляет белок, попадая прямо в глаз. Мальчик, оперированный по поводу крайне запущенного остеомиелита бедра, пришёл ко мне здоровым».

Одновременно с врачебной практикой профессор начал служить в местном храме. Его популярность росла, православное население Енисейска перестало посещать «обновленческие» церкви – все старались попасть на его проповеди. Служение архиерея и хирурга были нераздельны в глазах народа, что рождало многочисленные легенды о его деятельности и... доносы.

19 августа 1924 года начальник ГПУ по Восточной Сибири товарищ Вольфрам шлёт телеграмму:

«СЕКРЕТНО. УГПУ Енисейск

Запретите Луке-Ясенецкому служить в храмах, поторопитесь с высылкой в Туруханск.

№ 121/111. 19 августа Вольфрам».

30 августа 1924 года баржа привезла ссыльного в Туруханск, где ему сразу же предложили работу в местной больнице. ...Однажды на приём пришла молодая женщина с больным ребёнком. Как обычно, перед осмотром Валентин Феликсович заполнял историю болезни. На вопрос, как зовут ребёнка, женщина ответила: «Атом». «Почему не назвали поленом или окном?» – спросил врач. Этот стал поводом для его нового ареста. Как потом выяснилось, женщина была женой председателя крайисполкома В. Бабкина, который сразу же написал донос в крайком РКП(б), где объяснял: «Имя моему сыну Атом мной дано в ознаменовании нашей переходной эпохи, за которую идёт отчаянная борьба нашей партии и всего пролетариата против всей реакционной, идеалистической, дуалистической и духа (божества) философских наук всего мира, которые затемняют солнце истины пролетариату. Возмущения Ясенецкого-Войно вполне понятны, но это не даёт ему права проводить пропаганду, больных высмеивать, возмущаться нашим стремлением к новому быту и незаметно проводить свою идею божества. Прошу крайком сделать выводы...»

7 декабря 1924 года туруханский чекист А. Стильве завёл уголовное дело № 5 и предъявил обвинение по трём статьям Уголовного кодекса – 73, 120 и 124: «Распространял в контрреволюционных целях ложные слухи, во время амбулаторных приёмов совершал религиозные обряды и обманные действия с целью возбуждения суеверия в массах...»

Профессор вспоминал: «Уполномоченный ГПУ объявил, что я должен не-

медленно уехать дальше из Туруханска и на сборы мне даётся полчаса. Я только спросил спокойно: куда же именно высылают меня? И получил раздражённый ответ: «На Ледовитый океан!»

Ссылка во время свирепой сибирской зимы – на открытых санях, за полторы тысячи вёрст, без тёплой одежды, была равносильна преднамеренному убийству. Местные чекисты хорошо это понимали. Вспоминая о непрерывном лютном ветре и глухом посёлке на три избы Плахино, где ему предстояло отбывать ссылку, Войно-Ясенецкий рассказывал: «На чердаке моей избы были развешены рыболовные сети с большими деревянными поплавками. Поплавки непрерывно стучали, и этот стук напоминал мне музыку Грига «Пляска мертвецов».

В начале марта 1925 года случилось невероятное для этих лет событие: жители

20-летних работ явилась книга «Очерки гнойной хирургии». Моя давнишняя мечта – создание специальной клиники гнойной хирургии. Такой клиники нет ещё нигде на Западе, и хорошо было бы, если бы она впервые возникла в СССР».

Обращение во все инстанции – от следователя ОГПУ до председателя правительства – было безрезультатным. Он не получил ни одного ответа. 27 ноября 1930 года в знак протеста против незаконного ареста он объявил сначала 40-дневную частичную (кроме чая), а затем и полную голодовку. На обвинительном заключении написал: «Виню себя не признаю!»

Начальник Секретного отдела ГПУ Берман с раздражением вынес резолюцию: «Срочно отправить к месту ссылки». 15 мая 1931 года на Особом совещании коллегии ГПУ постановили: «Выслать через ПП ГПУ в Северный край сроком на

Из протокола допроса Б.П. Шипулина от 28.10.37 г.:

«Вопрос: Когда вы познакомились с Войно-Ясенецким?

Ответ: С ним я познакомился скоро после моего приезда в Ташкент... Из ряда бесед мне стало ясно, что он непримиримый враг советской власти. Я рассказал ему, что по поручению Потатюева, действующего от имени английской разведки, я создал контрреволюционную церковно-монашескую организацию, изложил ему задачи этой организации и планы по созданию сети таких групп при церковных общинах. Этой беседой я преследовал цель вербовки Войно-Ясенецкого, причём был уверен, что если он не согласится вступить в нашу организацию, то, во всяком случае, не выдаст нас... В дальнейшем мне стало известно, что он является членом Всесоюзного контрреволюционного церковного центра, и он

Похороны архиепископа Луки. Симферополь, 11 июня 1961

Туруханска, разгневанные тем, что в местной больнице умер крестьянин, которому было некому оказать врачебную помощь, вооружились косами, вилами и топорами и угрожали развалить ГПУ и сельсовет. Испуганное туруханское начальство поспешило вернуть епископа-хирурга обратно. В 1926 году ссылка закончилась, профессор вернулся в Ташкент.

«СОУЧАСТНИК УБИЙСТВА»

А 23 апреля 1930 года он был арестован – на этот раз «за соучастие в убийстве» профессора Михайловского. Профессор-физиолог И. Михайловский, потеряв в 1924 году сына, заболел буйным помешательством. Он отказался хоронить сына, заявил, что воскресит его, и занялся опытами с переливанием крови. Покупал мёртвому одежду, обувь, сладости. Вскоре несчастный профессор застрелился. «Вина» Войно-Ясенецкого была только в том, что он выдал вдове справку: «Удостоверяю, что лично мне известный профессор Михайловский покончил жизнь самоубийством в состоянии несомненной душевной болезни. Д-р мед. Епископ Лука. 5.VIII. 1929».

Однако в Москве решили превратить это дело в политическое и антицерковное – якобы убила жена, а профессор-епископ её покрывал. На допросах Валентин Феликсович убедился, что на самом деле от него хотят только одного – отречения от священного сана. И отвечал: «Я хотел бы получить возможность работать по хирургии. Однако сана епископа я никогда не снимаю».

30 августа из тюремной больницы он пишет письмо главе советского правительства А. Рыкову: «Результатом моих

три года». До конца 1933 года ссыльный профессор оперировал в больницах Котласа и Архангельска.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕР И ОТРАВИТЕЛЬ

Книга «Очерки гнойной хирургии» вышла в свет осенью 1934 года, получила восхищённые отклики видных советских учёных и заняла особое место в медицинской литературе. В декабре 1936 года Наркомздрав утвердил профессора в учёной степени доктора медицинских наук. Казалось бы, всё встало на свои места и его оставили в покое. Однако...

23 июля 1937 года Валентин Феликсович вновь оказался в тюрьме. В это время по всей Средней Азии и Казахстану прошли аресты православных священников и верующих. Чекисты старались сфабриковать дело о контрреволюционной организации, стараясь захватить как можно больше имён. В Чимкенте у епископа Евгения (Кобранова) с помощью пыток и истязаний удалось выбить признание о существовании контрреволюционной организации из 22 человек. В их числе был назван Войно-Ясенецкий. Но этого оказалось мало. Архиепископ Борис (Шипулин), известный провокатор в среде священнослужителей, показал, что, кроме контрреволюционной деятельности, епископ Лука вёл шпионскую работу в пользу английской разведки. Провокатор И.А. Середа на допросах «честно» рассказал о подпольных собраниях и богослужениях, явках, методах обработки населения, дал характеристики членов подпольной контрреволюционной организации, в которую якобы входил и Лука.

фактически давал целый ряд установок по контрреволюционной работе...»

Кроме этого, чекисты пытались обвинить хирурга в «намеренном умерщвлении на операционном столе мужчин, женщин и детей».

За неделю с 28 октября по 4 ноября было арестовано ещё пятнадцать человек, чьи фамилии под пытками назвали Ляхоцкий, Кедров, Шипулин, Андреев и другие. Тем не менее Валентин Феликсович всё отрицал. Особенно его возмутили обвинения в «намеренном умерщвлении на операционном столе». В знак протеста 18 ноября 1937 года он написал в НКВД УзССР резкое заявление: «Следователями мне предъявлены тягчайшие и крайне позорные обвинения. Следствие ведётся односторонне – пристрастно в сторону обвинения. Я совершенно беззащитен, лишён всех прав и всякой цели жизни... я лишён семьи, свободы и чести...»

В тот же день была начата так называемая пытка конвейером – 13 суток допрашивающие чекисты сменяли друг друга, а Войно-Ясенецкому не давали спать ни днём, ни ночью. Били ногами, обливали холодной водой, сажали в карцер... Трижды в знак протеста он объявлял голодовку.

В его автобиографии есть такой эпизод: «Я голодал много дней и вскоре падал на пол от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации. То мне казалось, что по комнате бегают жёлтые цыплята, и я ловил их, то я ясно чувствовал, что под рубашкой на моей спине извиваются змеи. От меня неуклонно требовали признания в шпионаже, но в ответ я

только просил указать, в пользу какого государства я шпионил... Не видя конца этому допросу, я надумал напугать чекистов. Сказал, что подпишу всё, что они хотят, кроме разве покушения на убийство Сталина. Заявил о прекращении голодовки и просил прислать мне обед. Я предполагал перерезать себе нозем височную артерию. Для остановки кровотечения меня пришлось бы отвезти в больницу. Это вызвало бы большой скандал в Ташкенте... Когда принесли обед, я незаметно ошупал тупое лезвие столового ножа и убедился, что височной артерии перерезать им не удастся. Тогда я вскочил и, быстро отбежав на середину комнаты, начал пилить себе горло ножом. Чекист, как кошка, бросился на меня, вырвал нож и ударил кулаком в грудь. Меня отвели в другую комнату, где...меня уже ожидал начальник Секретного отдела, чтобы я подписал сочинённую им ложь о моём шпионаже. Я только посмеялся над этим требованием».

К тому времени других привлечённых по этому делу — М. Кармазина, М. Андреева, Б. Шипулина, Середу, Багрянского — уже расстреляли. Не добившись от профессора нужных признаний, чекисты приобрели к делу шесть ампул морфия, изъятых у подследственного дома: они якобы были нужны, чтобы убивать «при случае» политических деятелей и военачальников.

29 марта 1939 года Войно-Ясенецкому дали ознакомиться с материалами дела. Следователь постарался представить его убеждённым врагом советской власти, которому одна дорога — к стенке. Профессор написал дополнение к делу: «Все 20 лет советской власти я был всецело поглощён научной работой по хирургии и чистым служением церкви, очень далёким от всякой антисоветской агитации. Совершенно неприемлемо для меня только отношение советской власти к религии и церкви, но и здесь я далёк от активной враждебности».

13 февраля 1940 года особое совещание НКВД по его делу постановило: «За участие в антисоветской организации сослать в Красноярский край сроком на пять лет». Ни одну из четырёх статей Уголовного кодекса, каждой из которых было достаточно для расстрела, не утвердили.

ГЕРОЙ ВОЙНЫ И СТАЛИНСКИЙ ЛАУРЕАТ

В первые же дни войны ссыльный послал телеграмму на имя председателя Президиума Верховного Совета М.И. Калинина: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в посёлке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку».

Ответ из Москвы пришёл незамедлительно: его приказано было перевести в Красноярск и назначить главным хирургом эвакогоспиталя 15–15. Вскоре отношение властей улучшилось. «В Иркутске на межобластном совещании главных хирургов устроили настоящий триумф, — писал Валентин Феликсович сыну Михаилу. — Почёт мне большой: когда вхожу в собрания служащих или командиров, все встают». «Раненые офицеры и солдаты очень любили меня. Когда я обходил палаты по утрам, меня радостно приветствовали. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно салютовали мне высоко поднятыми прямыми ногами».

5 марта 1943 года он сообщил сыну о назначении архиепископом Краснояр-

ским. Власти не трогали его, считая, что это «политически необходимо». Срок сибирской ссылки официально закончился в июле 1942 года, но фактически продолжался до конца 1943-го. В 1944 году Войно-Ясенецкий переехал в Тамбов.

...В декабре 1945 года председатель Тамбовского облисполкома вручал архипастырю-хирургу медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Во время торжественной церемонии ему начали было петь дифирамбы, но он довольно резко их оборвал: «Я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть, и тысячам раненых и наверняка помог бы ещё многим, если бы вы не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле». Эти слова вызвали у присутствующих шок — на мгновение в президиуме и в зале повисла гробовая тишина. Придя в себя, председатель предложил прошлое забыть, а жить настоящим и будущим. На что был ответ: «Ну нет уж, извините, не забуду никогда!»

2 декабря 1946 года за научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений Совет Народных Комиссаров СССР наградил Валентина Феликсовича Сталинской премией первой степени с солидным денежным вознаграждением. Всю сумму он полностью пожертвовал сиротам и вдовам воинов, павших в Отечественной войне.

Последние 15 лет жизни профессор и епископ работал и служил в Симферопольской епархии. Из области, не тронутой войной, он отправился в послевоенный Крым, встретивший его развалинами и пепелищами, нищетой и голодом, а также образовавшимися за время немецкой оккупации сектами.

Больной, почти ослепший за 11 лет ссылки и тюрем, хирург-священнослужитель и здесь достойно нёс свой крест. Его смелые проповеди и поступки, которые будили опасения в крымском обкоме, — вызывали любовь и симпатию простых граждан. Тайком в его храм ходили студенты, учителя, инженеры, библиотекари, приезжали верующие и атеисты со всего Советского Союза. Медицину архиепископ Лука также не оставлял и иногда выступал с научными докладами на заседаниях Хирургического общества. В 1958 году он полностью ослеп, но продолжал управлять епархией и иногда принимать больных, поражая местных врачей безошибочными диагнозами. За 38 лет священства Войно-Ясенецкий произнёс 1250 проповедей, из которых не менее 750 были записаны и составили 12 толстых томов.

В это время в жизни русской церкви происходили новые трагические события. 1960 год начался в стране очередным витком гонений. Вышло постановление ЦК КПСС, в котором говорилось: «Руководители некоторых партийных организаций не дают должного отпора религиозной идеологии». В печати появилась серия антирелигиозных статей, брошюр и монографий.

...Валентина Войно-Ясенецкого похоронили на маленьком церковном кладбище при Всехсвятском храме Симферополя, куда потом ежедневно в течение 35 лет приезжали и приходили православные странники, больные, ищущие исцеления. 22 ноября 1995 года архиепископ Симферопольский и Крымский Лука был причислен к лику святых православной церкви. Его мощи в ночь с 17 на 18 марта 1996 года были перенесены в Свято-Троицкий кафедральный собор. В крестном ходе от могилы до кафедрального собора участвовало около 40 тысяч человек. Русская православная церковь установила день его памяти — 11 июня.

«СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА» ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

В отдалённых районах Сибири и Дальнего Востока, там, где нет нормальных больниц, людей по-прежнему в лучших традициях фронтовой медицины выручают санитарные поезда

Юрий АКУЛИЧ

Специально для «Совершенно секретно»

Железнодорожной медицине в России уже больше 172 лет. В новой России работают пять специализированных медицинских поездов: «Хирург Николай Пирогов», «Здоровье», «Терапевт Матвей Мудров», «Войно-Ясенецкий (Святитель Лука)», «Академик Фёдор Углов», которые обслуживают жителей 22 регионов. Они останавливаются на 250 станциях Севера, Сибири и Дальнего Востока. Корреспондент «Совершенно секретно» побывал в командировке вместе с врачами поезда «Войно-Ясенецкий (Святитель Лука)», которые на этот раз отправились на станцию Решоты, что на границе Красноярского края и Иркутской области.

Уже 9 лет по отдалённым и труднодоступным районам Красноярского края ходит медицинский поезд — передвижной консультативно-диагностический центр «Войно-Ясенецкий (Святитель Лука)». Для «полевой работы» «Святитель Лука» обеспечен всем необходимым оборудованием и медицинским персоналом из 40 человек. За год поезд совершает 10 поездок по 14 рабочих дней. Ежегодно для работы медицинского состава Красноярска железная дорога направляет 50 млн рублей.

Ежемесячно через кабинеты врачей поезда «Войно-Ясенецкий» в среднем проходят по полторы тысячи пациентов. Нагрузка на медицинский состав «Святителя Луки» выше, чем в обычных поликлиниках. По установленному плану за рабочий день, который длится с 8 часов утра до 6 вечера, каждый из врачей должен принять не менее 35 пациентов, но иногда приходится осматривать и по 40–50 человек.

Как и в любой поликлинике, к кабинетам врачей здесь выстраивается длинная очередь, но стоять пациентам приходится в узком проходе купейного вагона, где два человека вряд ли смогут взять и просто так разойтись в разные стороны. Разумеется, ни о каких лавочках-стульчиках не может идти и речи — по причине элементарного отсутствия места. Но это и не важно, люди не возмущаются. «Войно-Ясенецкий» — не санаторно-курортный экспресс, это передвижной диагностический центр с массой медицинского оборудования и полным составом врачей (в штате значатся терапевты, хирург, окулист, ЛОР, врачи УЗИ и многие другие). Выбрал из корзины

бахилы в тамбуре вагона — и вперёд, побыстрому, в регистратуру. А потом на приём, сидеть в крохотном кабинете на твёрдой кушетке — обычной купейной койке и отвечать на торопливые вопросы врача, который снова сегодня останется после шести вечера. Но люди заочно прощают поезду и медикам все неудобства и продолжают стойче ждать своей очереди.

«Мне здесь всё нравится, я сюда постоянно хожу с самого начала запуска поезда. Это удобнее: в больнице нас отправляют или в Ингаш, или вообще в Красноярск проходить обследование, а тут все врачи и оборудование есть, и никуда не надо ехать. В свою поликлинику почти не хожу, потому что жду поезда. В нашей больнице постоянно то врачей не хватает, то ещё какая беда. Оттого на поезду нас приходит очень много людей», — рассказывает жительница посёлка Нижняя Пойма Нижнеингашского района пенсионерка Татьяна Галиева.

БОЛЬНОГО ВЫВЕЗЛИ НА ВЕРТОЛЁТЕ

Решение стоять на станции Решоты, в посёлке Нижняя Пойма, два дня вместо изначально запланированного одного было принято «наверху», кураторами проекта, и в итоге оказалось абсолютно верным. Даже после шести вечера по вагонам то тут, то там спуют запоздалые местные жители, а кое-кто собирается прийти и завтра. Выясняется — за день врачи «Войно-Ясенецкого» обнаружили 5 онкологических больных. А это показатель, тем более с учётом численности населения посёлка в 8 тысяч человек (не все же пришли проверяться). «Район этот какой-то неблагополучный, что ли?» — задаётся вопросом главный врач поезда «Войно-Ясенецкий (Святитель Лука)» Екатерина Самсонюк.

В маленьком кабинете уролога не разворачивается. Екатерина сама же отвечает на поставленный вопрос. В посёлке нет ничего, что могло бы хоть как-то объяснить рост числа онкологических больных. Здесь нет вредных производств, а потому вывод один — район элементарно запущен. Местные жители предпочитают не ходить по больницам. Они ждут поезд, который приезжает в посёлок один раз в год. И осматриваются люди соответственно тоже раз в год. Теорию о «запущенности» косвенно подтверждает и врач-терапевт поезда Людмила Данилова.

«Я писала специальную работу, в которой анализировала заболеваемость по участкам. Северная линия (Новосибирск) — очень много заболеваний органов пищеварения. По моему мнению, это связа-

но с плохим качеством воды. Честно говоря, на остановках они и заправляют нас не очень хорошей водой, ржавой. Более южная линия, в стороне Ужура, – много заболеваний печени, поджелудочной железы. И снова виновата вода. Много желчекаменных больных. Много и урологических. Ветка Карабула – Чунояр – Поканаевка (та, на которой мы сейчас) – в первые годы бросалось в глаза большое количество онкологических больных. За поездку мне пришлось отправить в диспансер двух человек с подозрением на инфильтративный (клинический) туберкулёз», – рассказывает Людмила.

По словам терапевта, в посёлках и небольших городах увеличение количества онкобольных часто свидетельствует о негативных тенденциях в социуме. Да, возможно, в посёлке много курящих, имеет место влияние сильного перепада температур, но среди местных жителей врачам «поезда здоровья» уже встречались и больные ВИЧ, и наркоманы – звоночек, к которому стоит прислушаться.

К сожалению, знание подобной специфики конкретного района на практике врачам приносит не так много пользы, как хотелось бы. Работа в пути, как бы банально ни звучало, полна неожиданностей. В сложных случаях врачи иногда объединяются в группы, долго совещаются и, если диагноз неясен, прибегают к помощи коллег из Красноярск. Помогают врачам в этом видеоконференции со специалистами краевой клинической больницы. Но на все конференции не набегаешься и по любому поводу не по советуешься, а потому главное оружие врача – собственный опыт и знания.

Например, Людмила Данилова – терапевт, которая до работы на поезде 25 лет подряд лечила работников Красноярского комбайнового завода. Когда машиностроительный гигант, обеспечивающий весь край уборочной техникой, начал «хиреть», медсанчасть, в которой работала Людмила Ивановна, сократили. Применить свой опыт врач смогла в полной мере, когда устроилась на «поезд здоровья». Женщины уже девятый год колесит по краю, пропустив лишь три первые поездки.

«Народу вначале было очень много. Первые 3–4 года работы встречалось множество патологий. Туберкулёз, онкология. Но на первом месте всё же стояли заболевания сердечно-сосудистой системы, которые занимают примерно 70–75% от общего числа заболеваний. Затем – органы пищеварения. Особенность работы в поезде в том, что здесь всё непредсказуемо. Один – сердечник, другой – неясный. А с ним надо разобраться за один день, ведь вечером мы уезжаем. И тут подключаются другие врачи, вместе ставим диагноз», – поясняет Людмила Ивановна.

В практике Людмилы Ивановны встречались и по-настоящему экстренные случаи. Одному из пациентов выписали назначение на коронарную ангиографию (*диагностическая процедура, позволяющая оценить состояние сосудов.* – Ред.) в краевую клиническую больницу, но внезапно больному стало значительно хуже и на обследование он, разумеется, уже не мог приехать.

«Он вернулся на свою станцию. Обратился к нам. Проверили: нарастала сердечная недостаточность, были ухудшения на электрокардиограмме. Мы консультировались с краевой больницей в режиме видеоконференции, рекомендовали срочную госпитализацию. Они тут же подключили свою авиаслужбу и вывезли больного на вертолёте», – вспоминает Людмила Ивановна.

«50% пациентов, которых консультируем, приходят на следующий год, а у них состояние – или без изменений, или ещё хуже. Честно, я уже не могу слышать слово «Андипал» (спазмолитик). Ему уже 30 лет. Им никто не пользуется. Люди используют старые, неэффективные, зато недорогие лекарства, но никак не те, что я указываю в рецептах. Многие из них открыто мне говорят: «Сколько Бог дал,

Есть в медицинском поезде «Святитель Лука» и свой вагон-храм – это, наверное, единственное место в поезде, где можно свободно расправить плечи – места хватает. Вагон-храм Красноярской епархии в честь равноапостольной великой княгини Российской Ольги учредили в 2009 году. Люди, отстояв молебен, спешат на приём к врачу. Прихожан в храме бывает не меньше, чем у врачей

столько и проживём». Так что большинство пациентов предписания врачей благополучно пропускают мимо ушей», – рассказывает Людмила Данилова.

Как ни печально, но такое поведение вполне обычно для жителей села. Тому, кто привык трудиться на земле, некогда обращать внимание на собственное здоровье.

БОЛЬ С МОЛОКОМ

«В последнее время нам приходится выезжать в детские сады, когда к нам не идут. Там вместе с медсестрой мы осматриваем детей и приглашаем на поезд. Откровенно запущенных района два: Зелёное и Поканаевка. Там, где социально люди не устроены, где много пьяных, где нет работы – там запущенные дети. Приходят к нам одни и те же семьи, но лишь там, где фельдшер хорошо работает. Иногда фельдшеры сами собирают детей и приводят на поезд, а потом интересуются результатами обследований. Но, к сожалению, таких работников единицы. В таких местах пользы от нас мало», – рассказывает врач-педиатр «Святителя Луки» Нина Шишацкая.

Общий язык с малышами Нина Ивановна находит быстро, ведь свою жизнь она посвятила работе с детьми. После окончания Новосибирского мединститута переехала в Красноярск, где молодому специалисту дали квартиру. Работы по её профилю в городе не было, и потому ей пришлось лечить детей по-иному – заниматься с ними лечебной физкультурой. Затем – работа в Железнодорожной больнице Красноярск на протяжении 32 лет.

«У нас железная дорога от детей потихонечку освобождается – закрыли стационар, а потом детские поликлиники и отделения, таким образом, убрали всё «детство»: оно денег не приносит. Детскую поликлинику передали городу. Получилось, что первому детскому объе-

динению отдали все наши кадры, наши здания. А я перешла на поезд и вот уже девятый год катаюсь. Я пришла через три месяца после запуска проекта», – рассказывает свою историю Нина Ивановна.

Первые поездки вызвали лёгкий шок. Очень часто выявляли у ребятшек порок сердца. Скорей всего, это связано с недообследованностью. Хотя, как отмечают врачи, на сегодняшний день в сельских больницах стало больше эхокардиографии, и оттого запущенных случаев, когда ребёнок практически неоперабелен, уже нет. Но на практике случалось и так, что только обследованных крох приходилось спасать на месте. Чего стоит случай с бронхиальной астмой в приступном периоде. Ребёнку установили диагноз на месте, а потом дали сальбутамол, и приступы прекратились. И совсем уж из ряда вон выходящий случай произошёл в Лесосибирске. Девочку двух лет отроду пришлось в срочном порядке госпитализировать в краевую больницу.

«Ей всего два с половиной года, но развиты грудные железы и большой живот. Посмотрели – а там опухоль из яичников занимает всю брюшную полость. В краевой больнице её всё же смогли благополучно прооперировать», – рассказывает историю из своей практики Нина Ивановна.

Многие дети приходят к поезду вместе с родителями из года в год. Врачи констатируют: «Ребята выросли на наших глазах». И ещё хорошо, что папа с мамой их приводят. Однако и дисциплинированные родители не всегда правильно ухаживают за своим дитятей, если он мал. Иными словами, второй бич села, после пьянства и наплевательского отношения к себе, – отсутствие образования, которое особенно заметно среди женской части населения.

«Интересно, что в деревнях молодые мамы сейчас очень редко кормят грудью. Они почти сразу переводят ребёнка на коровье молоко. Программа, пропагандиру-

ющая грудное вскармливание, до них не дошла. В городе старались убедить матерей кормить грудью, и это стало нормой. В деревнях же после трёх месяцев часто переходят на кормление коровьим молоком, что совсем недопустимо. Коровье молоко до года мы запрещаем. Оно по своему составу грудничкам совершенно не подходит – там гораздо больше белка, чем в женском молоке (в котором есть все необходимое для роста и полноценного развития чада). На коровье молоко очень много аллергических реакций», – поясняет необходимость грудного вскармливания Нина Ивановна.

По результату у таких детей – целый набор алиментарно-зависимых заболеваний: гипертрофия, паратрофия, рахит. Развивается анемия, как правило, поскольку большое количество белка в коровьем молоке способствует повышенной проницаемости кишечной стенки, и дети теряют эритроциты (начинаются диапедезные кровотечения).

НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИТСЯ?

Последний день стоянки «поезда здоровья» в череде непрерывных двухнедельных обследований можно назвать расслабляющим – поток пациентов схлынул. Впереди – тонны бумажной работы, отчётность, но это потом...

Согласно графику ровно в 20 часов по местному времени «Святитель Лука» завершит свой маршрут, отправившись в Красноярск. Некоторые врачи стараются «сбежать» с работы на несколько часов пораньше, всё-таки две недели вне дома. Тем более далеко не все медики здесь красноярцы.

А спустя две недели «Войно-Ясенецкий» вновь отправится в путь по местам, где уже бывал не раз. Врачи встретят новых и уже знакомых пациентов, снова будут ставить диагнозы, давать советы, поражаться невниманию людей к своему здоровью...

Ничего не изменится. И в малых и полужабытых деревнях, где нет ни больниц, ни врачей, ни образования, ни работы, всё останется по-прежнему. Да и не воспитывать людей в сёлах каждый год приезжает «поезд здоровья», а всё-таки лечить.

Медики поезда, названного в память выдающегося хирурга и богослова святителя Луки, преследуют ту же цель, что и он: самоотверженно помогать людям в глубинке, и прежде всего тем, кому недоступна систематическая медицинская помощь. За годы своего существования медицинский поезд принял около 400 тысяч пациентов из Красноярского края.

Об авторе:

Акулич Юрий – В 2006 году окончил Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Работал в «Комсомольской правде-Красноярск» и на телеканале «Центр-Красноярск».

Фото автора

ТЕХНОЛОГИЮ ТЕЛЕМЕДИЦИНСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ ПОЗАИМСТВОВАЛИ У КОСМОНАВТОВ

В новой России первый медицинский поезд появился в 1993 году на Западно-Сибирской дороге и состоял из семи вагонов (переоборудованный вагон-буфет, который в рабочее время выполнял функцию регистратуры, жилой СВ, четыре консультативно-диагностических и флюоровагон). В народе он был назван «поездом здоровья». Сейчас в России, обслуживая сотрудииков компании РЖД и жителей 22 регионов, работают пять специализированных медицинских поездов: «Хирург Николай Пирогов», «Здоровье», «Терапевт Матвей Мудров», «Войно-Ясенецкий (Святитель Лука)», «Академик Фёдор Углов». Они останавливаются на 250 станциях Севера, Сибири и Дальнего Востока. Каждый поезд состоит из 8–10 вагонов и выезжает в рейс один раз в месяц. Поездка длится 12–15 дней. За год поезд преодолевает до 20 тысяч километров.

В день врачи могут принять до 150 пациентов, в год – до 20 тысяч человек. Поезда не предназначены для проведения операций и работы в местах аварий и техногенных катастроф – медики проводят первичный осмотр и диспансеризацию населения.

Вызов больных к врачу осуществляется по громкой связи. Рабочие места врачей объединены общей информационно-аналитической системой. А в особо сложных случаях врачи поезда проконсультируются со своими коллегами из дорожных больниц и столичных клиник – все передвижные центры оборудованы спутниковой системой связи. Технологию телемедицинских обследований железнодорожники позаимствовали у космонавтов. Видеоконференцсвязь осуществляется через спутниковые (самонаводящиеся и стационарные) и наземные каналы связи (оптоволоконная связь). В среднем за смену может проводиться четыре-пять видеоконсультаций.

Экономическая эффективность проекта складывается из многих факторов. На создание каждого передвижного консультативно-диагностического центра тратится до 170 миллионов рублей (стоимость реконструкции вагонов и медицинского оборудования). Ежегодное содержание центра обходится в 27 миллионов рублей. Перенимать опыт работы «поездов здоровья» приезжают в Россию из стран СНГ и Китая, Венесуэлы, Индии и ЮАР.

«ОТБЕРИТЕ ОРДЕН У НАСЕРА»

Как Хрущёв наградил египетского президента Насера Звездой Героя Советского Союза. Из воспоминаний Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в отставке Василия Колотуши

**Василий
КОЛОТУША**

Специально
«Совершенно секретно»

Н е знаю, как сейчас, но в дни моей молодости во многих рабочих кабинетах союзного МИДа на Смоленке висели большие самодельные плакаты, призванные «нацелить, взбодрить и вдохновить...» Иногда размещалось наставление Петра I о том, каким походным порядком российскому войску должно идти на турок для взятия крепости Азов: «...а лекарям, кухарям, толмачам и протчей обозной сволочи за последним колесом последней колесницы итти, дабы видом своим унылым грусть на войска не наводить». Плакатик сей был популярен в народе, поскольку многие из обитателей тогдашних мидовских кабинетов были в той или иной степени задействованы на переводах. То есть, выражаясь языком петровского времени, были толмачами. А другими словами Петра Первого – входили в категорию людей, именуемых «протчей обозной сволочью»...

Работая в системе МИДа, долгое время толмачил и я. Вступил на эту непростую и в высшей степени изнурительную стезю после окончания МГИМО и направления на работу в Египет в 1965 году, а в последний раз толмачил в 1995 году, уже будучи послом Российской Федерации в Марокко. Правда, в тот, последний раз, я взялся переводить совсем уж конфиденциальную беседу между Евгением Примаковым, в те годы – начальником Службы внешней разведки РФ, и тогдашним королём Марокко Хасаном II по поводу войны в Чечне. Было оговорено, что беседа, в силу её доверительности, должна проходить с минимальным числом участников, так что пришлось «тряхнуть старинной». Случай из моей служебной карьеры достаточно важный и интересный, но, если говорить честно, «не самый-самый». В моей работе бывали эпизоды более острые и эмоционально гораздо более насыщенные. Иногда в процессе приведения в порядок личных архивов на глаза попадаются некоторые памятные фотографии либо вырезки из газет, и тогда невольно говоришь сам себе: «Да... как же, помню, помню... было дело под Полтавой!» Правда, на географической карте места тех «дел», в которых мне довелось участвовать в роли толмача, назывались по-другому: Александрия, Каир, Дамаск, Хартум, Багдад, Бейрут, Амман, Сана, Аден, Рабат. Ну и, естественно, Москва. Из перечисления этих городов ясно, что моё переводческое прошлое было связано с Ближним Востоком и арабами, а в языковом плане – с арабским языком, к которому я начал приобщаться с 1959 года после поступления в МГИМО.

ТАСС

Никита Хрущёв прикрепляет к груди Гамаль Абделя Насера орден Ленина и Золотую звезду Героя Советского Союза. Переводчик – Юлий Султанов (наполовину закрыт фигурой Хрущёва). 12 мая 1964

КОВАРНОЕ «ОЖЕРЕЛЬЕ НИЛА»

Звёздным часом для того поколения наших «толмачей» стал официальный визит нашего тогдашнего лидера Никиты Хрущёва в Египет 9–25 мая 1964 года. В плане сближения между СССР и насеровским Египтом визит был «рубежным», определившим вектор развития советско-египетских связей на многие годы вперёд. Думается, что взлёт Насера как политика мирового масштаба стал возможным благодаря поддержке, оказанной ему со стороны советских руководителей. Но, в свою очередь, именно благодаря Насеру получили развитие сначала советско-египетские политические, экономические и военные связи, а потом аналогичные связи СССР со всем арабским миром. В востоковедческой литературе история формирования альянса между Москвой и Каиром освещена достаточно подробно, поэтому в рамках наших «Баек старого толмача» важно просто зафиксировать в памяти, что всё начиналось с поездки Н.С. Хрущёва в Египет в мае 1964 г.

Попробую рассказать об этом небывалом по продолжительности визите (более двух недель!), в ходе которого имели место официальные переговоры, митинги, торжественная церемония перекрытия русла Нила. Были также и посещения знаменитых пирамид и каирских музеев. А были ещё и острые споры, личностные конфликты, дипломатические «конфузы». Не уверен в том, нашли ли закули-

сные детали визита своё отражение в архивах нашего МИДа. Скорее всего, нет. Но участники тех событий делились своими воспоминаниями со своими друзьями и коллегами, в том числе со мной. Их рассказы были невероятно интересны и поучительны в плане понимания того, насколько сложной, нервной и неблагодарной может оказаться работа «толмача». Поистине бесценным стал рассказ моего большого друга и коллеги «по цеху» Павла Семёновича Аكوпова, который, в те дни ещё молодой работник советского посольства в Каире, был прикреплен к Хрущёву и все две недели визита неотлучно находился рядом с ним.

Итак, Никита Сергеевич вместе с многочисленной советской делегацией отбыл из Ялты в Александрию на борту теплохода «Армения» 6 мая 1964 года. В числе сопровождающих были зять нашего вождя – главный редактор газеты «Известия» А.И. Аджубей, министр иностранных дел А.А. Громыко, А.А. Гречко – на тот момент первый заместитель министра обороны СССР, министр энергетики СССР П.С. Непорожний, председатель ГКЭС (Госкомитета СССР по внешним экономическим связям) С.А. Скачков, главный редактор газеты «Правда» П.А. Сатюков.

Ввиду очевидной значимости для советско-арабских отношений данного визита Хрущёва в Каир были вызваны лучшие на тот момент наши переводчи-

ки-арабисты – Юлий Султанов (из Бейрута), Анатолий Чернышов (из Дамаска), Олег Ковтунович (кажется, из Москвы). Вместе с делегацией на борту «Армении» прибыл Владимир Красновский (для обеспечения письменных переводов). На месте в бригаду переводчиков был включён Сергей Аракелян, который, помнится, работал тогда в должности вице-консула в Асуане и владел технической терминологией по части плотины.

9 мая после торжественной встречи в морском порту гости и члены египетского руководства на поезде выехали в Каир. На следующий день состоялись официальные переговоры, по завершении которых Гамаль Абдель Насер устроил торжественный обед в здании клуба офицеров в Замалеке. На обеде Насер произнёс приветственную речь в честь гостя и объявил о награждении Хрущёва высшим египетским орденом – «Ожерелье Нила», которого удостоиваются главы государств (хотя Хрущёв на тот момент формально главой государства не был). Вручение ордена было импровизацией Насера и программой визита это не предусматривалось.

По возвращении в отведённую ему резиденцию – дворец Аль-Кубба, Хрущёв собрал у себя «профильных» членов делегации, и, высказав своё недовольство политико-дипломатическим сюрпризом, спросил: «И что теперь будем делать? Надо же как-то ответить! Но чем?» Первым высказался Алексей Аджубей, который сказал, что мы, мол, в прошлом

Вручение Никите Хрущёву ордена «Ожерелье Нила». Переводчик — Олег Ковтунович (в центре, между Насером и Хрущёвым). Справа, с блокнотом — Алексей Аджубей. 10 мая 1964

году присвоили звание Героя Советского Союза алжирскому лидеру Ахмеду Бен Белле. А чем Насер хуже его? Остальные участники мысль Аджубея одобрили. Тогда Хрущёв вдруг задал вопрос: «А как же Амер? Если не наградить и его, то он обидится!» (Абдель Хакима Амера Хрущёву представили как ближайшего соратника и помощника Насера, в некотором смысле второго «я» египетского президента).

По итогам совещания Аджубей и Сатюков составили от имени Хрущёва шифртелеграмму в Москву на имя секретаря Президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе с предложением оформить указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении Насера и Амера орденами Ленина и медалями Героя Советского Союза и срочно доставить награды в Каир. В последующий день никакой реакции из Москвы не последовало. Хрущёв занервничал, чувствуя пассивное сопротивление его предложению в Москве, и к вечеру второго дня распорядился написать ещё одну телеграмму, но в более энергичном ключе. Только после этого в Каир прибыл Михаил Георгадзе с двумя комплектами наград, и вечером 12 мая Никита Хрущёв в торжественной обстановке прикрепил ордена Ленина и Золотые звёзды Героев СССР на грудь Гамалю Абделю Насеру и Абделю Хакиму Амеру.

«ШЕЙХИ... ИЗ КУВЕЙТА»

Серьёзный «конфуз» произошёл у Никиты Сергеевича на встрече с египетскими рабочими — активистами в Доме профсоюзов в Каире. В контексте выражения нашей поддержки курсу Насера на проведение в стране широких социальных реформ Хрущёв отошёл от за-

готовленного текста и заявил примерно следующее: «Вот вы здесь проводите прогрессивные социально-экономические преобразования в интересах трудящихся, а в реакционных монархических странах эти короли, эти шейхи присваивают доходы от нефтяных богатств себе. Вот как в этом... Как он называется? В Кувейте...»

Переводить это выступление выпало Сергею Аракеляну. Он и перевёл слова Никиты Сергеевича. После завершения мероприятия в свите Хрущёва поднялась суета: СССР тогда только искал пути к налаживанию отношений с арабскими странами Залива, и первым государством, согласившимся установить дипломатические отношения с нами, был именно Кувейт (скорее всего, именно по этой причине у Хрущёва из памяти и всплыло название этого государства). Так что выпад Хрущёва был совершенно неуместным и грозил скомпрометировать все наши дипломатические заходы в отношении нефтяных монархий Залива.

По возвращении в резиденцию Хрущёва спешно собрались на совещание Громыко, Аджубей, Сатюков, а также посол Египта в Москве Мурад Галеб. Стали обсуждать, как поступить? Аджубей предложил свалить всю вину на переводчика. Типа: «Он, переводчик, неправильно понял Никиту Сергеевича и понёс отсебятину. Давайте все это вымараем и забудем». Посол Галеб на это возразил: «Так не получится — речь Хрущёва транслировалась по радио на весь мир!...» После споров Громыко изрёк: «Главное — чтобы этот пассаж не попал в газеты, в официальный текст речи Н.С.». На том и порешили. Переводчик Аракелян в те минуты стоял рядом и, как он потом мне признался, в бессилии сжимал кулаки...

А на следующий день в Кувейте прошли демонстрации протеста против заявления Хрущёва, которое было сочтено недружественным. Но, слава Богу, кувейтские руководители оказались мудрыми и дальновидными и в своей реакции дальше этих демонстраций не пошли.

«ПУСТЬ ВЫСТАВИТ ЗА ЭТО БУТЫЛКУ!»

По завершении официальных мероприятий в Каире советская делегация и члены египетского руководства вылетели в Асуан, куда ранее прибыл ряд арабских лидеров, приглашённых на торжественную церемонию перекрытия русла Нила. От Алжира в торжествах участвовал Ахмед Бен Белла («любимец Хрущёва», Герой Советского Союза с марта 1963 г.), от Северного Йемена — Абдалла ас-Салляль, от Ирака — Абдель Салам Ареф.

Кажется, именно в Асуане Никита Сергеевич огрызнулся по поводу тогдашнего иракского лидера Абдель Салама Арефа репликой, которая долго гуляла в кругу арабистов-ближневосточников. Пересказываю её со слов Павла Аконова, который, позволю себе напомнить, по долгу службы неотлучно находился при персоне нашего лидера и был свидетелем всех главных событий тех дней.

Ареф пришёл к власти в Ираке 8 февраля 1963 года в результате кровопролитного переворота, жертвами которого стали не только тогдашний диктатор Ирака Абдель Керим Касем, но и десятки тысяч членов иракской Компартии. Кстати, память о них, иракских коммунистах, погибших в результате кровавых расправ, сохранена в названии одной из улиц Москвы — улицы Салама Адилы, генерального секретаря ЦК иракской Компартии, замученного в те дни.

Никите Хрущёву иракский лидер был крайне антипатичен. Он как-то вдруг заметил, что Ареф на публичных мероприятиях крутится вокруг него, стараясь держаться как можно ближе. Явно с намерением попасть вместе в кадр фотографов. Н.С. резко помрачнел, подозвал к себе прикрепленного к нему по линии посольства порученца, то бишь Аконова, и сказал: «Передай Насеру: что это он всё время подсовывает мне этого иракца?» Недовольство Хрущёва было передано Амеру, который был египетским «опекуном» Хрущёва на время визита. Тот ответил откровенно: «Насер хочет помирить их». Реакция Никиты была скорой и лаконичной: «Я с ним на одном гектаре ... не сяду, не то, чтобы изображать дружбу»!

Отношение нашего вождя к иракскому лидеру проявилось ещё раз в речи Хрущёва на торжественном многотысячном митинге после перекрытия русла Нила. По традиции Хрущёв предварил свою речь приветствиями в адрес руководителей Египта и присутствовавших на митинге других арабских лидеров. Но при этом не назвал Арефа. Переводил Сергей Аракелян, у которого на руках был утверждённый текст выступления Хрущёва. Соответственно, Сергей счел, что Н.С. просто проскочил строку и не упомянул об иракском лидере просто случайно. И потому Аракелян при переводе назвал и имя Абдель Салама Арефа. На беду Сергея, маршал Гречко, входивший в состав делегации, держал при себе своего личного переводчика, который, судя по всему, и обратил внимание нашего маршала на «вольность» Аракеляна. И Гречко «разбушевался»: «Это, мол, не просто небрежность при переводе, это — политическая безответственность, если не сказать больше!». Гречко требовал наказать Аракеляна самым суровым образом и для начала — вообще отстранить от переводов.

Из Асуана делегация перелетела вновь в Александрию, где Хрущёва и сопровождавших его лиц разместили в бывшем дворце последних египетских королей — Рас-эт-Тин. Свидетель последующих событий — уже упоминавшийся Павел Аков, рассказывал мне:

— Закончив размещение Никиты Сергеевича и Нины Петровны, я спустился в комнату переводчиков и застал Аракеляна, Ковтуновича, Султанова и Чернышова. Все они были усталые, деморализованные, в подавленном состоянии. Все ждали, что вот-вот будут сделаны «оргвыводы» насчёт Аракеляна, а потом наступит и их черёд... Я вновь поднялся наверх, на второй этаж, — продолжал Павел Аков, — и увидел Хрущёва, вышедшего из отведённых ему покоев и разглядывавшего каллиграфические надписи — арабески, которыми были орнаментированы стены холла (кстати, эти надписи очень сложны для понимания неспециалистами. — Прим. авт.). Никита Сергеевич, человек любознательный, подозвал меня и попросил перевести арабески на русский язык. Я начал кое-как излагать общий смысл написанного и вдруг увидел поднимающегося к нам Сергея Аракеляна. От радости у меня подпрыгнуло сердце, и я сказал:

— Никита Сергеевич, вот он знает язык лучше меня, он и переведёт! Сергей чётко, уверенно, с апломбом пересказал Хрущёву смысл коранических изречений, запечатлённых на стенах холла, а потом мы с Хрущёвым вышли в сад, где росли всякие экзотические цветы, кустарники и деревья. Хрущёв останавливался у каждого из них, расспрашивал, что это такое. Аракелян тут же, «с ходу» давал нужные и понятные пояснения (кто ж его проверит?). Так что под конец прогулки Хрущёв сделал переводчику

«Думаю, что увиденное и услышанное в ходе того визита стало одной из причин, по которой Андрей Громыко присоединился к антихрущёвскому заговору»

комплимент: «Откуда вы так хорошо знаете язык и всё, что связано с Египтом?»

Я решил воспользоваться моментом – рассказывал мне далее Павел Акопов, – и сказал, что, мол, маршал Гречко хочет отдать его под суд за такой-то эпизод при переводе вашего выступления в Асуане. Н.С. выслушал, потом попросил разыскать Аджубей и прислать его к нему. Аджубей заглянул к Хрущёву, потом направился к Гречко. А позже мы случайно пересеклись с маршалом, и он сказал мне: «Иди к Аракеляну и передай, что вопрос закрыт. Да, вот ещё что – пусть выставит за это бутылку!»

ВЫВОДЫ МИНИСТРА ГРОМЫКО

Далее по программе визита предусматривался отдых, то есть прогулка на борту яхты «Аль-Хуррия» от Александрии до Порт-Саида, затем проход по Суэцкому каналу с выходом в Красное море для морской рыбалки. Мытарства переводчиков продолжались и на этом этапе.

Надо сказать, что Никита Хрущёв абсолютно не понимал трудностей этого ремесла. Похоже, что он относился к толмачам так же, как и Пётр Первый, то есть считал их «протчей обозной сволочью». Он, к примеру, не понимал или не хотел понять, что некоторые идиомы в русском языке не имеют смысловых эквивалентов в языках иностранных и щеголять ими не имеет смысла. В тот визит, о котором идёт речь, Хрущёв такими пословицами-поговорками явно злоупотреблял. Замотанные, измученные толмачи просто проклинали те экспромты Никиты Сергеевича. Тут дай бог перевести аккуратно и правильно обычный, нормальный разговор, а Хрущёв выдает очередной перл – «Баба с возу – кобыле легче!». Или – «Со свиным рылом – да в калашный ряд!».

В ходе общения на борту яхты в Суэцком заливе, где, как предполагалось, участники прогулки должны были отдохнуть за умиротворяющим ужением рыбы, споры и дискуссии продолжались. Спорили по поводу модного в те времена лозунга арабского единства. Об идеологии арабского национализма. О роли ислама и религии вообще. Рыбалка была забыта. Хрущёв рассказал назидательную, как ему казалось, историю про одного попа, который убил свою любовницу, а её тело расчленил и спрятал. Арабские слушатели связи между религией и данным преступлением не поняли. Насер мягко возразил: «Видимо, религия здесь ни при чём. Бывают хорошие и плохие священники. Возможно, что и некоторые коммунисты совершают преступления...» Как же обиделся на эти слова наш Никита Сергеевич! Ответ его был сочным и совершенно далёким от дипломатии: «Ну, своё гов... малиной пахнет!» Переводили на той самой «рыбалке» Сергей Аракелян и Олег Ковтунович. Когда Аракелян рассказывал мне об этом эпизоде, я ему сочувствовал...

Эскапады Хрущёва коробили не только переводчиков. Владимир Красновский говорил мне, что в такие моменты очень неуютно чувствовал себя наш министр иностранных дел Андрей Громыко. В пререкания с «хозяйном» он не вступал, сидел как бы с отсутствующим видом, но и не поддакивал. Зато во всю старался Алексей Аджубей, взявший на себя роль второго лица в делегации. Думаю, что увиденное и услышанное в ходе того визита стало одной из причин, по которой А. А. Громыко присоединился к антихрущёвскому заговору.

«НО ДАВАТЬ ГЕРОЯ – ЭТО БРОСЬ»

Повторюсь, тот визит Никиты Хрущёва в Египет был важен и нужен для нашей страны с точки зрения её прорыва на Ближний Восток. Но он имел и оборотную сторону. Например, волюнтаризм нашего тогдашнего лидера оставил горький осадок в эпизоде с награждением Насера и Амера орденами Ленина и Звёздами Героев Советского Союза.

Помню выражение чувств изумления и оторопи у тех ливанцев, с которыми я контактировал в Ливане. В основном это были коммунисты, которые не забыли, как в период сирийско-египетского единства сирийские, а скорее всего, египетские спецслужбы арестовали и замучили до смерти тогдашнего лидера ливанской компартии Фараджаллу Хелу. Причём после его физической смерти тело опустили в ванну с серной кислотой, растворили, а раствор вывезли в пустыню и вылили.

Позже, уже работая в Каире, я также общался с одним из представителей местных левых, который в момент вручения Насеру ордена Ленина сидел за свои прокоммунистические убеждения в известном своим жестоким режимом концлагере в Абу-Заабале. На свободу он вышел только в 1965 году больным, худым до костей, с напрочь испорченным желудком. Ахмед Таха тоже говорил, что сидевшие в лагере долго отказывались верить, что такое могло случиться.

Насколько я понимаю, однозначно негативно та импровизация Хрущёва была встречена и в нашей стране. Очень выразительно по этому поводу высказался наш любимый бард – Владимир Высоцкий:

*Потеряли истинную веру,
Больно мне за наш СССР.
Отберите орден у Насера,
Не подходит к ордену Насер.*

*Можно даже крыть с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насера нашим братом,
Но давать Героя – это брось.*

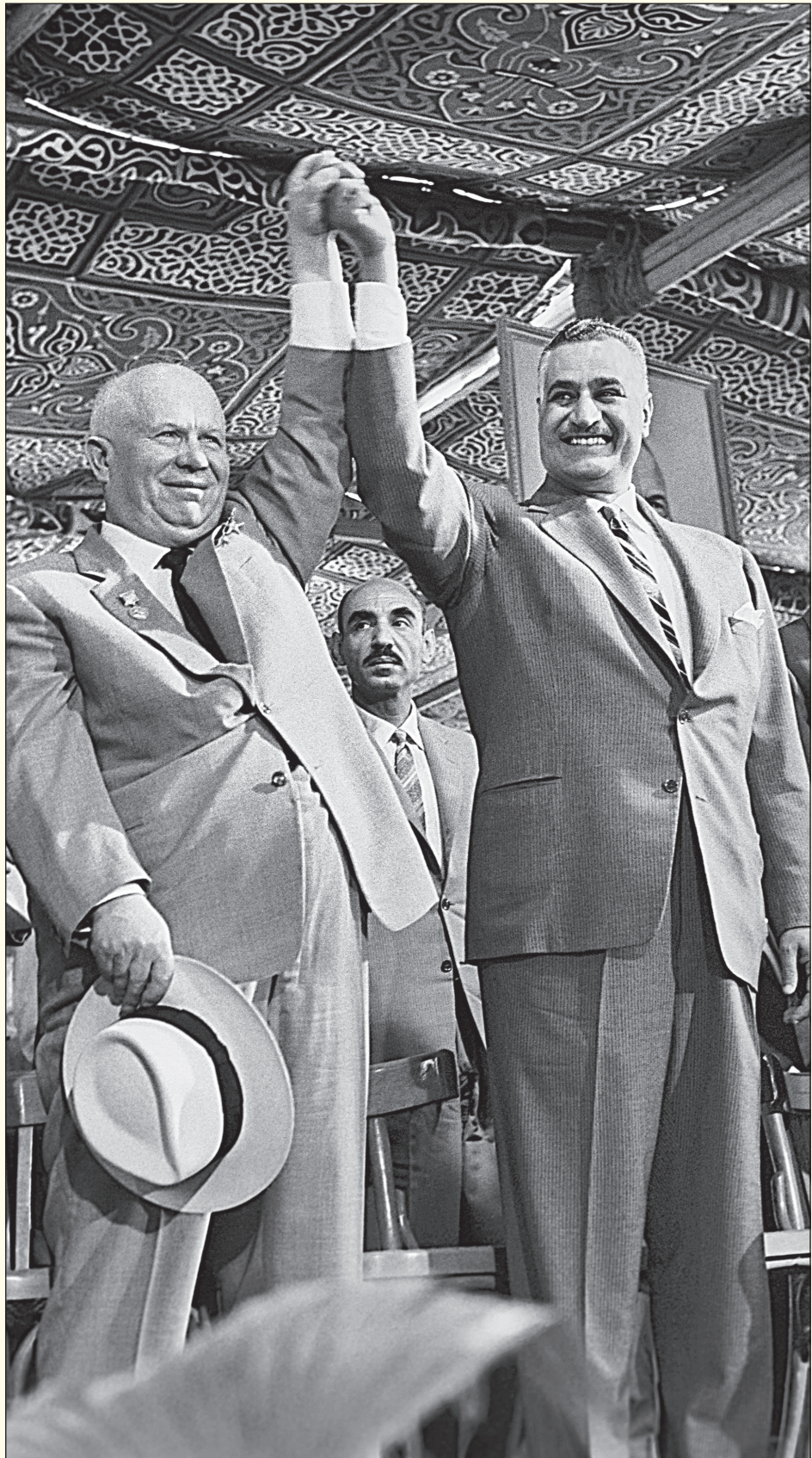
*А почему нет золота в стране?
Раздалили, просто раздалили,
Лучше бы давали на войне,
А насеры после б нас простили.*

Оглядываясь на эпизод с награждением Насера и Амера орденами Ленина и золотыми звёздами Героя Советского Союза и на последующие события, произошедшие в СССР осенью 1964 года, напрашивается вопрос: не явилось ли спонтанное решение Хрущёва если не «последней соломинкой, которая переломила спину верблюду», то во всяком случае катализатором оппозиционных по отношению к Хрущёву настроений в тогдашнем руководстве СССР. Например, каким могло быть отношение председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Брежнева, в годы войны начальника политотдела 18-й армии, воевавшей под Новороссийском. Уж он-то знал цену таким наградам и таким званиям, и совершенно очевидно, что вручение таких наград совершенно неизвестному в СССР египетскому маршалу Амеру в глазах Брежнева выглядело как оскорбление памяти ветеранов Великой Отечественной.

Об авторе:

Колотуша Василий Иванович – советский, российский дипломат. С 22 апреля 1986 по 14 сентября 1990 года занимал пост Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Ливане. С 16 декабря 1992 по 31 декабря 1999 года был Чрезвычайным и Полномочным Послом России в Марокко.

ТАСС

Никита Хрущёв и Гамаль Абдель Насер

ТАСС

Торжественная церемония перекрытия русла Нила. На пульт с кнопкой, передавшей команду на подрыв перемычки обводного канала, одновременно нажали Насер, Хрущёв, тогдашний лидер баасистского режима в Ираке Абдель Салам Ареф, президент Северного Йемена Абдалла ас-Салляль и глава Временного правительства Алжирской Республики Ахмед Бен Белла (не вошёл в кадр). За спинами Насера и Хрущёва – переводчик А. И. Чернышов. 13 мая 1964

НЕ В ДЕНЬГАХ СЧАСТЬЕ

На какие средства жили советские вожди

Этот банкет в Голливуде Хрущёву оплачивали американцы

**Алексей
БОГОМОЛОВ**

«Совершенно секретно»

Сейчас очень модно считать чужие деньги. Искать офшорные счета, неучтенные доходы, сравнивать декларации, отыскивать бенефициаров и пр. В советские времена все обстояло гораздо проще. Понятие «государственное обеспечение» предусматривало коммунизм в отношении той или иной отдельно взятой семьи. Формальная заработная плата существовала, но определяющей роли она никогда не играла. Сегодня мы рассказываем о том, на какие средства существовали Ленин, Сталин, Брежнев и другие руководители СССР, как они относились к деньгам и кто оплачивал их наличные траты.

ЛЕНИНИЗМ БЫЛ ОСНОВАН ОБЫЧНЫМ РАНТЬЕ

Когда историки и публицисты пытаются рассуждать о чём-либо, что касается личности Владимира Ильича Ленина, черт его характера, привычек, привязанностей, имущественного и материального положения, то они наталкиваются на множество препятствий, возведённых в советскую эпоху. Начиная со второй половины двадцатых годов все воспоминания и статьи об Ильиче тщательно фильтровались, а в тридцатые-пятидесятые годы произошла практически полная стерилизация его образа. Напомню читателям, что при обыс-

ках соратников Ленина, старых большевиков, сотрудники НКВД первым делом искали и изымали оружие и документы, написанные рукой Владимира Ульянова или подписанные им собственноручно. И делалось это отнюдь не для того, чтобы потом сдать всю добычу в архив. Часть писем, записок и проектов документов была просто-напросто уничтожена. Другие ленинские материалы оказывались на секретном хранении в архиве, причём часть из них пребывает в этом статусе до сих пор. Поэтому все данные, касающиеся благосостояния Ленина и его родных, носят фрагментарный характер и не всегда претендуют на абсолютную точность.

Тем не менее можно считать, что Володя Ульянов происходил из довольно состоятельной семьи. До смерти его отца Ильи Николаевича основным доходом были жалование и пенсия (в конце XIX века пенсию по выслуге лет у работающих чиновников не ограничивали). Поскольку был он действительным статским советником, что соответствовало военному чину генерал-майора, морскому — контр-адмирала, а придворному — камергера, то жалование было вполне достаточным, и не только для того, чтобы содержать большую семью и прислугу, но и чтобы делать определённые накопления. Основное жалование отца семейства составляло порядка 350 рублей в месяц. К нему по достижении 25-летней выслуги лет добавлялась пенсия в 1000 рублей в год. В общем, с 1880 по 1886 год Илья Николаевич получал чуть больше 430 рублей в месяц. Если учесть, что корова в Симбирске в те годы стоила 15–20 рублей, меховая

шуба — 50, сапоги с галошами — 15 рублей, самовар — около 10 рублей (это все были предметы роскоши), то понятно, что семья жила в достатке.

После смерти главы Ильи Николаевича в начале 1886 года почти все члены его семьи не только стали потомственными дворянами, но и получили возможность получать за него деньги. 20 апреля 1886 г. М.А. Ульяновой была назначена пенсия. В предписании Симбирской казённой палаты губернскому казначейству указывалось: «Производить установленным порядком пенсию вдове умершего на службе, бывшего директора народных училищ Симбирской губернии действительного статского советника Ульянова Марии Ульяновой из оклада 600 рублей в год и несовершеннолетним детям, родившимся: Владимиру, 10 апреля 1870, Дмитрию 7 августа 1874, Ольге 4 ноября 1871 и Марии 6 февраля 1878, из оклада шестисот рублей в год... всему семейству по одной тысяче двести рублей в год». Несложные подсчёты показывают, что в 1886 году общий доход семьи, который она получала от государства, был чуть больше 400 рублей в месяц.

Владимир Ильич формально получал пенсию за отца до 1891 года, то есть до совершеннолетия. Но доходы семейства не ограничивались этими деньгами. Существовала постоянная рента от имевшегося в собственности имущества, имения Кокушкино, имения в Алакаевке (до 1899 года), проценты от положенных в банк денег от продажи дома в Симбирске и пр. Так что работой для того, чтобы получить средства к существованию, вопреки распространённому в советские времена мнению, Ленин себя не утруждал. Мать, которая держала в

руках все нити управления семейным бизнесом, поддерживала его и в ссылке, и в эмиграции, причём продолжалось это до 1916 года, когда она умерла.

Собственные заработки в качестве помощника присяжного поверенного и помощника адвоката в 1892–1893 годах особого значения для Ильича не имели, тем более что были невелики. Первые «партийные» средства Ленин начал получать уже в новом веке, когда отправился в эмиграцию. К тому, что ему присылала мать, добавлялись ещё непостоянные 50–70 рублей в месяц. Кое-что платили ему и издатели. Например, за книгу «Развитие капитализма в России» он получил 120 рублей. Несколько тысяч рублей принесло и наследство, полученное женой Ленина Надеждой Крупской. Правда, почти половина этой суммы ушла на то, чтобы прооперировать её по поводу базедовой болезни. Но в общем, и в Швейцарии, и во Франции, и в Германии, и в Италии, и в Англии рантье-революционер и его семья чувствовали себя вполне материально защищёнными.

Самый трудный период у Ленина был в 1916 году, когда управление семейными активами перешло к старшей сестре Анне Ильиничне. В связи с войной доходы резко упали, так что нужно было подумывать о новых способах заработка. И они пришли вместе с Октябрьской революцией 1917 года, в которой Ленин, хотя и не играл определяющей роли, но всё же принимал участие. Госбанк не давал денег новой власти почти три недели, но 17 ноября секретарь Совнаркома Н.П. Горбунов по доверенности Ленина получил первые 5 миллионов рублей в счёт 25-миллионного аванса. «Получив задание от Ленина, — вспоминал Н. П. Горбунов, — мы вдвоём с тов. Осинским (Оболенским В.В.) на автомобиле поехали в Госбанк... Мы производили приёмку денег на счётном столе под взведёнными курками солдат военной охраны банка. Был довольно рискованный момент, но всё сошло благополучно. Затруднение вышло с мешками для денег. Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров, наконец, одолжил пару каких-то старых больших мешков. Мы набили их деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль...»

О заработной плате председателя Совнаркома товарища Ульянова-Ленина можно говорить только относительно, поскольку денежные номиналы менялись стремительно. Например, 18 ноября 1917 года ему было назначено жалование в 500 рублей в месяц (это зарплата рабочего-железнодорожника высшего разряда). 17 сентября 1920 г. в анкете по регистрации членов Московской организации РКП(б) Ленин сообщал, что получает 13 500 рублей. А в феврале 1922 года жалование достигло уже 4 700 000 рублей. Но, повторяю, цифры эти относительные, поскольку в нашей стране в то время был так называемый военный коммунизм. И это не только продрозвёрстка, продналог и введение трудовой повинности. Была отменена плата за жильё, коммунальные услуги, за пользование большинством видов транспорта, а главной ценностью становился так называемый классовый продовольственный паёк, который предусматривал распределение продуктов по четырём категориям от первой (работающие в особо тяжёлых условиях, беременные и кормящие женщины) до четвёртой (лица, имеющие доходы от наёмного труда).

А в 1922–1923 годах, когда Ленин уже тяжело болел, личные финансовые вопросы, скорее всего, его не волновали. Так он и прожил свою жизнь, будучи сначала на иждивении отца, потом рантье, а в конце жизни чиновником высшего ранга...

Сразу после смерти Владимира Ильича Гознаком был объявлен конкурс на создание его портрета, который должен был размещаться на новых советских деньгах. Победил в нем художник Альфред Эбер-

линг, подписавший следующий договор: «Настоящим я, нижеподписавшийся, художник Альфред Рудольфович Эберлинг, беру на себя обязательства исполнить для Управления фабрик Заготовления Государственных Знаков портрет В.И. Ульянова-Ленина, согласно словесным указаниям тов. Енукидзе (управляющий фабрик «Гознак»), размером не меньше натуральной величины, способом, который признаю наиболее целесообразным, за сумму 500 рублей золотом».

Но сами изображения Ильича появились только на советских червонцах образца 1937 года, а потом благополучно перекочевали на деньги 1947-го. А затем появился уже памятный большинству наших читателей «скульптурный» портрет Ленина и многочисленные его изображения на юбилейных монетах...

СТАЛИН НЕ ЗНАЛ СЧЁТА СОВЕТСКИМ ДЕНЬГАМ

В отличие от Ленина, Иосиф Виссарионович Сталин в детстве познал нужду. Его отец-сапожник был запойным гражданином и даже иногда пропивал свой пояс, что в Грузии считалось позорным. Но будущий генсек всё же не был вынужден с юности тяжело работать. Он учился в Тифлисской духовной семинарии, потом некоторое время занимался репетиторством, а затем пару лет работал в Тифлисской физической обсерватории. Ну а дальше — переход в так называемую социальную группу «профессиональных революционеров».

Сталин относился к деньгам по-разному. При самодержавии он иногда участвовал в «экспроприациях», а если проще в грабежах. Знал, что сколько стоит. В своих рассказах упоминал о том, что в ссылке прекрасно жил на три рубля казённых денег, да ещё «партия помогала». О ссылке и финансах «вождь народов» упоминал частенько, и даже когда понимал, что его слова могут быть отрицательно истолкованы соратниками. Его это, скорее всего, мало волновало. Никита Хрущёв, довольно часто бывавший у Сталина как до войны, так и после в своих мемуарах писал следующее: «Мне зашло в душу, как Сталин рассказывал об одной своей ссылке. Не могу сказать сейчас точно, в каком году это происходило. Его сослали куда-то в Вологодскую губернию. Туда вообще много было выслано политических, но и много уголовных. Он нам несколько раз об этом рассказывал. Говорил: «Какие хорошие ребята были в ссылке в Вологодской губернии из уголовных! Я сошёлся тогда с уголовными. Очень хорошие ребята. Мы, бывало, заходили в питейное заведение и смотрим, у кого из нас есть рубль или, допустим, три рубля. Приклеивали к окну на стекло эти деньги, заказывали вино и пили, пока не пропьём все деньги. Сегодня я плачу, завтра — другой, и так поочерёдно. Артельные ребята были эти уголовные. А вот «политики» — среди них было много сволочей. Они организовали товарищеский суд и судили меня за то, что я пью с уголовными».

Судя по всему, во время вологодской ссылки Сталин не особенно нуждался в деньгах. Даже один рубль был в 1913 году приличной суммой. Например, прислуга получала от 3 до 10 рублей в месяц, чернорабочие — от 8 до 20 рублей, квалифицированные кадры — от 25 до 80 рублей. На один рубль можно было спокойно питаться в течение десяти дней, а то и полумесяца...

ТАСС

Семья Ульяновых жила за счёт постоянной ренты с имения Кокушкино и имения в Алакаевке и на проценты от положенных в банк денег

После революции Сталин, как и все высшие советские чиновники, получал и жалование, и паёк. И деньги в руках у него были. По утверждению главы Совнаркома Вячеслава Молотова, Сталин носил с собой деньги и даже подавал милостыню: «Первые годы охраны, помоему, не было. Тогда все ходили пешком. И Сталин... Помню, метель, снег валит, мы идём со Сталиным вдоль Манежа. Это ещё охраны не было. Сталин в шубе, валенках, ушанке. Никто его не узнает. Вдруг какой-то нищий к нам прицепился: «Подайте, господа хорошие!» Сталин полез в карман, достал десятку, дал ему, и пошли дальше. А нищий нам вслед: «У, буржуи проклятые!» Сталин потом смеялся: «Вот и пойми наш народ! Мало дашь — плохо, много — тоже плохо!»

Обнаружив эту цитату, я как историк был несколько удивлён. Во всяком случае, несколько источников, причём заслуживающих доверия, утверждали, что Ста-

лин с собой денег не носил — они ему просто были не нужны. Бежавший на Запад секретарь Сталина Борис Бажанов писал о роли наличных в жизни Сталина: «Конечно, для него, как и для других большевистских лидеров, вопрос о деньгах никакой практической роли не играет. Они располагают всем без денег — квартирой, автомобилем, проездами по железной дороге, отдыхами на курортах и т. д. Еда готовится в столовой Совнаркома и доставляется на дом».

В общем, что-то заставило меня сомневаться в достоверности деталей рассказа Молотова. И через некоторое время я обнаружил в книге воспоминаний уже упомянутого нами конструктора Яковлева аналогичный сюжет. Вот только детали были другие: «Знаменитый дирижёр Николай Семёнович Голованов рассказывал мне, что Сталин любил Большой театр. В 1920-х годах он часто бывал в нём, с удовольствием смотрел балет и слушал оперу. «Как-то зимой после спектакля, — вспоминал Николай Семёнович, — возвращался Сталин пешком домой, — жил он тогда в Кремле в кавалерском корпусе. Мы с секретарём ЦИК Авелем Енукидзе его провожали. Был мороз. Сталин в своей известной дохе, мы с Енукидзе в шубах и меховых шапках. Улицы безлюдны. У Манежа увязался за нами какой-то мужичок в рваной овчине и пристаёт: «Господа хорошие, подайте милостинку, Христа ради». Енукидзе порывался в карманах, мелочи не нашёл и, чтобы отвязаться, дал ему червонец. Нищий отстал, но, удивлённый такой щедростью, крикнул вдогонку: «У, буржуи проклятые!» Сталин не раз потом вспоминал этот случай, и подтрунивал над нами, что мы буржуи и что придётся нас как следует проверить...»

Так что, подавал Сталин милостыню или не подавал Сталин милостыню, точно науке пока неизвестно. Да и спросить уже не у кого...

В воспоминаниях дочери «вождя народов» Светланы Аллилуевой несколько раз встречаются сюжеты, которые показывают сталинское понимание «карманных денег». Она утверждает, что он не имел представления о том, что сколько стоит: «Когда я уходила, отец отозвал меня в сторону и дал мне деньги. Он стал делать так в последние годы, после реформы 1947 года, отменившей бесплатное содержание семей Политбюро. До тех пор я существовала вообще без денег, если не считать университетскую стипендию, и вечно занимала у своих «богатых» нянюшек, получавших изрядную зарплату. После 1947 года отец иногда спрашивал в наши редкие встречи: «Тебе нужны деньги?» — на что я отвечала всегда

«РИА НОВОСТИ»

Чета Ульяновых в скромном служебном «Роллс-Ройсе»

PROFUSION STOCK VOSTOCK-PHOTO

Сталин, как правило, пил «на свои», то есть на государственные деньги

Хрущёв и Фидель Кастро в Абхазии. Приём устраивали местные власти

«нет». — «Врёшь ты, — говорил он, — сколько тебе нужно?» Я не знала, что сказать. А он не знал ни счёта современным деньгам, ни вообще сколько что стоит, — он жил своим дореволюционным представлением, что сто рублей — это колоссальная сумма. И когда он давал мне две-три тысячи рублей, — неведомо, на месяц, на полгода или на две недели, — то считал, что даёт миллион... Вся его зарплата ежемесячно складывалась в пакетах у него на столе. Я не знаю, была ли у него сберегательная книжка — наверное, нет. Денег он сам не тратил, их некуда и не на что было ему тратить. Весь его быт, дачи, дома, прислуга, питание, одежда — всё это оплачивалось государством, для чего существовало специальное управление где-то в системе МГБ, а там — своя бухгалтерия, и неизвестно, сколько они тратили... Он и сам этого не знал».

А в другой раз, когда Светлана, к неудовольствию отца, развелась со своим мужем — сыном Жданова, генералиссимус несколько ограничил её «социальный пакет» и произвёл, выражаясь современным языком «монетизацию». В своей книге «Двадцать писем к другу» она вспоминала: «Он понимал, что, должно быть, мне всё-таки нужны деньги. Последнее время я училась в аспирантуре Академии общественных наук, где была большая стипендия, так что я была сравнительно обеспечена. Но отец всё-таки изредка давал мне деньги и говорил: «А это дашь Яшиной дочке...» В ту зиму он сделал много для меня. Я тогда развелась со своим вторым мужем и ушла из семьи Ждановых. Отец разрешил мне жить в городе, а не в Кремле, — мне дали квартиру, в которой я живу с детьми по сей день. Но он оговорил это право по-своему — хорошо, ты хочешь жить самостоятельно, тогда ты не будешь больше пользоваться ни казённой машиной, ни казённой дачей. «Вот тебе деньги — купи себе машину и езди сама, а твои шофёрыские права покажешь мне», — сказал он. Меня это вполне устраивало. Это давало мне некоторую свободу и возможность нормально общаться с людьми — живя снова в Кремле, в нашей старой квартире, это было бы невозможно. Отец не возражал, когда я сказала, что уйду от Ждановых. «Делай, как хочешь», — ответил он. Но он был недоволен разводом, это было ему не по сердцу... «Дармоедкой живёшь, на всём готовом?» — спросил он как-то в раздражении. И, узнав, что я плачу за свои готовые обеды из столовой, несколько успокоился. Когда я переехала в город в свою квартиру, он был доволен: хватит бесплатного жилья...»

Галантный Леонид Ильич за пиво и катер, конечно, не платил

Но при себе Сталин наличных денег не носил, хотя заработную плату и гонорары получал исправно. Конверты с деньгами валялись у него на Ближней даче повсюду: на столе, в серванте, даже на шкафах. Но именно с него пошла советская традиция: в случае необходимости брать деньги у собственных охранников. Об одном из таких случаев вспоминал сталинский телохранитель Алексей Рыбин: «Когда отдыхали в Боржоми, к Сталину пришли мужчина и женщина, соратники по прежнему подполью. Получилось так, что у этих грузин кончились деньги. Сталин при себе денег никогда не имел. Обратился к нам. Пустив по кругу фуражку, забрали триста рублей. Сталин разложил их поровну и в конвертах вручил землякам».

Незнание российских цен не мешало Сталину распоряжаться валютными резервами страны. Некоторым особо приближённым удавалось получать «финансовое благословение» вождя. Александр Яковлев вспоминал, как обмолвился о том, что нашей делегации, отправляющейся в Германию, платят скромные суммы, что ухудшает имидж СССР в глазах иностранцев. Сталин спросил, сколько составляет суточные. Узнав, что в день положено 15 марок, позвонил Микояну и распорядился, чтобы платили по 25 марок. А

вот относительно закупки дополнительного оборудования, которое интересовало наших авиаконструкторов, он оказался ещё более щедрым. Когда Яковлев скромно попросил сто-двести тысяч марок, он дал распоряжение выделить миллион, а при необходимости — ещё один...

Сколько денег получал Сталин в конвертах, не известно никому. Гонорары за свои книги он официально тратил на выплату сталинских премий. Но есть информация о том, с какой суммы он ежемесячно платил партийные взносы. В январе, феврале и марте 1953 года взносы платились с суммы в 10 000 рублей в месяц, что составляло 15 средних зарплат в СССР. И это была только «открытая» часть доходов. Так что трогательные рассказы «сталиноведов» о «нищете» генералиссимуса далеки от реальности. Зато с тем фактом, что Сталин был против того, чтобы его изображение появилось на советских деньгах (а такие варианты рас-

ся купить всем домашним, но подешевле. Каждый получил шикарные золочёные часы с автоматическим подзаводом...

Отец оказался не одинок. Вся советская делегация набросилась на часы. Нашлись на любой вкус. Охранники шеголяли обновками, с циферблата которых улыбался Сталин, стрелки торчали откуда-то из усов.

И снова, уважаемые читатели, мою душу стали терзать смутные сомнения: думаю, что большинству из вас известно, сколько могут стоить механические позолоченные часы швейцарского производства. Что-то тут не так. Для Хрущёва это были «сущие копейки»?!

Об отношении наших вождей к деньгам я расспросил подполковника 9-го управления КГБ Алексея Сальникова, который с 1956 по 1996 год работал в органах госохранны и занимался обслуживанием первых лиц: «Наличных денег никто из первых лиц с собой не носил. Помню, как в Оренбурге, где мы с Косыгиным были в командировке, я говорю: «Алексей Николаевич, там, в магазине, оренбургские платки и носки есть». Он спрашивает: «Хорошие?» Я говорю: «Да!» — «Откуда ты знаешь?» Я говорю: «За ними охотятся все, они редкие». Он спрашивает: «У тебя деньги есть с собой?» Я говорю: «Есть». Он: «Возьми женщинам, я тебе в Москве отдам». Я знал, что нужно троим покупать, Людмиле Алексеевне, Татьяне и Наташе. Купил, а потом в Москве он мне эти деньги отдал».

Ни Хрущёв, ни Андропов, ни Брежнев денег с собой не носили. Обычно у кого-то из охраны брали или у помощников. Косыгин или Хрущёв просили в магазине расплатиться, а Брежнев мог об этом и забыть. Иногда у кого-то из ребят были деньги, они за Брежнева платили...

Им, главным руководителям, конверты с деньгами принесут, да и всё. Конверты обычно клали в сейф. А потом, когда домой ехали, забирали кучку конвертов с собой. Тратили по-разному. Косыгин, например, когда ремонт дачи в Архангельском делали, отдал деньги на покупку мебели. Хотя должна была мебель бесплатная быть...

Командировочные у нас были следующие: базовый размер — 11 долларов в день. Но Алексей Николаевич, например, зачёркивал цифру и писал 60%. И получали все по 5–6 долларов, в зависимости от страны. Тогда это, правда, было значительно больше, чем сейчас. У него у самого формально были такие же командировочные. Я это знаю потому, что он часто давал мне свои деньги, чтобы я купил его жене, дочери, внучке какие-то мелочи. Помаду, туалетную воду, например. Ему самому я покупал отрезки ткани для костюмов, рубашки, галстуки...

В разных ведомствах, правда, были свои «кассиры», которые при необходимости расплачивались. В этом смысле «девятка» жила очень скромно. В МИДе, например, был некто Глышкин, который всегда имел при себе крупные суммы в валюте. И в ЦК были такие люди...

В общем, можно, уважаемые читатели, сделать такой вывод: наличных денег советские вожди не носили по одной причине: они просто им не были нужны. Всеми финансовыми вопросами ведали «специально обученные люди» А вы говорите: «золото партии»...

Что касается денег, которые в СССР руководители высшего уровня получали в качестве заработной платы, то тут я могу сослаться на Юрия Чурбанова, который в своё время рассказывал мне о заработной плате Леонида Ильича Брежнева, чьим зятем он был. По его словам, генеральный секретарь получал заработную плату порядка 800 рублей в месяц (не считая гонораров от многомиллионных тиражей его книг и иных доходов). Деньги отдавал жене Виктории Петровне, а уже она распоряжалась ими по-своему. А маршалу Брежневу наличные просто были не нужны...

« Генеральный секретарь ЦК КПСС
Леонид Брежнев получал заработную плату
порядка 800 рублей в месяц »

БЕГСТВО ИЗ БРЕСТА

Из неопубликованных мемуаров первого секретаря Брестского обкома КП(б) Белоруссии Михаила Тупицына о первом дне войны

**Роман
НИКИТИН**

Специально для
«Совершенно секретно»

Судьба Бреста как относительно крупного приграничного советского города по степени суматохи и паники при его сдаче утром 22 июня 1941 года была уникальной. Например, в сравнении с тем же белорусским Гродно, также ставшим лёгкой добычей агрессора, хотя и не настолько быстрой. Безусловно, сыграли свою роль специфика расположения областного центра на самой границе, неподготовленность воинских частей к возможному началу войны, внезапность нападения. Но до сих пор немалая часть вины за беспорядочное оставление города возлагается историками и журналистами на тогдашнего партийного главу области Михаила Тупицына и членов бюро Брестского обкома Коммунистической партии Белоруссии (КП(б) Б), не сумевших или не сумевших уничтожить часть секретных материалов.

На самом деле, объём документации, которая досталась фашистам, был не столь уж велик: учётные карточки коммунистов Бреста, бланки партийных билетов, кандидатских карточек и часть секретной переписки. Поскольку подавляющее большинство членов ВКП(б), стоявших на учёте в Бресте, либо погибли в первые дни войны, либо эвакуировались, особого урона это не принесло. А вот захваченный в июле 1941 года Смоленский архив, в который входил весь комплекс секретных партийных и государственных документов и полный объём переписки областных властей с центром, оказался для пропагандистов Третьего рейха настоящей находкой. Материалы о принудительной коллективизации, массовых репрессиях, нарушениях законодательства часто использовались при составлении листовок и обращений к советским гражданам. После войны Смоленский архив был вывезен в США и активно эксплуатировался западными специалистами по истории СССР. Только в нынешнем веке он был возвращён в Россию.

Но вернёмся к первому секретарю Брестского обкома КП(б) Белоруссии Михаилу Тупицыну.

Михаил Николаевич Тупицын (1906–1993) родился в Симбирской губернии в семье крестьянина-бедняка. Окончил 2 класса школы 2-й ступени и педагогический техникум. Высшее образование получил в Институте красной профессуры.

В 1930–1933 годах директорствовал в различных техникумах, после чего начал комсомольско-партийную карьеру в Москве на заводе «8 Марта». Высшей точкой в довоенной столице – стала должность инструктора Кировского райкома МГК ВКП(б). С мая 1936 года и до начала Великой Отечественной войны партийная деятельность Тупицына связана с БССР, с небольшим перерывом на службу в НКВД: с апреля 1939 по февраль 1940 года он возглавлял Управление НКВД по Полесской области, ему было присвоено звание капитана госбезопасности. Первым секретарём Брестского обкома КП(б) Б назначается в августе 1940 года. С августа 1941-го – начальник отдела по работе среди партизан и войск, действующих в тылу противника, штаба Западного и Центрального фронтов. С октября в должности 2-го секретаря Кировского обкома ВКП(б). Кстати, вину за то, что секретные партийные докумен-

ты достались немцам, на него после войны не возлагали, и после освобождения Бреста он вновь возглавил партийное руководство областью. С 1948-го работал в Новгороде, где был избран также депутатом Верховного Совета СССР. В 1951 году его перевели в Москву в центральный партийный аппарат. С 1963-го и до выхода на пенсию в 1969 году Михаил Тупицын работал управляющим делами Совета министров РСФСР. Писатель Сергей Смирнов написал о Михаиле Тупицыне в своей знаменитой повести «Брестская крепость».

В Российском государственном военном архиве хранятся неопубликованные воспоминания Михаила Николаевича Тупицына о первых днях Великой Отечественной войны, датированные началом 1960-х. Главная ценность этих мемуаров в том, что они не подверглись официальной цензуре, хотя некоторый налёт самоцензуры, присущей партийным руководителям, в тексте всё-таки присутствует. Тем не менее эти воспоминания очень важны, в деталях они дают яркую и близкую к реальной картину первого дня Великой Отечественной войны – 22 июня 1941 года.

«В ночь с субботы на воскресенье первый секретарь Брестского обкома партии Михаил Тупицын, плотный, грузноватый человек лет тридцати пяти, только перед рассветом вернулся из поездки по районам. Было около четырёх часов утра, когда он пришёл в свою квартиру, тут же, в крыле большого обкомовского здания. Он только успел лечь, как снаружи прогремел сильный взрыв – и стёкла в окне вылетели».

(Из документальной повести советского писателя Сергея Смирнова «Брестская крепость»)

МИХАИЛ ТУПИЦЫН: ВООРУЖАТЬ КОММУНИСТОВ БЫЛО НЕЧЕМ

«...Не успел как следует заснуть, как наш дом потряс страшный взрыв, от которого из окон вылетели все стёкла. Вслед за первым – второй, третий, перешедшие в канонаду артиллерийской стрельбы. «Война» – это страшное слово молниеносно пронизало мозг после первого же взрыва. «Чего ждали, того и дождались», – в испуге не сказала, а скорее прошептала вскочившая с постели жена и бросилась в детскую комнату, откуда уже доносился плач шестилетнего Вили и трёхлетнего Славика, наших сыновей.

Раздумывать было нечего. Натянув только брюки и одев прямо на голое тело пиджак, я помчался в обком, бросив на ходу жене, чтобы она с ребятами и племянницей спустилась в подвал. Квартира моя находилась до войны в том же здании, где размещался обком, и чтобы попасть туда, надо было спуститься со второго этажа и пробежать метров 20 двором до чёрного хода.

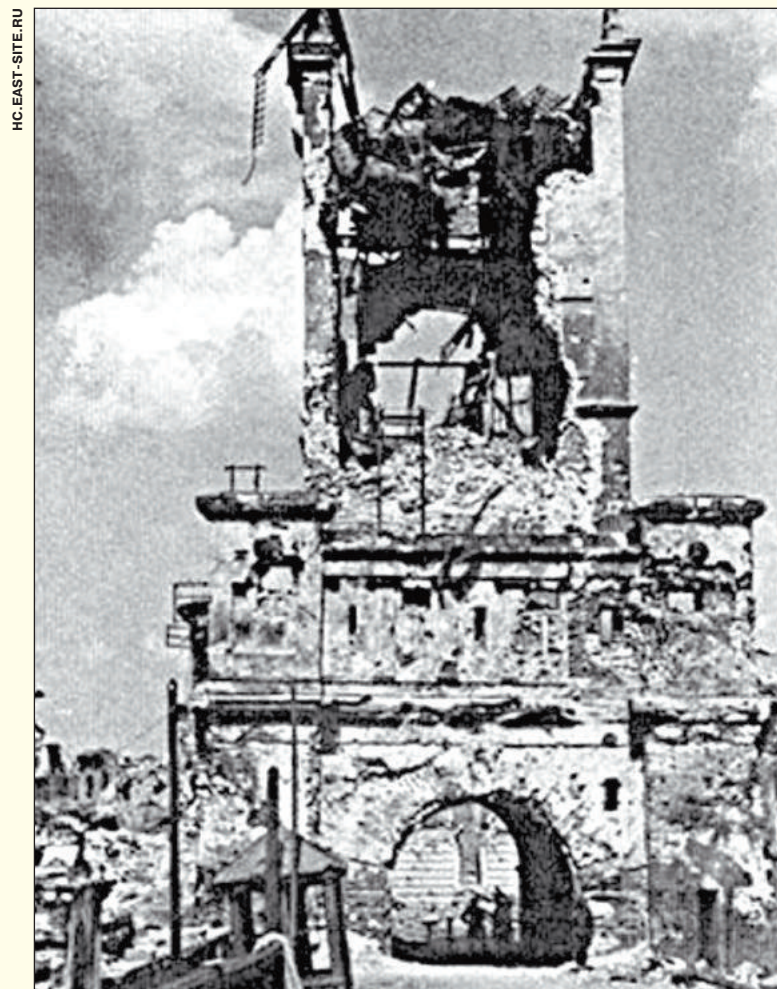
Там я встретил только милиционера на первом этаже и дежурного, зав. сектором т. Морозова, стоявшего посередине кабинета. Он был растерян и не сразу заговорил. От него я узнал, что телефоны городской сети и междугородняя связь не работают, видимо,

Михаил Тупицын. 1939

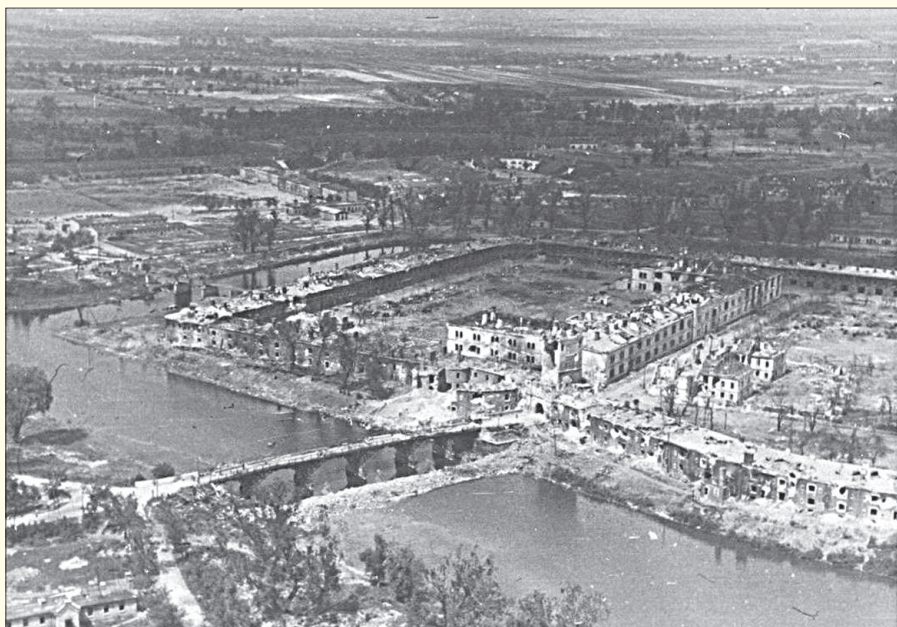
выведены из строя снарядами. Я быстро подбежал к столику, на котором стоял специальный телефон «ВЧ» и другие. Машинально проверил аппараты, все они молчали, и только специальная линия связи «ВЧ» ещё работала. Подняв трубку, я сразу же услышал дрожащий голос телефонистки Брестской подстанции. Какая радость! Появилась надежда сообщить и Минску, и Москве о случившемся у нас в городе. Минск ответил молниеносно. Я попросил телефонистку соединить меня с квартирой первого секретаря ЦК КП (б) Б П.К. Понома-

ренко, так как знал, что в такую рань он может быть только дома. Не успел услышать её голос – «пожалуйста, соединяю», как раздался страшный взрыв, от которого дверь в кабинете распахнулась, стекла из окон вылетели, а меня вместе с телефонным столиком каким-то образом подняло на воздух. Очутившись потом на полу и опомнившись, я продолжал кричать в трубку – «алло, алло», но и эта, казавшаяся надёжной, связь прервалась. Я понял, что мы теперь отрезаны от Минска, Москвы, своих районов, да и от воинских частей.

Тереспольские ворота Брестской крепости. 1941

Пока я размышлял о случившемся, во дворе обкома раздался новой силы взрыв, и в окна я увидел, как поднялся огромный столб камней, дыма и пыли. Теперь в кабинете у меня ничего не было видно, он был наполнен пылью и дымом. Остаться здесь не имело смысла, и я решил спуститься на первый этаж, где размещался горком партии. Выходя из кабинета, я увидел, что снаряд, видимо, крупного калибра, разорвался в соседнем кабинете 3-го секретаря обкома т. Новиковой. От сильнейшего взрыва обвалилась большая

Панорама юго-западной части цитадели Брестской крепости. Конец июня – июль 1941

часть угла здания обкома партии, где стоял на посту милиционер т. Серко. Не так давно я получил от него письмо, в котором он сообщал следующее: «С 1939 года я служил в рабоче-крестьянской милиции в г. Бресте. В ночь на 22 июня 1941 года стоял на посту по охране Обкома (во дворе). После первых выстрелов Вы пробежали мимо меня с пистолетом в руке и скрылись в здании. В тот же миг снаряд попал в Обком, и меня тяжело ранило в руку, обе ноги и контузило. Наши товарищи успели доставить меня в госпиталь, где я пролежал полгода».

В горкоме тоже никого ещё не было. Проверил все телефоны в кабинете секретаря, но и здесь они молчали. В ожидании горкомовцев я невольно думал, что же делать в обстановке, когда нет никакой связи. Теперь уже стало ясно, что никакая это не провокация, о возможности которой нам говорили раньше, а настоящая страшная война. И всё равно, какая-то надежда ещё в мозгу сохранялась, всё равно казалось, будто это всё не по-настоящему.

Из раздумья меня вывел голос милиционера, который принёс из квартиры мои туфли. Когда я проходил мимо поста, он заметил, что от моих ног оставался кровавый след. И только тут я спохватился, что выбежал из квартиры, не успев обуться и, пробегая босиком по двору, сильно порезал ноги осколками разбитого стекла. Спросил милиционера, не видел ли он мою жену с ребятами. Он сказал, что не видел.

Частые и сильные разрывы снарядов заставили нас спуститься в подвальные помещения и провести там короткое заседание бюро обкома партии, чтобы коллективно решить, что нам делать. Первая трудность состояла в незнании нами обстановки, так как связи ни с гражданскими организациями, ни с военным командованием, у нас не было. Поэтому надо было хоть в общих чертах узнать, что происходит в городе. Сообщения секретарей обкома и других товарищей показали, что массированный артиллерийский обстрел города вызвал большие разрушения и пожары. Многие здания были разбиты до основания, и под горами развалин погребены ни в чём не повинные люди. Чтобы выяснить обстановку получше, решили связаться с командованием 28-го стрелково-

го корпуса и 6-й Орловской стрелковой дивизии, направив туда наших товарищей. Я не помню уж теперь, кто ходил в штаб 6-й дивизии, но в штаб 28-го корпуса побегал начальник Управления наркомата госбезопасности т. Сергеев. Одновременно с этим договорились всех работников аппарата обкома и горкома, пришедших в это время, направить на предприятия и в учреждения для организации тушения пожаров и пресечения паники.

А коммунисты и комсомольцы всё подходили и подходили. Значительную их часть мы решили направить в горвоенкомат, чтобы получить там оружие. Послано было несколько товарищей на железнодорожный узел, для выяснения того, какие там есть возможности для эвакуации населения. Также отправлены работники и на городскую телефонную станцию, с целью как можно быстрее восстановить связь. Штабы корпуса и дивизии находились близко от обкома. Посыльные вернулись очень быстро и принесли неутешительные сведения. Они рассказали, что командиры корпуса и дивизии в штабах нет, не оказалось там и их подчинённых, кроме штабных дежурных. В штабе корпуса сказали, что его командир т. Попов В. С., видимо, уехал на запасный командный пункт в районе Жабинки, но связи с ним нет. В штабе же дивизии сообщили, что все командиры выехали в район крепости. В обоих штабах спешно готовили документы к эвакуации.

Минут через 30–40 вернулись люди с предприятий и с железнодорожного узла, и мы снова провели короткое заседание бюро обкома. Выяснилось, что на железнодорожном узле никаких подвижных средств к эвакуации населения нет, многие здания разрушены, на вокзале скопилось большое количество пассажиров и среди них много военных. Обстрел города всё не утихал, разрушения увеличивались, разгорались пожары. Самый огромный наблюдался в районе ликёроводочного завода. Густой дым и даже большое пламя огня можно было видеть прямо из окон обкома. Очевидцы рассказали, что завод загорелся буквально после первых же орудийных выстрелов. А взрывы продолжались. Много уже погибло людей; областная больница, расположенная рядом со зданием обкома, наполнялась толь-

ко тяжело ранеными, а легко раненые уходили из города сами.

Вернулся начальник УНКГБ т. Сергеев и рассказал, что никого из военных руководителей не мог найти и ничего не мог добавить к тому, что рассказали присланные им связные. Пришли люди из горвоенкомата и сообщили, что оружия там мало и вооружать коммунистов нечем. Невольно подумалось о том, что приходится пожирать плоды своей халатности к этому делу в довоенное время. Не собирались воевать и были убеждены, что войны не будет, по крайней мере в ближайшее время.

УНИЧТОЖИТЬ ДОКУМЕНТЫ МЫ НЕ МОГЛИ

Обстрел города продолжался, правда, по центру артиллерия была уже менее интенсивно. И для нас стала проявляться обстановка. Наступал критический момент: к нам поступило сообщение, что фашисты появились возле железнодорожной станции и в районе тюрьмы, там шли упорные бои. Надо было принимать срочные решения и правильно ориентировать людей, чтобы они действовали самостоятельно. Собравшись снова на бюро, мы решили принять срочные меры к тому, чтобы выводить население из города. Также надо было попытаться вывезти, а в случае невозможности, уничтожить документы обкома и горкома партии. Коммунистам, которые появлялись в обкоме, давалось указание идти в город, разъяснять жителям обстановку и рекомендовать уходить в восточном направлении.

Секретари обкома и другие руководящие работники области тоже отравились по домам, чтобы отправить свои семьи. Секретари сели в автомашины, стоявшие тут же во дворе, и уехали домой, намереваясь после отправки семей вернуться в обком. Я тоже забежал в подвал, где находилась моя семья, и сказал, что им надо выехать из города в район Кобрин, а там видно будет. К счастью, автомашина «ЗИС-101», как сообщил шофёр Яша, была на ходу. И хотя в стену гаража попал снаряд и взрывом сорвало крышу, его осколки пробили только в нескольких местах кузов, а ходовая часть и мотор были целы. Оказывается, это был тот второй снаряд, взрыв которого застал меня в кабинете. Он

немного не долетел до здания обкома, разорвавшись в гараже прямо против моих окон. Я сказал Яше, чтобы выводил скорее автомашину, а сам побегал к семье. Так как все мои домочадцы были, по существу, не одеты, я вбежал в квартиру, чтобы взять кое-что из вещей. Разыскивать что-то нужное и ценное не было времени, и я схватил с кровати два одеяла, две подушки, на глаза попались часики жены, которые сунул ей в карман пальтишка, и вынес всё это им. Вот в этих двух одеялах ребята и поехали. Захватить же из-под ценное из одежды для себя и жены мне и в голову не пришло. Было не до этого. В этой же машине поехали ещё мать и сын третьего секретаря Т. И. Новиковой, которые прибежали в обком сами.

Машина с трудом выбралась со двора, так как в воротах было навалено много кирпича от разрушенной стены здания. Я сказал Яше, чтобы он ехал по Пушкинской улице по направлению на станцию Брест-5, а там и на Кобрин; только ехать сначала надо было по просёлочным дорогам, так как Варшавское шоссе, наверняка, было уже загружено и обстреливалось фашистами. В Кобрине я просил их подождать, имея в виду, пока закончатся бои и фашистов прогонят. Я тогда ещё думал, что наши войска город Брест не сдадут.

Когда отправил жену и ребят, как-то немного отлегло от сердца. «Меня убьют не на их глазах, а их убьют не на моих», — щемящей болью отозвалась эта мысль. Но это было как-то молниеносно. Надо было действовать, спешить. Вернулись мы с Татьяной Ивановной Новиковой в обком и стали поджидать возвращения секретарей. А в это время как раз вернулся товарищ, бегавший за секретарём горкома А. М. Коротковым, и сообщил, что его не удалось найти. Это нам очень сильно осложняло дело. Посланный к работнику сектора учёта партдокументов горкома партии тоже сообщил, что разыскать её не удалось, а дом, в котором она жила, полуразрушен. А завсектором учёта горкома вообще не было в Бресте в это время, она находилась в Минске на совещании в ЦК КП(б) Б. Надо же случиться такому, что ни одного человека, имеющего отношения к хранению партбилетов, в горкоме не оказалось. По инструкции ключи от сейфов с партдокументами должны были находиться у секретаря горкома партии т. Короткова, но он почему-то не явился в горком, значит, надо было думать, что с ним что-то случилось. И действительно, я о нём до сих пор ничего не знаю. Скорее всего, погиб где-то на одной из улиц Бреста в первые же минуты войны, иначе обязательно пришёл бы.

« Перед уходом кто-то предложил поджечь здание обкома. Но на это мы, признаться, не решились. Мы ещё не думали, что война продлится долго

Таким образом, мы оказались в безвыходном положении: ключей не было, а попасть в хранилище с партийными документами как-то иначе мы никак не могли. Дело в том, что в здании, где размещались обком и горком партии, раньше, когда Брест был в составе Польши, находилась так называемая Изба скарбова, и здесь была оборудована комната для хранения всякого рода ценностей и золота, а, как известно, капиталисты умели надёжно хранить ценности. Вот в этом хранилище и находились теперь наши партийные документы: учётные карточки на всех коммунистов города, чистые бланки партбилетов. Отсек, где все это хранилось, представлял собой комнату из железобетонных стен, а дверью туда служила дверь от сейфа с множеством секретов. Таковую комнату не было у нас возможности ни открыть, ни поджечь, ни подорвать (у нас и взрывчатки-то не имелось). Экая досада! Признаюсь, мысленно отругал себя, что был слишком пунктуален в выполнении предвоенных указаний не паниковать и не подготовил документы к отправке на случай войны. А ведь можно было все сделать и вполне секретно. И вот теперь горевали о том, что партийные документы могут достаться фашистам...

УХОДИТЬ В ПОДПОЛЬЕ МЫ НЕ ГОТОВИЛИСЬ

Восьмой час... Секретари ещё не вернулись, и это заставляло нас с Татьяной Ивановной волноваться: не случилось ли с ними что? Мы вышли на крыльцо обкома. Город горел, с окраин слышно, как строчат пулемёты, так как артиллерийский обстрел притих, вернее, разрывы слышались теперь немного южнее и восточнее города. Видимо, обстреливался Южный городок, где размещалась танковая дивизия. Над городом появились самолёты. Признаться, мы очень обрадовались и думали, что это наши красноречивые прилетели громить фашистов. Но радость длилась недолго. Скоро принесли листовки, разбросанные с этого самолёта, в которых немцы обвиняли во всех грехах начавшейся войны советское правительство, из-за чего они якобы были вынуждены напасть на Советский Союз с целью дать нашему народу свободу. Там же был напечатан «пропуск»: сдавайтесь, мол, вам ничего не будет. Написаны листовки были ещё по правилам старой орфографии. Видимо, их автором был бывший белогвардеец. Какая наглость! Отвращение и злость вызвали эти листовки не только у нас, коммунистов, но и у простых людей. Кто мог поверить, будто Советский Союз угрожал войной Германии и фашисты вынуждены поэтому начать войну?!

Секретарей всё не было. Часам к восьми – восьми тридцати у обкома скопилось большое количество коммунистов. Из обкомовских работников кроме нас с Татьяной Ивановной были зав. финхозсектором т. Колос, зав. особым сектором т. Малащенко, мой помощник – т. Кацман И. В. Здесь же был корреспондент республиканской газеты «Звезда» коммунист т. Онищенко. Он пришёл к обкому вместе с женой и детьми. Когда мы уходили, он последовал за нами, а его жена, тоже коммунистка, была вынуждена остаться с малыми детьми в городе. К счастью, сам т. Онищенко, пройдя всю войну, остался жив, и жена его сохранила детей, скрываясь от фашистов по глухим деревням.

Стало окончательно ясно, что оставаться в городе рискованно. Приходили одно за другим тревожные сообщения: «освобождена тюрьма», «захвачен

вокзал», «бои идут уже на Московской улице». А вскоре на площади у обкома появились красноармейцы, которые толпами бежали по улицам: многие из них были в одном нижнем белье, раненые. Они сказали, что бегут из крепости.

Эвакуировать документы теперь уже невозможно. Нам придётся уходить пешком, а много ли с собой захватишь? Поэтому мы поручили зав. особым сектором т. Малащенко и моему помощнику т. Кацману немедленно уничтожить все шифродокументы, все постановления с грифом «Особая папка» и что успеют другое, взять печати обкома и принести нам. А сами мы с Татьяной Ивановной поднялись в свои кабинеты, чтобы там забрать, что было возможно. Я взял из своего сейфа личные документы (партбилет, паспорт, комсомольский и профсоюзный билеты), два пистолета (Маузер и Браунинг). Через некоторое время пришли т. Малащенко и Кацман, отдали мне печати и сказали, что все возможное из секретных документов они сожгли.

Спустившись вниз, я увидел, что у крыльца обкома стало ещё больше людей. Встав на перильце крыльца, я объявил собравшимся, что положение сложилось критическое, что мы не знаем обстановки в городе, что на улицах идут бои, а поэтому оставаться нам здесь, в центре Бреста, сейчас рискованно. Поэтому предлагается выйти за город, чтобы попытаться связаться с военными. Без этого нам трудно понять, где наши, где враги – всюду слышна стрельба. Я тогда ещё не знал, что мы надолго покидаем Брест, а сказал о необходимости выйти за город для выяснения обстановки.

Говорил я это, а сам думал, как трудно решиться на то, чтобы бросить все и уйти. Как это будет расценено? Оставаться тоже было опасно: ведь можно было оказаться в руках фашистов. В подполье уходить нам было нельзя не только потому, что мы не готовились к этому, но и оттого, что сам город был для нас ещё новый, мало изученный.

Перед уходом кто-то предложил поджечь здание обкома. Но на это мы, признаться, не решились. Мы ещё не думали, что война продлится долго, все ещё теплилась надежда на быстрое возвращение домой. Это было нашей ошибкой. Надо было сжечь здание самим, пока имелась возможность: больших трудов это не стоило, да и бензин был рядом.

... И вот мы двинулись из города. Прямо от обкома пошли по Пушкинской улице – единственной более или менее безопасной, которая выводила нас прямо на восточную окраину города, а там недалеко и железнодорожная станция Брест-5 («Восточный»). А ружейно-пулемётная стрельба в городе все усиливалась. Уходя, мы наверняка знали, что бои шли на Московском шоссе, в районе вокзала, а артиллерийская стрельба перенесена в восточном направлении. Мы слышали, как со зловещим воем пролетали снаряды над нашими головами, и взрывы были слышны где-то на окраинах города.

Шли сначала большой группой: рядом со мной – работники обкома, горкома партии, несколько чекистов. На перекрёстках становилось уже опасно, так как улицы в центре города простреливались, и нам приходилось перебегать небольшими группами. Опасность нарастала, поэтому мы вынуждены были ускорить шаг, а кое-где и бежать. Особенно трудно давались эти перебежки Татьяне Ивановне. Чувствовалось, что она просто изнемогла от такой быстрой ходьбы.

Сердце сжималось от того, что нам пришлось видеть. Пожары, разрушенные здания, бегущие в испуге женщи-

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Михаил Тупицын с сыновьями. Брест, июнь 1941

«Теперь уже стало ясно, что никакая это не провокация, о возможности которой нам говорили раньше, а настоящая страшная война»

ны, дети, старики, трупы убитых – всё это мы встретили на нашем пути. Минут 25–30 мы добирались до католического кладбища. Это уже зелёная окраина города, отсюда рукой подать до станции Брест-5. В густых зарослях кустарника решили перевести дух. Отдохнув несколько минут, двинулись дальше. Вот и станция, но на ней никаких признаков жизни: здания горят, людей не видно, никаких паровозов, вагонов и даже дрезин. А мы так рассчитывали уехать отсюда, чтобы побыстрее добраться до Жабинки и до штаба 28-го стрелкового корпуса.

Положение, как говорится, хуже некуда. Фашистская артиллерия перенесла всю мощь своего огня на восточные окраины Бреста, видимо, для того, чтобы преградить путь отступающим войскам, а также на случай подхода новых частей Красной Армии. Казалось, тысячи снарядов рвались впереди нас одновременно. На наших глазах взлетали на воздух крестьянские дома, санитарные повозки с ранеными. Обстановка для нас, снова спрятавшихся в густых зарослях кустарника, казалась ещё более трудной, опасной, чем в городе. Под укрытием каменных зданий нам было как-то спокойнее, а вот на поле совсем другое дело, здесь чувствуешь себя как-то совсем беспомощным против

рвущихся снарядов. Просидев в кустарнике несколько минут, мы быстро освоились и, наблюдая, установили, что обстрел проводился по определённым квадратам, справа налево. Мы поняли: если сейчас снаряды рвутся впереди нас, надо пока сидеть. Потом разрывы перемещались влево, тогда и мы начинали продвигаться вперёд. В таких условиях мы двигались, наверное, километра 4 или 6.

Когда мы отсиживались в кустарнике, я решил зафиксировать карандашом в своей записной книжке обстоятельства, при которых нам пришлось уходить из Бреста. Я это сделал для того, чтобы на случай моей гибели, возможно, остался хотя бы блокнот с этими записями.

Наконец, артиллерийский обстрел стал ослабевать, а вскоре и совсем прекратился. Вражеские самолёты также почти перестали беспокоить нас. И я собрал небольшой «летучий» митинг, где сказал, что хоть сейчас мы и вынуждены покинуть Брест, но всё равно уверены, что вернёмся сюда снова. А теперь всем надо продолжать двигаться в сторону Жабинки и там, или в Кобрине, вступать в Красную Армию, чтобы бить врага. Немного сосредоточившись, мы продолжали наш путь на восток.

Редакция благодарит историка и журналиста Романа Никитина за предоставленные материалы и подготовку воспоминаний Михаила Тупицына

Трубадуры лысенковщины

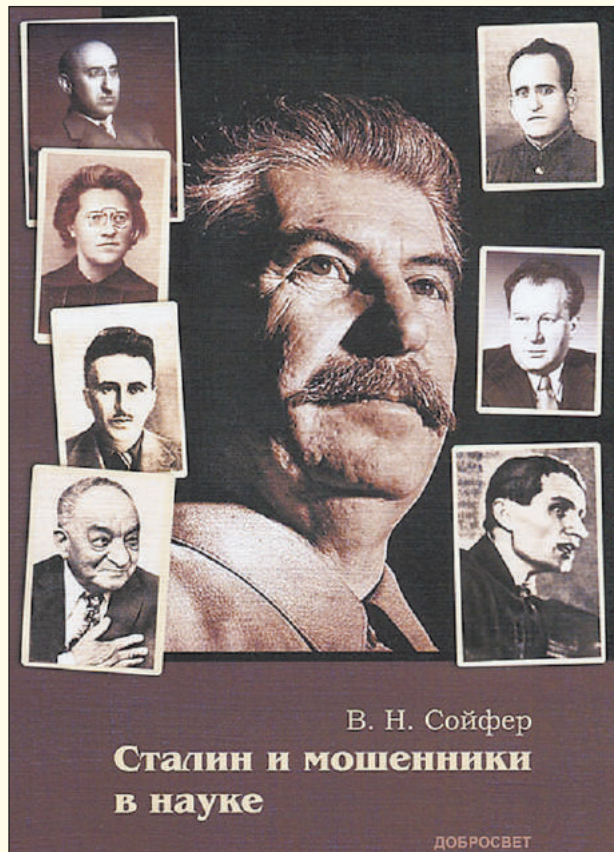
Президент белорусской Академии наук пытался противостоять Лысенко, но в итоге был снят со всех постов и подвергнут остракизму

Валерий Сойфер. Сталин и мошенники в науке.
— М.: Добросвет. Городец, 2016. — 480 с.

Это второе, дополненное издание книги, энциклопедической по охвату материала и широте рассматриваемых проблем. Она посвящена гонениям на генетику и другие науки в СССР. Автор — доктор физико-математических наук, почётный профессор МГУ им. Ломоносова, лауреат международной медали Г. Менделя «За открытия в биологии» — подробно рассказывает об «охоте на ведьм» в СССР, вылившейся в фактический запрет генетики и в процветание откровенных мошенников типа Трофима Лысенко и Ольги Лепешинской.

В роли ведьм в науке для власти выступали учёные с мировым именем, такие как Николай Кольцов и Николай Вавилов. По злой иронии судьбы именно Вавилов способствовал в начале 1930-х первым шагам Лысенко на пути к славе, использовал свой аппаратный вес для того, чтобы пропихнуть «биолога от сохи» в академии АН Украины (та, надо сказать, долго этому сопротивлялась). Позднее во многом из-за публичных доносов Трофима Лысенко Вавилов и был арестован, он умер от голода в саратовской тюрьме. Лысенко же продолжал наслаждаться жизнью, обещать спасение сельского хозяйства благодаря ветвистой пшенице и прочим чудесам, в которые руководители страны верили тем охотнее, чем хуже шли дела в сельском хозяйстве. Несмотря на сопротивление большинства учёных, Трофима Денисовича поддерживал не только Сталин, но и Хрущёв, настоявший на его возвращении в президенты ВАСХНИЛ.

В книге приводятся воспоминания свидетелей о том, как Хрущёв в 1960-х истерил в присутствии своих детей, пытавшихся объяснить ему убожество «идей» Лысенко. То, что отрицавший основные законы генетики самородок врал о результатах своей работы, власть почему-то не пугало — она и сама врала напрапалу, ког-

да речь шла о статистике, и тоже обещала ближайшее счастливое будущее, невзирая на реальность. Лысенко умер, будучи кавалером восьми орденов Ленина, Героем Соцтруда и академиком трёх академий (а ведь в каждой полагались доплаты за членство) — постыдная страница в истории не только Академии наук.

В своей книге Валерий Сойфер занят такими темами, как замена профессиональных учёных «красными

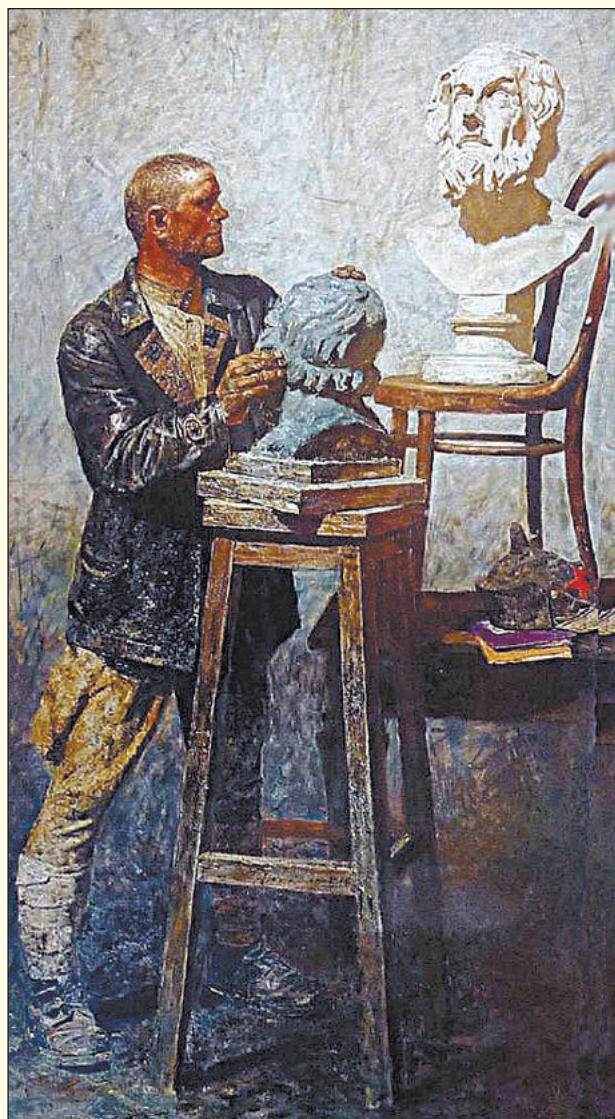
специалистами», а также изучает подспудные причины взлёта самого знаменитого шарлатана советской науки — эта глава называется «Провал сталинской коллективизации деревни и обещания Лысенко».

Для публичного поношения трезвомыслящих учёных в конце 1940-х в СССР возобновили «суды чести», используя в качестве образца дореволюционный опыт и предвосхитив тем самым практику хунвейбинов. Сталин лично участвовал в травле генетиков, редактировал доклад Лысенко накануне печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ. Тогда «члены Политбюро согласились с предложением Сталина запретить генетику в СССР. Лысенко было поручено написать текст доклада в соответствии с идеями, изложенными в проекте постановления, подготовленного Шепиловым, Митиным и Ждановым-старшим, и выступить на сессии ВАСХНИЛ, причём никто не должен был знать о вмешательстве вождя в споры биологов. Лишь в конце сессии Лысенко разрешили объявить публично, что его доклад был одобрен Политбюро и лично товарищем Сталиным».

Сойфер пишет не только об основных участниках травли генетиков, таких как Презент, Митин и Юдин, но и тех, кто обеспечивал её художественное сопровождение. Среди литераторов особенно усердствовал Геннадий Фиш — автор называет его «трубадуrom лысенкоизма». При этом многие в руководстве партии понимали параноидальный характер лысенковщины и пытались ей противостоять. Но даже у зав. отделом науки ЦК Юрия Жданова, зятя Сталина и сына главного идеолога страны Андрея Жданова, не получилось сохранить честь свободного знания и отстоять генетиков (что, впрочем, не помешало ему испытывать уважение к Сталину до конца своих дней). Ещё меньше шансов было у Антона Жембрака (1901–1965), заведовавшего отделом Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС в 1945–1946 годах (в историю он вошёл ещё раньше, благодаря тому, что в составе делегации Белорусской ССР участвовал в 1945-м в подписании Устава ООН). В 1947 году Жембрак, будучи президентом белорусской АН, пытался противостоять Лысенко, но в итоге был снят со всех постов и подвергнут остракизму. Но, по крайней мере, он выжил — такое удалось не всем противникам Лысенко.

Спорный реалист

Сын одного из лидеров архитектурного авангарда, в 1984 году Гелий Коржев начал рисовать картины из жизни тюриков

Гелий Коржев. Коммунисты. Левая часть триптиха — Гомер

Гелий Коржев. Со статьями Александра Боровского, Олега Кулика, Людмилы Бредихиной и др. М.: Третьяковская галерея, 2016.

После фантастического успеха ретроспективы Валентина Серова и очередей в первые дни работы экспозиции Фёдора Рокотова, посетителей Третьяковской галереи, казалось бы, трудно уже чем-то удивить. Но теперь залы на Крымском Валу полны и на выставке советского классика Гелия Коржева (продлится до 13 июня). Впору говорить о феномене не только искусства, но и самого музея, способного, благодаря выставкам, обозначать главный нерв времени.

Ретроспектива Коржева (1925–2012) вызвала массу споров. Критика раздалась из стана начётников, где пытаются упростить ситуацию, подменяя разговор о самой живописи обсуждением взглядов Коржева. Опрокинув на читателя ворох цитат из записей и выступлений Гелия Коржева, можно, конечно, ввести кого-то в недоумение — взгляды художников обычно отличаются своеобразием и редко вписываются в общепринятые схемы. Коржев с его сложной эволюцией не исключение.

Хотя внешне его биография выглядит хрестоматийно для арт-функционера. Участник выставок с 1948 года, он стал известен после создания триптиха «Коммунисты» (1957–1960) и серии «Опалённые огнём войны» (1962–1967). Был депутатом Верховного Совета РСФСР, лауреатом Госпремий России и СССР, перед Олимпиадой получил звание народного художника СССР (1979). Но факты не всегда упрямая вещь, порой они не отражают внутреннего пути.

Сын одного из лидеров архитектурного авангарда, в 1984 году Коржев начал рисовать картины из жизни тюриков. Эти фантастические существа не вписывались в пантеон советских героев, зато хорошо отражали фантазмагорический дух советской жизни (в альбоме воспроизведено много работ из серии «Мутанты»). В 2012 году московский Институт русского реалистического искусства провёл выстав-

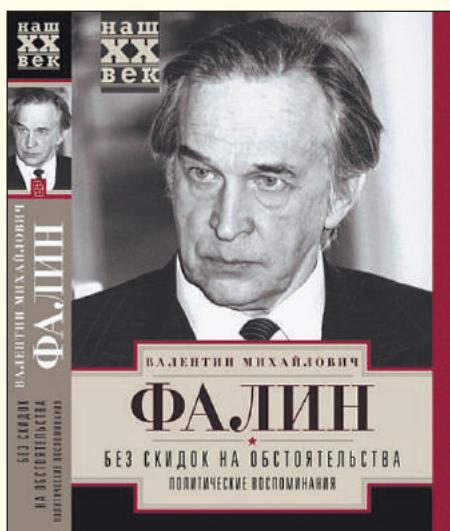
ку «Гелий Коржев. Библия глазами соцреалиста» — у художника множество работ на библейские темы. Ещё одну его выставку готовил Олег Кулик, то есть признание мастер получил и у следующего поколения.

Профессионал высокого качества, Гелий Коржев ценним коллегами и сегодня. Его критики пытаются обвинить устроителей выставки чуть ли не в пропаганде советской эстетики, в реабилитации прошлого. Но Коржев, как и его ретроспектива, не имеют к этому никакого отношения. На его полотнах торжествует реальность. Если убрать или изменить названия картин, то сюжеты выглядят универсальными. Бедный художник, рисующий на асфальте («Художник». 1961, ГТГ), не обязательно живёт в Париже, при социализме он был беден и в Москве. Девочка около убитого отца-демонстранта или поднимающий красное знамя на площади с погибшими товарищами — это ведь не только Запад, но и Новочеркасск 1962 года? А совершенно непарадный, далёкий от ларионовско-шиловского понимания войны, портрет ветерана, слепого на один глаз («Раненый»)? Калеки не были героями официального советского искусства, предпочитавшего слову «боль» слово «подвиг». Но этот портрет вынесен на обложку альбома и выглядит автоэпиграфом ко всему творчеству: показывать правду любой ценой, какой бы горькой она ни была.

«Для «прогрессивной общественности» Коржев не был своим», замечает автор статьи «Гелий Коржев — архаист и новатор» Александр Боровский (уже после выхода книги он посвятил статью нынешним неприятелям Коржева вроде одиозного Александра Шаталова). Понятие «прогрессивной общественности», связанное ещё со временами застоя, Боровский берёт в кавычки, подчёркивая своё ироническое к ней отношение. Но эта «прогрессивная общественность» и сегодня пытается быть правовернее Папы Римского, ранжируя художников на «своих» и «не своих». Такая позиция удобна схоластическому типу мышления, обладающему современным словарным запасом, но лишённому живого эстетического чувства. Но когда имеешь дело с советским наследием, не обойтись без умения разделять взгляды художника и его художественный талант, понимание пластического. Можно быть жертвой пропаганды, её инвалидом, искать и ошибаться в словесных показаниях — руку всё равно не обманешь.

Разница в деталях

Сталин не захотел узнать правду о последних днях жизни своего сына Якова, погибшего в немецком концлагере

Валентин Фалин. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. — М.: Центрполиграф, 2016

Воспоминания дипломатов — сложный жанр. Профессиональная привычка держать язык за зубами усугубляет многие тексты, превращая их в кладёз намёков и недоговоренностей. Книга Валентина Фалина — счастливое исключение. Вся правда наверняка не сказана и здесь, многое просто не поместилось, но читать его воспоминания — удовольствие. Мемуары выходят не первым изданием, предыдущие давно распроданы.

Возможно, лёгкость изложения в сочетании с богатством наблюдений и оценок — следствие того, что изначально книга писалась для немецкого читателя, в 1990-е она стала бестселлером в Германии и вышла даже в карманном формате. Интерес к Фалину немцев понятен: с 1971 по 1978 год он был послом в ФРГ, затем обозревателем «Известий», председателем правления АПН, зав. международным отделом ЦК КПСС. Неожиданная карьера для слесаря и токаря на заводе «Красный пролетарий», где будущий дипломат начинал в годы войны? Вряд ли стоя у станка он думал, что в итоге будет описывать войны в Корее и Афганистане, кубинский и ближневосточный кризисы, события в Чехословакии в 1968 г.

Текст полон деталей, столь важных для историков. Вот диалог с Громыко по поводу проекта советского заявления о вторжении войск в Чехословакию:

« — Вы ознакомились?

— Проект ни на что не годен, если не выставлять себя на посмешище.

— Это не проект, а решение Политбюро.

— Тем паче.

— Что вы предлагаете? — спрашивает Громыко неуверенно.

— Имеется, судя по тексту, какое-то обращение руководителей ЧССР за поддержкой. Оно, видимо, и должно было бы стать предлогом и обоснованием. Но никак не спекуляции прессы или рассуждения парламентариев. США вторглись в Доминиканскую Республику по приглашению безымянного капитана тамошней полиции. Это — коль требуются прецеденты. Утверждённый текст можно отправить нашему постпреду в ООН на случай батальи в Совете Безопасности.

— Давайте ваш набросок. Попробую доложить. Помогите разобраться в почерке.

Дописываю окончания нескольких слов, раскрываю аббревиатуры, прибавляю заключительную фразу и передаю Громыко. Все ещё недоуменный, он скрывается за дверью, которую перед ним распахнул сотрудник охраны. А вскоре возвращается и с привычной строгой миной извещает:

— Ваше предложение принято. И вот что ещё. Пишите-ка обращение к президенту Свободе. Нет-нет, — поправляется он, — тезисы обращения Свободы к своим согражданам. Учтите характер президента и его соображения, поступившие сегодня из Праги».

При этом сам ввод войск министр не комментирует, «не похоже, чтобы Громыко был в восторге. Пропадает и его труд. Последние десять лет уже на посту министра, сколько от него зависело и как умел, он торил тропки от конфронтации к взаимопониманию».

Для русского читателя Фалин не стал готовить новой версии книги. В итоге если оценки немецких политиков порой скуповаты, то описания действующих лиц советской истории читаются как роман. Автор наблюдателен и не стесняется в оценках. Он пишет, в частности, об отказе Сталина узнать правду о последних днях жизни его сына Якова, погибшего в немецком концлагере (Фалина в Берлине разыскал бывший заключённый того же лагеря). Упоминает и Молотова, деятельность которого в 1950-е едва не привела к расколу Австрии. Много внимания уделяет Андрею Громыко, с которым ему пришлось долго работать, и эти оценки не назовёшь подобострастными. Мемуарист пишет, в частности, о том, какую роль играла субъективность в советской международной политике. При этом сам Громыко предлагал Фалину после возвращения из Бонна должность своего заместителя. Но бывшему послу не хотелось. Он мечтал об Эрмитаже, хотя знал, что для него уже полгода держат кресло гендиректора ТАСС. При обсуждении его трудоустройства в Политбюро Суслов напомнил об этом, но неожиданно вмешался Черненко: генсек видит Фалина в ЦК. Так можно уточнить для себя табель о рангах — уровню руководителя ТАСС соответствовала должность замзава международным отделом ЦК.

Ценивший Фалина Брежнев сам, судя по всему, далеко не всегда мог преодолеть косность собственного окружения — история о том, как Дойче банк торил себе дорогу в СССР через тихое, но эффективное сопротивление Минвнешторга и Госбанка, была бы анекдотична, если бы не так печальна.

Книга вышла в серии «Наш XX век», где уже изданы мемуары многих политиков советской поры, от Добрынина до Примакова, у самого Фалина там вышла ещё книга о Втором фронте. Серии есть куда развиваться, ей не хватает альтернативного взгляда на советскую историю, книг диссидентов и «простых» граждан, описывающих повседневность. Как замечает Фалин, ссылаясь на некоего философа, «округа одинаковая, но каждый тем не менее живёт в своём мире, подметил умный философ». Вся разница в деталях, им и место.

Ещё на эту тему: см. интервью с Валентином Фалиным «Банда четырёх» и Горбачёв» («Совершенно секретно», N 3/380, март 2016 г.)

Об авторе обзора:

Алексей Мокроусов — литературный и художественный критик, главный

редактор «Московского книжного журнала». Печатается в «Коммерсанте» и «Ведомостях», журналах «Синий диван», «Теория моды», «Иностранная литература».

Плюс
Помощь
Детям

Помочь большому делу - ПРОСТО

Отправьте SMS на номер 3443 со словом bbhelp

Кому: 3443

bbhelp 300

Отпр.

www.bbhelp.ru

Благотворительный фонд

РАДИОФОН КУПРИЯНОВИЧА

В 1961 году советский инженер Леонид Куприянович продемонстрировал карманный мобильный телефон весом 70 граммов

Виктор МИШЕЦКИЙ

Специально для «Совершенно секретно»

Сейчас даже трудно представить, чтобы кто-то не имел мобильного телефона или не умел им пользоваться. Телефоны – на любой вкус. От классических моноблоков и «раскладушек» до «смартфонов» с сенсорным экраном, соединяющих в себе функции телефона и миникомпьютера. И на любую цену – от «бабушкофона» с большими клавишами и кнопкой SOS за тысячу рублей до iPhone 4 «Diamond Rose» с «яблоком» из розового золота в окружении 53 бриллиантов и восьмикратным розовым бриллиантом на месте кнопки Home стоимостью в пять миллионов фунтов. Важным признаком того, что «мобиля» окончательно вошла в нашу жизнь, стали признанные большинством психиатров психические расстройства. Например, телефобия – страх совершать или принимать звонки с мобильного, или номофобия – боязнь оказаться вне зоны доступа или, что самое главное, оказаться вообще без «мобилы» в кармане.

ГЛАВНОЕ НЕ МЁД, А «СОТЫ»!

Как во многих других областях достижений человеческого – не будем бояться этого слова! – гения, в мобильной связи немаловажным был и остаётся вопрос – кто первым изобрёл, предложил, внедрил в производство. Точнее – кто был тот человек, плодами трудов которого мы пользуемся сейчас, зачастую совершенно не ведая ни о его былом существовании, ни о тех трудностях и радостях, что сопровождали его труды.

Однако прежде чем приступить к определению приоритетов, следует сделать несколько уточнений, без которых мы не сможем разобраться – о чём, собственно, идёт речь? Итак, за исключением состоятельных обладателей спутниковых телефонов, тех, кто использует радиотелефоны и, по производственной необходимости, аппараты магистральной связи, все мы – суть абоненты сотовой сети. Её основные составляющие – сотовые телефоны и базовые станции. Включённый телефон прослушивает эфир, находит сигнал станции и посылает ей уникальный – я здесь! – идентификационный код, после чего находится со станцией в постоянном контакте, а если выходит из зоны действия одной станции, то налаживает связь с другой. Причём сотовые сети разных операторов соединены друг с другом и со стационарной телефонной сетью. Поэтому абоненты одного оператора могут делать звонки абонентам другого, звонить с «мобилок» на стационарные телефоны, со стационарных – на «мобилки». Общая зона покрытия делится на ячейки-соты, определяющиеся зонами покрытия отдельных базовых станций. Зоны покрытия частично перекрываются. Так как на идеальной поверхности зона покрытия одной станции представляет собой круг, то сеть имеет вид шестиугольных ячеек-сот.

Сотовая связь возникла не так уж давно. Считается, что в 1971 году, когда её архитектура, к этому времени уже проработанная, была изложена в докладе компании Bell System для Комиссии по связи США, но только в 1974 году комиссия выделила для сотовой связи полосы частот,

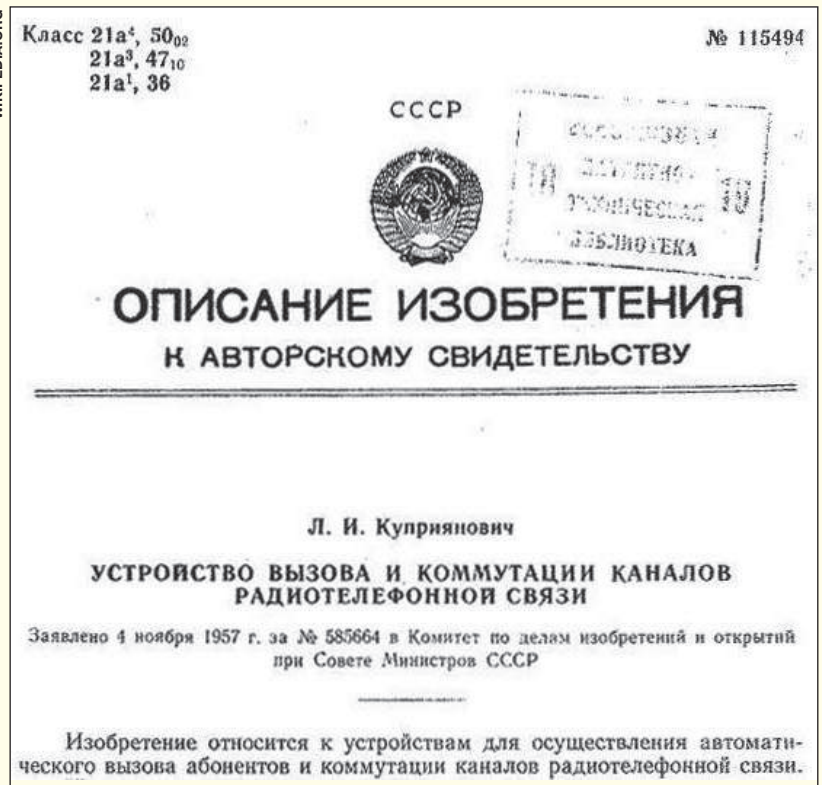
Леонид Куприянович

а в 1978 году в Чикаго на этих частотах начала работать система сотовой связи на 2 тысячи абонентов. Это было дорогое удовольствие – «мобилы» и в конце 1980-х стоили под 4 тысячи долларов плюс абонентская плата, но Чикаго – город контрастов. Правда, к этому времени уже почти 100 процентов территории Финляндии покрывали «соты» и счёт абонентов шёл на десятки тысяч, но и в США, и в других странах, помимо проблем с законодательством, с выделением частот для связи, главной проблемой была проблема технологии – ни станции, ни сами «мобилки» по своему технологическому уровню не соответствовали ни запросам потребителей услуг, ни тех, кто собирался услуги предоставлять. Понадобилось ещё почти 20 лет, чтобы мобильный телефон перестал быть дорогой и престижной игрушкой.

Следовательно, всё, что было до 1971 года, не сотовая связь, что, по большому счёту, не делает историю мобильной телефонии менее увлекательной.

ТЕЛЕФОН ДЛЯ ПАТРИАРХА

Первым мобильный телефон начал использовать великий Ларс Эрикссон. Да, тот самый, кто основал компанию Ericsson, телефонизировал родную Швецию, потом Норвегию, Данию, Финляндию, Австралию и Новую Зеландию. Эрикссон много и плодотворно работал в Российской империи. Он телефонизировал Киев, Харьков, Казань, а в 1897 году построил в Санкт-Петербурге телефонный завод. В 1910 году, уже оставив пост председателя компании, патриарх телефонии установил в своём автомобиле телефонный аппарат, провода от которого были присоединены к двум длинным шестам. В тех случаях, когда Эрикссону требовалось во время частых поездок по живописным шведским дорогам поговорить с друзьями, родственниками или узнать, как идут дела в компании, он останавливался, его супруга Хильда подходила к столбам телефонных линий, протянутых вдоль дороги, и дотягивалась шестами до разных пар. Определив, что связь есть, Эрикссон крутил ручку вызова и просил оператора соединить с нужным номером.

Однако телефон в автомобиле Эриксона, будучи формально «мобильным», ещё требовал проводной связи. Для полностью «мобильной» связи нужно было использовать радио, которое в начале XX века передавало сообщения только азбукой Морзе. Эту проблему решил выдающийся канадский изобретатель Реджинальд Фессенден, прославившийся также тем, что первым смог передать по радио музыку. Фессенден создал передатчик с непрерывным излучением, который производил синусоидальный сигнал на одной частоте (ротаторно-искровой передатчик Маркони этого сделать не мог), вставил угольный микрофон в передающую линию, и в 1900 году первым передал по радио звук. В 1906-м Фессенден уже продемонстрировал не только устойчивую голосовую радиосвязь, но и смог показать её возможности для беспроводной телефонной связи, соединив путём использования радиостанций, участки проводной телефонной сети между собой.

Неудивительно, что достижениями Фессендена одними из первых воспользовались сотрудники правоохранительных органов. В 1921 году в Детройте появились полицейские машины с приёмниками (передатчики были слишком громоздкими), принимавшими, по технологии Фессендена, задание с полицейской радиостанции. Скорость реагирования полиции увеличилась многократно, но система была ещё далека от совершенства – радиолампы в приёмниках выходили из строя от тряски, батарей хватало ненадолго. Только в 1928 году были созданы компактные передатчики, надёжные приёмники и батареи, подзаряжающиеся от автомобильных генераторов. Для гангстеров Детройта, где впервые нашли воплощение идеи знаменитого канадского профессора, наступили тяжёлые времена...

КИРПИЧ ОТ «МОТОРОЛЫ»

Удивительно, но понадобилось почти пятьдесят лет, чтобы комплекс идей мобильной связи начал воплощаться в жизнь. 3 апреля 1973 года глава подразделения мобильной связи компании

Motorola Мартин Купер сделал из центра Манхэттена звонок по мобильному телефону модели Dyna-TAC. Этот аппарат был похож на кирпич, весил более килограмма и заряда батарей хватало лишь на полчаса. Это была чистой воды пиар-акция. Звонок был сделан для поддержки предстоящего выделения частот Комиссией по связи США – требовалось показать, что мобильная связь имеет будущее, – и адресовался конкуренту, главе исследовательского отдела компании Bell Джозелу Энгелу. Энгел, услышав голос Купера, даже заскрипел зубами от зависти.

Однако советскому инженеру и изобретателю Леониду Куприяновичу – созвучность фамилий Купер и Куприянович лишь одно из многих, иногда чисто мистических совпадений в судьбе двух выдающихся людей, – не требовалось разрешений американской комиссии. У Куприяновича не было и скрежещающих зубами конкурентов. Да и мобильный телефон, правда не с кнопками, как у Купера, а с диском, у Куприяновича появился уже в 1957 году. Тогда Леонид Иванович прошёлся по московским улицам. Сделал пару звонков, но даже Куприянович не был первым, кто пытался проверить на практике действительно мобильный телефон...

...Принципы мобильной телефонии сформулировал в блокадном Ленинграде Георгий Ильич Бабат. В 1943 году Бабат представил и чертежи такого телефона, работающего в радиодиапазоне 1000–2000 МГц, с кодируемым в нём самом номером, с буквенной клавиатурой. Предполагалось, что телефон Бабата будет иметь функции диктофона и автоответчика, используя, из-за отсутствия сотовой сети, сеть СВЧ-волноводов. Вот только чертежи Бабата были сразу засекречены, его самого направили на работу в закрытый радиоинститут, посовещовав до поры до времени помалкивать...

Другим создателем мобильного телефона вполне мог стать Владимир Немцов, военный инженер и писатель, занимавшийся во время войны секретными работами войсковых радиостанций. Телефон Немцова был, однако, не очень удобен – он весил 15 килограмм, в первую очередь из-за батарей и из-за того, что работал на лампах размером с боль-

ПРИНЦИПЫ МОБИЛЬНОЙ ТЕЛЕФОНИИ СФОРМУЛИРОВАЛ В 1943 ГОДУ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ ГЕОРГИЙ БАБАТ. ЧЕРТЕЖИ БАБАТА БЫЛИ СРАЗУ ЗАСЕКРЕЧЕНЫ, А ЕГО САМОГО НАПРАВИЛИ НА РАБОТУ В ЗАКРЫТЫЙ РАДИОИНСТИТУТ

шой аптекарский пузырёк, так как пальчиковых ламп ещё в СССР не было.

В США мобильник пытался изготовить Карл Брейнард. В 1946 году Брейнард, разместив ретранслятор в автомобиле, закрепил «мобилу» в сумке для гольфа. Радиус действия был 50 км. Связь этот телефон обеспечивал устойчивую, но цена самого аппарата и минуты разговора была столь высока, что даже состоятельные члены гольф-клубов позволить себе такую роскошь не могли...

... Леонид Куприянович был тем не менее первым, кто в 1957 году, получил авторское свидетельство на своё изобретение – автоматический радиотелефон с прямым набором. Его ЛК-1 весил три килограмма, номер, как и в телефоне Бабата, кодировался в самом аппарате, что делало ЛК-1 первым действующим мобильным телефоном, а не носимой «радиотрубкой». Так как Куприянович был знаком с работой сотрудников фирмы Bell Дугласа Ринга и Рея Янга, в 1947 году предложившими принцип «сот» для мобильной телефонии, он более чем оптимистически прогнозировал развитие своего детища. Предполагая, что в недалёком будущем покрытие «сотами» будет широким, Куприянович видел в ЛК-1 только первый шаг полноценной мобильной связи.

Куприянович оказался и первым в создании суперлёгкого мобильного телефона. Его модель 1958 года – там тоже был диск, только набирать номер нужно было карандашом, – весила 500 грамм, а ведь этот рубеж преодолели лишь через 25 лет. Куприянович, будучи сотрудником «Ящика», закрытого научно-исследовательского института, занимался своими телефонами в «свободное от работы время». В многочисленных статьях, опубликованных во влиятельных в те времена журналах «Техника – молодёжи» и «Наука и жизнь», он прогнозировал, что вскоре такие телефоны будут стоить около 400 рублей, столько, сколько после реформы 1961 года стоил чешский мотоцикл «Ява». Недешёво, но накопить на мобильную связь могли многие. Наконец, в 1961 году Куприянович продемонстрировал карманный мобильный телефон весом 70 граммов. У этой модели было совсем мало функций, имелся ещё меньший диск, но телефон работал на полупроводниках, питался от никель-кадмиевых аккумуляторов, дальность его связи с базовой станцией была 80 км. Корреспонденты АПН, которым Куприянович показал свой телефон, писали, что он готов «к серийному выпуску на одном из советских предприятий»...

ДАЛЬШЕ – ТИШИНА...

Скептики – как же без них! – утверждали, что модели Куприяновича были не чем иным, как единичными образцами без каких-либо перспектив широкого применения. Завистники даже утверждали, что «радиофоны» Куприяновича – мистификация. Это далеко не так. Леонид Иванович был кандидатом технических наук, после работы в «Ящике» перешёл на работу в Академию медицинских наук, имел прекрасную квартиру, машину, был вполне обеспеченным человеком, а о своих изобретениях писал, помимо популярных журналов, в серьёзных изданиях, где были опубликованы принципиальные схемы радиофонов. Да и то, что на его радиофоны имелись авторские свидетельства, советский аналог патента, говорит о многом.

Радиофоны Куприяновича существовали и работали, но то, что о дальнейших разработках Куприяновича в этой области ничего не известно, вполне объяснимо. Во-первых, сам Куприянович почувствовал бесперспективность мобильной связи в СССР в те годы – действовал запрет на частное пользование рациями, – а он как бы доказал самому себе, что может сделать «мобильник», и занялся други-

Карманный мобильный телефон инженера Куприяновича

ми исследованиями, оставив за собой первенство. Во-вторых, мобильная телефония, предполагающая своеобразный демократизм и, даже при высокой цене, доступность, была в СССР того времени не нужна. Вместо неё создали систему УКВ радиотелефонной связи «Алтай-1», для «начальников». Эта система, размещаемая в служебном автомобиле, вполне соответствовала тогдашним запросам. «Начальники» были обеспечены проводной связью дома или на службе, на открытом воздухе с ними рядом всегда была машина с шофёром и не надо было думать о габаритах и весе аппаратуры. Всего «Алтай-1» обслуживал по всей стране около 1000 абонентов, и, как отмечает исследователь истории мобильной связи Олег Измеров, «Алтай», для тех, кто принимал решения, выглядел намного более реалистичнее, чем национальная сотовая сеть на базе радиодона.

«СНЫ О ЧЁМ-ТО ЛУЧШЕМ»

Переключившись на новое направление, Леонид Куприянович оставил работы по созданию радиодона. Занимаясь проблемами кибернетики, он исследовал вопросы улучшения памяти, занимался коррекцией нарушений сна, создавал сложные приборы, например «ритмосон», предполагая, что с его помощью можно будет влиять даже на подсознание.

С Куприяновичем произошло то, что случалось уже много раз и много раз случится в будущем, – он опередил своё время. Его радиодон не имел той экономической (также технологической, юридической и даже идеологической) базы, которая появилась у сотовой связи в конце 80-х годов XX века. Он, как и Мартин Купер, занявшийся технологиями беспроводного Интернета, «отошёл в сторону». Разве что, в отличие от Купера, всё-таки получившего за свою «мобилу» в 2013 году премию имени Маркони, Куприянович остался известным лишь историкам мобильной связи.

Кстати, не сумевший – да и не стремившийся! – преодолеть бюрократические препоны Куприянович мог знать, что у Купера также были схожие трудности. Ведь Комиссия по связи не одобрила заявку компании Motorola, куперовские «кирпичи» не могли поступить в продажу, а желавшие обладать ими записывались в очередь «на будущее», на 10 лет вперёд.

По существующему преданию, всё решили личные связи – один из братьев-основателей компании Motorola, Пол Галвин, используя старую дружбу с тогдашним вице-президентом США Джорджем Бушем, смог поговорить с президентом Рейганом, убедил того, что если не двинуть мобильную связь, то США проиграют «мобильную» гонку не только Японии, но и Финляндии. Предание гласит, будто в Комиссию по связи из Белого дома последовал звонок по мобильному телефону Купера и проблема частот была решена. Ирония лишь в том, что Motorola в конце концов оказалась разделённой и поглощённой компаниями Nokia и Google. Так и хочется воскликнуть: «Не задействуй административный ресурс, да не задействуем будешь!»

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО - ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ПУБЛИКАЦИЯ УНИКАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

из фондов Российского государственного архива
социально-политической истории
и других ведущих архивов России

читайте в журнале
«ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»
Индекс 79289

Российский государственный архив социально-политической истории – одно из ведущих архивных учреждений страны, осуществляющее хранение и обеспечение сохранности документов Архивного фонда Российской Федерации

В функции РГАСПИ входит:

● информационное обеспечение граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений на основе документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов;

● исполнение запросов российских и иностранных граждан, а также лиц без гражданства, связанных с реализацией их законных прав и свобод, оформление в установленном порядке архивных справок, в том числе направляемых в иностранные государства;

● подготовка документальных публикаций, а также документальных экспозиций и справочников о составе и содержании документов Архивного фонда Российской Федерации.

Адрес архива: Москва, ул. Большая Дмитровка, 15

ПИРРОВА ПОБЕДА ГЕНЕРАЛА БРУСИЛОВА

Сто лет назад русская армия начала наступательную операцию, которая вошла в историю как Брусиловский прорыв

1 июня 1933 — официально оформлено создание Северной военной флотилии, в 1937 году преобразованной в Северный флот.

2 июня 1927 — газета «Комсомольская правда» публикует стихотворение Владимира Маяковского «Господин «народный артист», послужившее сигналом к развязыванию травли великого русского певца Фёдора Шаляпина во всех советских изданиях.

3 июня (22 мая по ст. ст.) 1896 — в Москве подписан секретный договор между Российской империей и империей Цин (Китаем) о союзе против Японии, также предоставивший России право на постройку железнодорожной магистрали через Маньчжурию.

4 июня 1959 — завершился визит Никиты Хрущёва в Албанию — единственный в истории визит главы нашего государства в эту страну.

5 июня (23 мая по ст. ст.) 1916 — на выставленной немецкой субмариной мине подорвался британский крейсер «Хэмпшир», на борту которого находился направлявшийся с визитом в Россию военный министр Великобритании фельдмаршал Китченер.

6 июня 1922 — СНК РСФСР учредил Главное управление по делам литературы и издательства — печально знаменитый Главлит, ставший основным органом советской цензуры.

7 июня (27 мая по ст. ст.) 1763 — раскрыт заговор секунд-ротмистра и камер-юнкера Фёдора Хитрово, организованный с целью недопущения брака императрицы Екатерины II с Григорием Орловым.

8 июня (29 мая по ст. ст.) 1682 — царевна Софья Алексеевна официально стала правительницей-регентшей Российского царства ввиду малолетства царевичей Ивана и Петра.

9 июня (29 мая по ст. ст.) 1732 — издан манифест о заключении мира с Персией.

10 июня (31 мая по ст. ст.) 1584 — помазан на царство царевич Фёдор Иоаннович, сын Ивана IV. Фактическим правителем страны вскоре стал Борис Годунов, шурин царя.

11 (1 по ст. ст.) июня 1606 — Новгородский митрополит Исидор венчал на царство думного боярина Василия Шуйского, ставшего последним Рюриковичем на русском престоле.

12 июня 1991 — первым мэром Москвы избран Гавриил Попов. Спустя почти год он объявил о своём уходе в отставку.

13 (1 по ст. ст.) июня 1878 — в Берлине начал работу международный конгресс, пересмотревший условия Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией. Под давлением европейских держав ослабленная войной 1877–1878 годов Россия была вынуждена отказаться от основных плодов своей победы над Турцией.

14 (4 по ст. ст.) июня 1634 — подписанием мирного договора между Речью Посполитой и Русским государством в деревне Семлево на реке Поляновка завершилась Смоленская (руско-польская) война 1632–1634 годов.

15 (3 по ст. ст.) июня 1813 — Россия и Великобритания подписали в Рейхенбахе конвенцию о союзе против Наполеона. Согласно Рейхенбахской конвенции Россия в обмен на 1 миллион 333 тысячи 334 фунта стерлингов британских субсидий выставила против Наполеона 150-тысячную армию.

4 июня (22 мая по ст. ст.) 1916 года армии русского Юго-Западного фронта (ЮЗФ), которым командовал генерал-адъютант Алексей Брусилов, нанесли мощный удар по позициям австро-венгерских войск и Южной германской армии на направлении Луцк — Ковель. В классической военной истории это сражение Первой мировой войны, одно из самых ожесточённых и затяжных, значится как Луцкий прорыв. Но публике больше понравился запущенный газетами лихой оборот про Брусиловский прорыв.

Первоначально русским войскам сопутствовал значительный успех: артиллерия мощно отработала по батареям противника и окопам первой укрепленной полосы, позволив ударным группам фронта проломить эшелонированную оборону противника. Австро-венгерские войска стали отступать, только пленными потеряв за первые пять дней боёв, по версии генерала Брусилова, «1240 офицеров, свыше 71 000 нижних чинов». Был взят Луцк. Но вот немцы не дрогнули, так и не дав русским войскам овладеть Ковелем. По данным историка-архивиста Сергея Нелиповича, все четыре армии Брусилова к началу наступления располагали примерно миллионом солдат и офицеров, из них 223 тысячи — обученный запас для непосредственного пополнения частей. Ещё 115 тысяч солдат Брусилова были... безоружны: винтовок всё ещё не хватало! Противник же реально мог противопоставить войскам Брусилова 622 тысячи бойцов, хотя «мы считали, — писал Брусилов, — что перед нами находятся австро-германцы силою в 450 тысяч винтовок и 30 тысяч сабель». А тут ещё и разведка «сообщила нам, что в тылу у неприятеля резервов почти нет», — хотя противник располагал резервом в 56 тысяч бойцов. Так что с оценкой неприятеля русские штабы «промахнулись» почти на треть, не выявив у него ещё около 200 тысяч штыков и сабель. Ещё Брусилов признал, что вражеская «артиллерия была более многочисленна по сравнению с нашей, в особенности тяжёлой, и, кроме того, пулемётов у него было несравнимо больше, чем у нас».

Сил едва хватило на учинение прорыва, вспоминал начальник штаба 8-й армии генерал Балуев, но вот «дальше для использования не было уже ни сил, ни средств». Вскоре наступление превратилось в самоистребление: генералы тупо бросали полки в бессмысленные лобовые атаки на хорошо укрепленные вражеские позиции, наши войска захлебнулись своей же кровью. «Мы последовательно губили русскую военную силу под Ковелем... — с горечью писал генерал Зайончковский, командовавший 30-м армейским корпусом, — мы пять раз били в одно место... Можно было рассчитывать на успех

Генерал от кавалерии, генерал-адъютант А.А. Брусилов

второго, может быть, третьего штурма после неудачи первого, но вести их пять на протяжении пяти месяцев...» Из сводок штаба ЮЗФ следует, что за время операции войска фронта потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 1 446 334 человека, в том числе 18 790 офицеров. Но по хранящимся в РГВИА материалам фонда «Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка)» историк Нелипович высчитал: уже к концу октября потери войск Брусилова достигли 1 миллиона 650 тысяч человек! Зато было объявлено об отнятии у противника территории в 25 тысяч квадратных вёрст, захвате 417 тысяч пленных и потере противником до двух миллионов человек. На деле противник потерял в 2,5 раза меньше — около 790 тысяч своих солдат: тоже немало, но уже не так катастрофично. Трагичнее, что все наши потери оказались бесцельны: и глубокого прорыва в тыл противника не вышло, и никаких стратегических задач наступление не решило, уже в первый месяц поглотив все стратегические запасы и резервы других фронтов.

Зачем вообще всё это было нужно? Идея перехода в общее наступление принадлежит генералу Алексееву, начальнику штаба Ставки, 24 марта (6 апреля) 1916 года представившему Николаю II доклад с обоснованием необходимости взять стратегическую инициативу в свои руки. Ссылаясь на данные разведки, генерал Алексеев утверждал: как только установится хорошая погода, немцы начнут наступление на русском фронте, и потому их надо упредить, самим перейдя в наступление армиями всех трёх фронтов. Замысел получил окончательное оформление на совещании Ставки в Могилёве 1 (14) апреля 1916 года. Операция ЮЗФ поначалу замышлялась как вспомога-

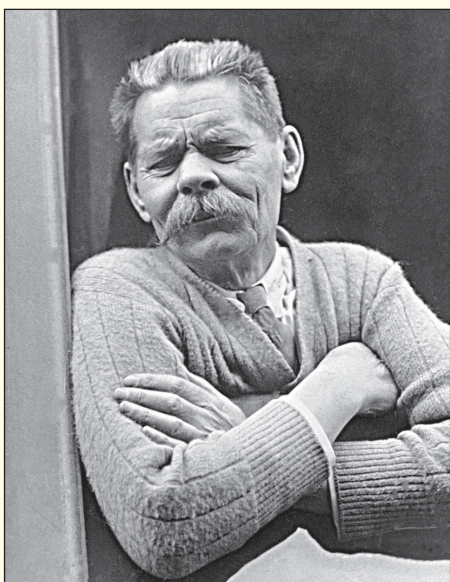
тельная, главный удар должен был наносить Западный фронт. Только все эти планы штаб Алексеева строил, как сообщает фундаментальный труд «Военная разведка России», «исходя из ложных посылок»: русской «разведке не удалось вскрыть план противника на кампанию 1916 г., как впрочем, и на предшествовавшие кампании...».

Сведения, полученные разведкой о планах немцев на Восточном фронте, оказались дезинформацией: германский Генеральный штаб (как и австро-венгерский) исключал любые наступательные операции против России в 1916 году. К тому времени российская армия едва оправилась от катастрофических потерь «Великого отступления» 1915 года, и наступление не соответствовало интересам России, никак не улучшая её стратегических позиций. Но позиционная война не давала возможности проявить себя целой когорте придворных генералов, и вот тут своего не упустил Брусилов, лихо выдавший на совещании в Ставке про бодрый наступательный дух, который якобы бурлит в войсках, про всеобщую жажду немедленного «наступления от всего сердца»... Как он бодро писал потом, «дело сводилось, в сущности, к уничтожению живой силы врага, и я рассчитывал, что разобью их у Ковеля, а затем руки будут развязаны, и куда захочу, туда и пойду». Куда, зачем, с какой целью и с какими ресурсами — такие мелочи совершенно не занимали придворного гвардейца-конника, полком и бригадой никогда не командовавшего, зато 26 лет проводшего на Шпалерной — в манежах Офицерской кавалерийской школы, сделавшего карьеру исключительно благодаря протекции и связям при дворе. За день до начала наступления этот Алексей Брусилов указывал генералу Каледину: надо просто идти напролом, «риска никакого нет; ну а если и есть риск, то без него на войне не обойдёшься», так что «нужно всё ставить на карту и без оглядки...». Всё и поставили, истребив цвет русской армии — последние остатки кадровых офицеров довоенной выковки, командовавших ротами и батальонами, а попутно — и последних кадровых унтеров. От этой страшной потери деморализованная русская армия уже не оправится. А ещё это бездарное самоистребление окончательно подорвало престиж правящей династии, вызвав бурное негодование общества, тут же обострился политический кризис, вылившийся в конечном счёте в февральско-мартовский переворот 1917 года...

За эту наступательную операцию император Николай II наградил командующего Юго-Западным фронтом Алексея Брусилова Георгиевским оружием с бриллиантами.

Мы последовательно губили русскую военную силу под Ковелем... мы пять раз били в одно место

ГОРЬКИЙ: СМЕРТЬ ПО РАСПИСАНИЮ

РИА НОВОСТИ

18 июня 1936 года на правительственной даче в Горках-10 скончался писатель Максим Горький, он же Алексей Максимович Горький, он же Алексей Пешков. Обстоятельства его смерти были странны, страшны и загадочны, а официальные сводки о ходе болезни нелепы, путаны, противоречивы, полны недомолвок и откровенной лжи, чтобы принять версию ненасильственной смерти. До сих пор даже нет ясности, от чего именно Горький умер: болячек у него хватало, не секрет, что всю жизнь он страдал от туберкулёза, о следах которого в заключении патологоанатомов — ни слова! Казённое медзаклучение, путаясь, говорит то о гриппе, то о непонятной «тяжёлой инфекции», а акт вскрытия — о смерти в связи с неким «острым воспалительным процессом в нижней доле левого лёгкого»...

Официально Алексей Максимович заболел 1 июня 1936 года — вдруг и сразу. И тут же пошли «чудеса», описанные литератором Аркадием Ваксбергом: пачками стали звонить анонимы — тоже «вдруг», по кремлёвскому телефону (!), — спрашивая, куда доставлять венки и телеграммы соболезнования. Пришло и несколько таких телеграмм. В особняке на Малой Никитской — тоже «вдруг» — нарисовались товарищи с ордерами районного архитектора, требуя срочно освободить дом, находившийся, между прочим, на балансе АХУ Кремля! Понятно, что это был спектакль и режиссёр его угадывается. А с 6 июня 1936 года «Правда» — тоже «вдруг» — публикует бюллетени о состоянии здоровья Горького, что поистине уникально: ранее такие бюллетени публиковались лишь однажды — во время предсмертной агонии Ленина. После — тоже лишь раз: во время агонии Сталина! Страну и мир явно готовили к уходу Горького.

К тому времени Горький — глыба мировой литературы, её «живой классик». В 1932 году Страна Советов пышно отметила 40-летие его литературной деятельности: переименовали в честь него Нижний Новгород и главную улицу столицы, столичный же Парк культуры и отдыха, даже Московский художественный театр тогда стал имени Горького. Имя Горького получило множество улиц, театров и парков культуры в других городах, выпустили несколько марок с его портретом. В том же 1932 году решили построить и самолёт-гигант «Максим Горький»... Но купоны с этого спектакля стриг не Горький, а его подлинный режиссёр: на вершине (и закате) своей славы «буревестник революции» отменно послужил не просто культурной ширмой режима Сталина, но и славно потрудился, по меткому выражению известного литературоведа Бенедикта Сарнова, для оправдания

Последние два года своей жизни «буревестник революции» провёл фактически под домашним арестом

всей его политики, «для легитимизации его роли вождя партии и народа, единственного законного преемника Ленина». Именно «великий гуманист Горький» на всю планету восхищался идиллией «трудового перевоспитания» в Соловецком лагере особого назначения ОГПУ и воспел рабский труд заключённых — строителей Беломорско-Балтийского канала, он же подарил Сталину и один из самых страшных лозунгов, оправдывающих любой террор: «Если враг не сдаётся, его уничтожают». В его активе публичное оправдание уничтожения крестьянства, коллективизации и раскулачивания. Как один из созидателей сталинского имиджа он был незаменим, но до поры: как любил говаривать сам вождь, незаменимых у нас нет.

К 1936 году время живого Горького не просто зримо истекло и вождь перестал нуждаться в его услугах, а много хуже — он становился досадной помехой. Не считая такой «мелочи», что к тому моменту в отношениях Сталина с Горьким уже побиты все горшки. Причин тому немало. Например, писатель так и не стал делать пьесу о «вредителях», хотя товарищ Сталин очень просил. Более того, проигнорировал и официальный заказ на создание художественной биографии вождя, хотя это было предложение не из тех, от которых можно было уклониться. Алексей Максимович в 1931 году всё же вынужден был дать согласие на её написание, даже получил подъёмные, а из секретариата вождя — необходимые материалы. Но биографию так и не написал, саботировав заказ Сталина. Такого тот не прощал, хотя, по своему обыкновению, с резкими телодвижениями не спешил. Впрочем, быть может, сталинским «ответом» стала смерть в мае 1934 года сына Горького, Максима? Но тема ликвидации Максима Пешкова оперативниками Ягоды — отдельная история, уже добротню проработанная исследователями. Открытым остаётся лишь вопрос, сделано ли это было

с негласно-молчаливой санкции вождя или по его прямому указанию.

Раздражала и настораживала «хозяина» и дружба «буревестника» с Бухариным и Каменевым. В 1933 году Горький буквально вынудил Сталина вернуть Каменева из ссылки, назначить директором издательства Academia, да ещё и высказал пожелание, чтобы тот стал во главе создаваемого Союза писателей СССР! После ареста Каменева в декабре 1934 года личные отношения Сталина с Горьким разорваны окончательно, а в 1935 году «буревестник» демонстративно затребовал заграничный паспорт для выезда в Италию и получил отказ.

Последние два года своей жизни «живой классик» провёл фактически под домашним арестом, в изоляции от внешнего мира, окружённый непроницаемым кольцом чекистов и сексотов. Он, конечно, не был опасен вождю, но уже сама ситуация как бы говорила, что и время «буревестника» вышло, и пора перемещать его в Кремлёвскую стену. Поскольку мёртвые классики всегда удобнее живых: не фрондируют с фигой в кармане и не отказывают товарищу Сталину в его просьбах. Да и никак не мог, не должен был классик дожить до запланированного на август 1936 года Первого московского процесса — того, на котором среди прочих к расстрелу приговорят и столь близкого Горькому Каменева. Мало ли что, вдруг выкинет фортель...

И вот классик наконец ушёл — странно, страшно, в муках, но вовремя и к стати... Сам генеральный режиссёр трижды приезжал к Горькому во время его агонии: поговорить о... французской литературе и французском же крестьянстве, как гласит официальная версия. — Может надо было своими глазами убедиться, что дело сделано и классик реально уходит в вечность?

«Календарь» подготовил
Владимир Воронов

РИА НОВОСТИ

Похороны Горького 21 июня 1936 г. Сталин с членами Политбюро несёт урну с прахом писателя

16 (3 по ст. ст.) июня 1907 — император Николай II подписал указ о роспуске II Государственной думы и одновременно изменил избирательный закон, дабы радикально изменить состав будущей Думы.

17 (5 по ст. ст.) июня 1801 — в Петербурге подписана Морская конвенция между Россией и Великобританией (ещё именуется Конвенцией о взаимной дружбе), прекратившая состояние войны, в котором обе страны находились с 1800 года.

18 июня 1919 — английский торпедный катер потопил на кронштадтском рейде крейсер Красного Балтийского флота «Олег».

19 (8 по ст. ст.) июня 1762 — между Пруссией и Россией заключён трактат об оборонительном союзе, секретная статья которого предусматривала посылку русского корпуса на помощь прусскому королю Фридриху II для войны против Дании.

20 июня 1950 — в газете «Правда» опубликована работа Иосифа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», обозначившая очередной этап вмешательства государства в дела сугуболингвистические и филологические.

21 июня 1944 — постановлением СНК СССР создано первое Нахимовское военно-морское училище.

22 июня 1941 — нацистская Германия напала на Советский Союз.

23 (11 по ст. ст.) июня 1892 — император Александр III отменил реформу городского самоуправления 1870 года, утвердив новое «Городовое положение»: избирательных прав оказались лишены не только абсолютно все горожане без недвижимой собственности, но даже огромный массив домовладельцев. Из 9,5 миллиона горожан, ранее имевших избирательные права, их сохранили лишь 100 тысяч человек.

24 (14 по ст. ст.) июня 1619 — в Москву вернулся освобождённый поляками из плена митрополит Филарет, в миру Фёдор Никитич Романов, отец первого царя династии Романовых — Михаила Фёдоровича. Спустя 10 дней Филарет стал Патриархом Московским и всея Руси.

25 июня 1941 — правительство Финляндии объявило, что находится в состоянии войны с СССР.

26 (13 по ст. ст.) июня 1907 — в Тифлисе группа большевиков-террористов под руководством Камо совершила нападение на перевозившие крупную сумму два фаэтона казначейства. Жертвами нападения стали пять казаков и городских, ещё 19 человек получили ранения, похищена 241 тысяча рублей.

27 (15 по ст. ст.) июня 1877 — русская армия успешно форсировала Дунай у местечка Зимница, разорвав стратегическую линию турок в самом её центре.

28 июня 1940 — советские войска вошли на территорию Бессарабии и Северной Буковины.

29 июня 1957 — завершился Пленум ЦК КПСС, на котором потерпела поражение попытка группы во главе с Маленковым и Молотовым сместить Хрущёва с поста Первого секретаря ЦК.

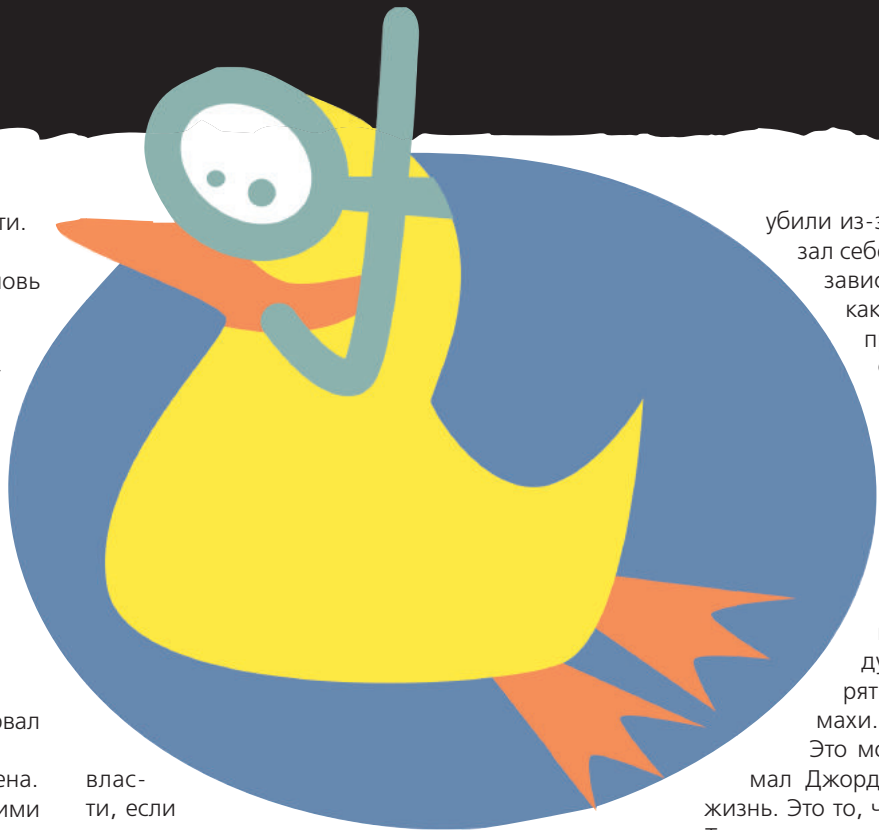
30 (17 по ст. ст.) июня 1908 — над тайгой в районе реки Подкаменная Тунгуска на высоте примерно 5–15 км взорвался метеорит, вошедший в историю как Тунгусский. Мощность его взрыва оценивают в 40–50 мегатонн тротилового эквивалента.

ОБ АВТОРЕ

Уильям ЛОГАН, американский писатель XX века. Специализировался на детективах. Наиболее активный период карьеры пришёлся на 1950-е – 1960-е годы. Издал несколько сборников рассказов, часто печатался в сборниках Альфреда Хичкока.

Уильям ЛОГАН

Убийца с сердцем

— Я не хочу возвращаться без него, — хмуро сказал Джордж. Он не хотел спорить, но понимал, что без этого не обойтись.

Его жена сидела за белым столом на кухне и держала в одной руке яйцо, а в другой носок. Она положила яйцо в носок, потом аккуратно положила его на стол и пристально посмотрела на мужа.

— Почему не хочешь? — тоже нахмурилась она. — Какая разница?

— Разница есть, и в первую очередь разница для меня, — пожал плечами Джордж. — Не забывай о моей репутации. У меня репутация надёжного человека. И я должен оставаться надёжным. Репутация в жизни самое главное, и наша профессия не исключение.

— Не волнуйся, Терри не избавится от тебя только потому, что ты вернёшься без этого парня, — стояла на своём жена. — Всё очень просто. Ты можешь поехать и потратить пару дней на поиски... всё настоящему, никаких фокусов. Для тебя это будет нетрудно, потому что ты хорошо его знаешь и знаешь, где его нет и где искать бессмысленно. Ты легко сможешь создать впечатление, что стараешься изо всех сил, Джордж. Потом вернёшься, как будто сделал всё, что мог... Какой от этого может быть вред?

— Вред в том, что мне это не нравится, — покачал он головой. — Я никогда не делал ничего подобного.

— У тебя никогда не было и такого задания, — напомнила ему жена.

Джордж подошёл к холодильнику и открыл его. Он несколько секунд изучал содержимое, потом достал апельсин и начал аккуратно его чистить кухонным ножом.

— Проблема не в этом. Проблема в том, надёжен я или не надёжен? Можно на меня положиться или нет?

— Джордж...

— Мне всё это нравится не больше, чем тебе. Но Терри знал, что делает, когда поручил мне это задание. Наверное, он подумал, что раз я знаю его лучше всех остальных, то мне и следует поручить поиски. Думаю, этим и объясняется его выбор.

Джордж положил дольку апельсина в рот. Жена пристально наблюдала за ним.

— Как ты можешь так спокойно сидеть и рассуждать об этом, как о погоде? Ты само спокойствие. Такое ощущение, что тебе абсолютно наплевать.

— Не говори так, — Джордж проглотил апельсин. — Мы были близки. Было время, когда мы были близки, как родные братья. Но что я могу сейчас сделать?

— Я тебе только что сказала, что ты можешь сделать. Притворись, что усердно ищешь, что роешь носом землю. Неужели у тебя раньше не было неудач?

Джордж кивнул. Он положил в рот вторую дольку апельсина и принялся медленно жевать. Проглотив, сказал:

— Была одна, но потом выяснилось, что он умер естественной смертью.

— Никакой разницы, — пожала плечами жена. — Как тогда отнёсся к этому Терри? Он хотел от тебя избавиться?

— Нет, он был сильно недоволен.

— Недоволен... доволен — какая разница! Главное, что ты продолжаешь на него работать.

— Да, ты права... Всё, мне пора идти. Дорога предстоит долгая.

— Подумай о том, что я сказала, — вновь попросила жена.

— Конечно, — кивнул Джордж.

Он встал и доел апельсин. Выбросив кожуру, надел плечевую кобуру с пистолетом и поверх неё пиджак.

— Может, стоит захватить плащ?

— задумчиво произнёс Джордж. —

Такая погода, что никогда не знаешь, когда пойдёт дождь.

Жена ничего не сказала. Джордж достал из шкафа плащ и повесил его на руку.

— До встречи, — попрощался он.

— Джордж, пожалуйста...

— Давай не будем ссориться, — оборвал Джордж. — Я уйду. Я должен ехать.

— Мне это не нравится, — сказала жена.

— Я обязательно подумаю над твоими словами. Честное слово.

— Неужели ты не можешь сделать то, что я хочу? Ведь ты сам хочешь то же самое. По крайней мере, ты говорил это.

— Мы уже обсуждали это, — покачал головой Джордж, стоя уже у двери. — Сейчас мне пора.

— Пожалуйста, Джордж, — взмолилась жена.

Джордж пожал плечами.

— Я позвоню перед возвращением...

Джордж вёл машину очень аккуратно. Не превышая скорости, он выехал за город. Машин в этот поздний час было немного. Он решил, что можно закурить и обдумать, что делать дальше.

Фред был его двоюродным братом. Кто знает, может, жена и права. Нельзя вот так просто отмахнуться от её слов. По крайней мере, в них были смысл и логика. Это задание отличалось от всех остальных, потому что его мишенью не был, как обычно, незнакомый человек. Когда он говорил об отношениях, то не кривил душой. Они с Фредом были ближе, чем простые кузены. Они действительно не один год были, как родные братья. Джордж помнил общие секреты, операции, в которых они участвовали. Он вступил в организацию раньше Фреда и помнил, как добыл для него первое задание, как будто это было вчера.

И вот сейчас, после всего этого Фред дезертировал, бросил работу и покинул организацию. Он сказал, что решил завязать. Фред объявил, что полностью порывает с организацией и больше не хочет иметь с ней никаких дел. Конечно, Терри был прав: нельзя, чтобы люди вот так брали и по своей прихоти уходили из организации. Человек, занимающий такой важный пост, как Фред, должен помалкивать и терпеть, даже если решил выйти из игры. Человеку, покинувшему организацию, нет доверия. А если это человек, который знает много тайн, то он представляет особую опасность, и от него необходимо избавиться. Даже если забыть слова Терри об уроке для остальных, остаётся вопрос информации и угрозы для организации. Джордж понимал, что Терри во многом прав.

Ситуацию значительно осложняло то, что Фред не был пешкой в организации. Он знал, как вращаются её шестерёнки. Если он пойдёт в полицию, то организации может быть нанесён непоправимый вред. Фред входил в высшие эшелоны

власти, если можно так сказать. В отличие от Джорджа он не был киллером, и ему не поручали физические устранения. Фред был ценен для организации в другом качестве. По крайней мере, руководство ему доверяло. Если человек, занимающий такое положение, решил выйти из игры, подумал Джордж, необходимо быть уверенным, что он будет молчать. Одного его слова недостаточно. Слишком велик риск. Такому человеку необходимо закрыть рот. И если это задание поручили ему, то их родство и отношения отходят на задний план. Главное — работа.

Джордж понимал, что должен выполнить задание. Однако по мере приближения к Нью-Йорку, куда, как он был уверен, сбежал Фред, его беспокойство усиливалось, а уверенность ослабевала.

Не следовало ей спорить со мной, раздражённо подумал Джордж о жене. Он не понимал причину тревоги. Возможно, это были угрызания совести или эмоции. Но поскольку раньше у него не было подобных ситуаций и крайне редко приходилось иметь дело с такими чувствами, то он решил, что всё дело просто в нервах. В любом случае ей всё же следовало молчать, вновь подумал он. Она знает меня и знает, что я сделаю то, что нужно сделать. Сейчас она заставила меня задуматься, заронила во мне сомнения.

Джордж боялся, что всё это отрицательно скажется на его поисках или, что ещё хуже, на самом важном моменте, который наступит после окончания поисков. Он боялся, что допустит ошибку. Несмотря на всю его браваду и напускную уверенность жены, он не знал, как в организации отнесутся к его неудаче. Не исключено, что Терри решит, что Джордж постарел и больше не нужен. Незаменимых людей нет. В любом случае он был уверен, что к ним не относится. В случае неудачи Джордж мог сам превратиться в мишень. Если это произойдёт, ему придётся прятаться всю жизнь, а он хорошо знал, как это трудно...

«Зачем ты сделал это, Фред?» — наверное, в сотый раз мысленно спросил Джордж. Но он был уверен, что не имеет никакого отношения к решению Фреда. Фред знал, что с ним будет, когда принимал решение, снова и снова мысленно повторял Джордж, мчась через ночь. Фред был взрослым человеком и знал, на что идёт. Я не могу позволить, чтобы меня

убили из-за Фреда, сказал себе Джордж, независимо от того, какими были его причины. Если Фред решил сделать такую ошибку, то это не значит, что и он, Джордж, должен вести себя, как последний дурак, и повторять за ним промахи.

Это моя работа, думал Джордж, и вся моя жизнь. Это то, что я умею делать. То, что я делаю и что должен делать. Я не могу совершать глупости, у меня серьёзная и важная работа. Я не имею права ни на минуту забывать об этом.

На окраинах Куинса Джордж сбросил скорость. Поездка приближалась к концу. Он был на месте, теперь начинались поиски. Прогони эти глупые мысли, в отчаянии приказал он себе, избавься от них! Перестань терзать себя, это только всё ухудшит!

С поисками особых проблем возникнуть не должно. Джордж знал, что у Фреда есть женщина, и знал, кто она и где живёт. Он был уверен, что Фред обязательно связан с ней.

Фред не скрывал от него свою личную жизнь. Джордж не знал имени подруги брата, но знал, что она живёт на Восточной 53-й улице. Он не сомневался, что рано или поздно Фред свяжется с ней, даже если не сделал это в самом начале. Он осторожно вёл «форд» в плотном потоке машин и сейчас думал только о дороге. Он не мог позволить себе сейчас попасть в аварию или привлечь внимание полиции.

Джордж остановился через три дома от многоквартирного жилого здания, в котором обитала девушка Фреда. Ему повезло. Через пару минут около нужного дома остановилось такси. Из него вышла миловидная стройная молодая женщина. Джордж знал по описанию Фреда, что это она. Ему предстояло решить, что делать дальше: ждать Фреда на улице или подняться наверх? Джордж быстро решил, что лучше будет ждать с девушкой наверху. Так у Фреда будет меньше шансов улизнуть. К тому же он вполне мог сейчас находиться в её квартире.

Джордж сейчас работал. Он сейчас механически взвешивал за и против, отсеивал ненужное и автоматически прогонял любые эмоции и воспоминания. Джордж понимал, что приближается кульминационный момент и что он не может себе позволить на решающей стадии роскошь размышлять о совести, морали и прочих эмоциях.

Джордж догнал девушку Фреда у лифта. Она не обратила на него внимания, когда он зашёл в кабину следом за ней. Девушка нажала кнопку четвёртого этажа. Когда лифт остановился, она открыла дверцы и вышла. Он последовал за ней. Она быстро подошла к двери своей квар-

тиры. Она по-прежнему не обращала на него внимания, наверное, решив, что он пришёл к кому-то из соседей. Он достал пистолет и сейчас держал его в руке под пиджаком.

– Открывайте дверь и заходите в квартиру! – неожиданно произнёс Джордж. Он говорил приглушённо, но достаточно громко, чтобы она отчётливо расслышала его в тишине. – Если будете слушаться, я ничего вам не сделаю.

Девушка резко повернулась к нему.

– Нет... – покачала она головой после небольшой паузы.

– Откройте дверь, – повторил Джордж. – Я не хочу причинять вам боль.

– Вы ищите... его здесь нет... Я не знаю, что вам нужно, – спохватилась она.

– Вы знаете, что мне нужно, – покачал он головой. – Давайте поговорим в квартире.

– Вы не можете...

Джордж показал пистолетом на дверь.

– ...они вас ждут внутри, – предостерегла девушка. – Они вас убьют.

– Мне надоело попусту тратить время.

– Джордж навёл пистолет на неё и угрожающе нахмурился.

Девушка молча открыла дверь и осторожно вошла в квартиру. Она не сдалась и решила схитрить. В последнюю долю секунды подруга Фреда попыталась захлопнуть дверь перед его лицом, но он её опередил и всем весом бросился на дверь.

Джордж вошёл в квартиру, закрыл дверь и с минуту стоял, прислонившись к ней и внимательно прислушиваясь. Они стояли в длинном коридоре. На полу лежала красная ковровая дорожка, а стены были выкрашены в светло-серый цвет. В конце коридора виднелась просторная комната, в левой стене были двери.

– Ни звука! – велел Джордж. – Вашему Фреду это не поможет.

– Фреду? – с притворным удивлением переспросила она. – Я не знаю никакого Фреда.

– Не играйте со мной!

– Но я правда не знаю никакого Фреда, – стояла она на своём.

Джордж медленно повёл девушку к гостиной, держа её перед собой.

– Сидите тихо, – сказал Джордж. – Не исключено, что нам предстоит долгое ожидание.

– Я не знаю никакого Фреда. Вы, должно быть, ошиблись адресом. Я... я не понимаю, о чём вы говорите.

– Ну конечно, – хмыкнул Джордж.

– Если не верите, спуститесь вниз и проверьте. Вам скажут, что я живу одна...

– Сядьте, – прервал её Джордж и показал пистолетом на стул. – Конечно, вы живёте одна. Фред платит за квартиру. Бесплезно. Вам меня не обмануть.

Девушка надолго замолчала. Наверное, пытается решить, продолжать хитрить или сказать правду, подумал он.

– Вы не можете его убить, – наконец тихо произнесла она. – Фред не хочет никому сделать ничего плохого. Он только хочет, чтобы его оставили в покое.

– Я делаю свою работу.

– Но Фред не сделал ничего плохого. И он ничего не сделает, никому не навредит.

Он внимательно посмотрел на девушку и похвалил Фреда за вкус. Она была среднего роста, изящная, со светло-каштановыми волосами и миловидным лицом.

Неожиданно у Джорджа промелькнула мысль, что он сомневается в своей способности выполнить задание. Он испугался этой мысли и попытался её прогнать.

– Пожалуйста, не трогайте его! – взмолилась девушка. – Я сделаю всё, что вы захотите.

– Бесплезно, – раздражённо ответил Джордж, – и вы это знаете.

Он понимал, что если сейчас уйдёт, то Терри обязательно пришлёт ещё одного человека, а также отправит третьего кил-

лера на поиски уже его самого. Было безумием даже думать о том, чтобы не выполнить задание...

– Я хочу, чтобы вы сидели тихо и молчали, – сказал он. – Одно слово, одно движение – и этот пистолет выстрелит. На нём глушитель. Если понадобится, я убью вас и спокойно дождусь Фреда, но уже один, без вас.

– Пожалуйста, – ещё раз попросила девушку и обречённо замолчала.

Они сидели неподвижно.

но. В квартире не раздавалось ни звука.

Их как будто с головой накрыло толстым одеялом тишины. Всё изменилось, подумал Джордж, вернуться в старую, простую жизнь уже невозможно.

Тишину разорвала резкая трель звонка. Джордж с девушкой осторожно вышли в коридор. Он спрятал руку с пистолетом в карман пиджака и велел:

– Открывайте!

Новая трель. Девушка с опаской взялась за ручку:

– Кто там?

– Чистка одежды, – произнёс голос за дверью.

Она открыла дверь. Перед дверью стоял юноша. В руке он держал вешалку с платьем.

– С вас доллар пятьдесят, – сказал паренёк.

Джорджу показалось, что посыльный похож на Фреда. У него были такие же глаза и тонкое лицо, но он понимал, что это, конечно, не Фред, а другой человек.

– Может, Фред сегодня не приедет, – сказала девушка, закрыв дверь.

– Не волнуйтесь, – хмуро ответил Джордж, – я терпеливый. Подожду, сколько нужно. Возвращайтесь в гостиную.

Она опять села на стул с прямой спинкой. Джордж нервно мерил комнату шагами, пока не услышал в двери звук поворачивающегося ключа.

Девушка вскочила. Джордж двумя быстрыми шагами оказался около неё и прошептал, прижав пистолет к её спине:

– Ни звука!

Дверь распахнулась. Фред увидел их в коридоре, но тем не менее переступил порог. Он закрыл за собой дверь и улыбнулся.

– Я тебя ждал, – сказал Джордж вместо приветствия.

У Фреда было узкое лицо. Он уже начал лысеть. На нём был простой коричневый костюм. В таких неприметных костюмах они часто занимались делами.

– Нет, не надо... – произнёс Фред.

Они перешли в гостиную. Джордж отошёл от девушки, держа в руке перед собой пистолет. Он занял позицию, откуда мог видеть их обоих. Стоило Фреду едва заметно повернуться и сделать полшага к коридору, как он мгновенно навёл на него пистолет.

ГЕНАДИЙ КОРНЫШЕВ

– Не успеешь, – предупредил он. – Ты не успеешь даже открыть дверь, как получишь пулю.

Фред повернулся к нему.

– Зачем тебе меня убивать, Джордж? – сказал он. – Это может сделать кто угодно, но только не ты!

– Я приехал тебя убить!

– Но я же Фред...

Джордж откашлялся и мысленно спросил себя: почему я не стреляю?

– Послушай, – прервал затянувшуюся паузу Фред. – Я хочу сказать... она права. Её можно не трогать.

Джордж кивнул.

– Послушай, Джордж, я бы всё равно ничего не сделал. Я не пойду в полицию. Ты же меня знаешь...

Джордж вновь кивнул.

– Пожалуйста... – взмолилась девушка. – Послушайте его. Он не выдаст вас. Не убивайте его...

Джордж молча чего-то ждал.

– У каждого человека должна быть возможность исправиться, Джордж, – сказал Фред. Джордж опять кивнул. – Я не обязан всю жизнь оставаться в организации.

– Верно, ты никому ничего не обязан, – согласился Джордж.

– Послушай, Джордж, почему ты это делаешь? Ведь мы были друзьями. Даже больше, чем друзьями...

– Я не могу и не должен тебя слушать, – ответил Джордж, сжимая в руке пистолет. Ему казалось, что он слышит в голосе Фреда отзвуки слов жены, девушки Фреда и даже своего собственного голоса.

– Ты должен меня выслушать, Джордж... – сказал Фред.

Девушка стояла сбоку от Джорджа. В тот самый момент, когда Фред произнёс эти слова, она бросилась на Джорджа, пытаясь схватить руку с пистолетом. Реакция его не подвела. Свободной рукой он легко, без особых усилий отбросил её назад.

Фред бросился на него, но тут же замер, как вкопанный. Джордж быстро сделал шаг назад и сейчас вновь держал его под прицелом.

– Бесплезно, – сказал он.

– Господи!.. – простонал Фред.

Палец Джорджа на курке начал напрягаться. Звук выстрела долетел, словно со стороны. Он с удивлением и ужасом увидел, как Фред медленно, словно в замедленном фильме, падает на пол.

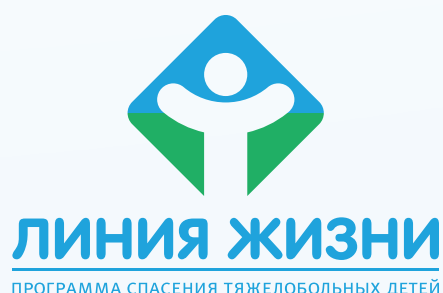
Девушка бросилась на колени около Фреда. Она застыла, как каменное изваяние, приготовившееся принести жертву.

– Зачем вы убили его?.. – Глаза девушки наполнились страданием и болью. Сейчас в них сверкали слёзы.

Джордж недоуменно посмотрел на пистолет в своей руке. Всё конечно. Все решения были приняты, все поступки совершены. Теперь не нужно ничего придумывать, подумал он, необходимо жить в том мире, какой есть. Главное – репутация надёжного человека, на которого можно положиться. Нужно помнить об этом и неукоснительно выполнять свои обязанности. У него есть ответственная работа, которую необходимо делать, нравится она ему или нет. И думать об этом бессмысленно...

Джордж знал, что девушка не представляет опасности и что её можно оставить в живых. В квартире и во всём доме царила тишина. Звук выстрела пистолета с глушителем её не потревожил.

Нужно идти, подумал Джордж. Ему предстояла долгая дорога домой. К тому же сюда, скорее рано, чем поздно, приедет полиция. Да и Терри захочет побыстрее узнать, что произошло в Нью-Йорке. Он медленно и осторожно направился к двери в окружении звенящей тишины...

САМОЕ ВРЕМЯ
ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА!

ОТПРАВЬ SMS НА НОМЕР **3242**

УКАЖИ СУММУ ПОЖЕРТВОВАНИЯ

например: **100**

СПАСИ РЕБЁНКА!

Все собранные средства поступают на оплату высокотехнологичных операций детям с опасными для жизни заболеваниями сердца, головного мозга и позвоночника. Подробнее на www.life-line.ru

0+

Сервис доступен только с авансовых и некорпоративных счетов, минимальный платеж — 10 рублей, максимальный — 15 000 рублей.
*life — жизнь.

Реклама